

ФЭННИ ФЛЭГГ

Рождество и красный кардинал

Посвящается Йони, Кейт и Рите

Город ветров[1]

Было только шестое ноября, но в Чикаго вовсю свирепствовала метель, уже вторая за эту осень. Освальду Т. Кэмпбеллу всерьез казалось, что по дороге к врачу он не пропустил ни одной глубокой лужи, и каждая была до краев заполнена ледяной жижей. Когда он наконец прибыл на место, основательный запас бранных слов, которых он успел нахвататься за свою непродолжительную службу в армии, весь иссяк.

Регистраторша, поприветствовав его, протянула планшет с анкетой:

— Мистер Кэмпбелл, мы получили вашу медицинскую карту и данные по страховке, но доктор Обечек предпочитает, чтобы новые пациенты сообщали о себе краткие сведения. Будьте добры, заполните, пожалуйста.

Господи, неужели нельзя обойтись без этих вечных анкет, раздраженно подумал Освальд, однако послушно взял планшет и принялся за дело.

Имя: Освальд Т. Кэмпбелл

Адрес: меблированные комнаты «Де Сото», 1428, Леннон-авеню, Чикаго, штат Иллинойс

Пол: мужской

Возраст: 52

Волосы: там, где еще остались, рыжие

Глаза: синие

Рост: пять футов восемь дюймов

Вес: 161 фунт

Семейное положение: разведен

Дети: слава богу, нет

Ближайшие родственники: бывш. жена, миссис Хелен Гвинн, 1457, Хоуп-стрит, Лейк-Форест, штат Иллинойс

На что жалуетесь: команде «Юнцы» нужен новый игрок второй базы[2]

Граф в анкете оставалась куча, но он не стал их заполнять, расписался и вернул планшетку девушке.

Когда осмотр закончился и Освальд, трясаясь от холода в тонком сером халате на завязках с открытым тылом, присел в уголке, медсестра велела ему одеваться, сказав, что доктор ждет его в кабинете. Озябшее до костей тело ныло после прощупываний и простукиваний в самых разных местах, да тут еще носки, ледяные и мокрые, хоть выжимай. Он попытался отжать носки, и на пол закапала синяя жидкость. Ступни у него тоже были чудесного синего оттенка, точно в цвет носкам.

— Здорово-то как! — проворчал под нос Освальд.

Он выбросил носки в мусорную корзину и в хлюпающих ботинках на босу ногу прошлепал к двери кабинета.

Дождаться доктора было неуютно и тоскливо — почитать нечего, да и курить нельзя, раз он сдуру наврал доктору, что бросил. Оглядывая комнату, Освальд шевелил пальцами ног, а то их уже начинало сводить. Куда ни глянь, все серое. Серое за окном, серое в кабинете. Придушить бы того, кто выбрал этот колер. Когда он в последний раз лежал в госпитале для ветеранов, к ним приходила лекторша и рассказывала, как цвета влияют на настроение. Какой придурок выбрал эту серятину? Шляться по докторам Освальд никогда не любил, но страховая компания требовала проходить ежегодный медосмотр. Ну и какой толк с того, что очередной эскулап просветит его в том, что ему и так известно? Этот-то хоть настроен дружелюбно и смеется шуткам, но мог бы и поторопиться. Обычно доктора были либо молокососы, которым морскую свинку доверить страшно, либо пенсионного возраста. Вот и этому, похоже, за семьдесят. Может, потому и копаются? Серые стены, серый ковер, серый халат, даже волосы у доктора серо-стальные.

Наконец дверь открылась, вошел врач с результатами исследований.

— Ну как, док, смогу я в этом году опять пробежать Бостонский марафон?[3]
— осведомился Освальд.

На этот раз доктор оставил его попытку пошутить без внимания и с мрачным видом сел за стол.

— Мистер Кэмпбелл. Не испытываю никакой радости по поводу того, что мне придется вам сообщить. Обычно я предпочитаю, чтобы при разговоре присутствовал кто-то из близких. Из ближайших родственников вы упомянули только бывшую жену. Не могли бы вы ей позвонить и попросить приехать сюда?

У Освальда внезапно пропала всякая охота шевелить пальцами ног.

— Не вижу необходимости. А зачем?

— Дело серьезное. — Доктор открыл медицинскую карту. — Я проверил и перепроверил все клинические данные. Более того. Я позвонил своему коллеге пульмонологу — он принимает в этом же здании — и проконсультировался. К сожалению, он подтвердил мой диагноз. Мистер Кэмпбелл, скажу вам прямо. В вашем теперешнем состоянии вы вряд ли переживете следующую чикагскую зиму. Вам надо сменить климат, и немедленно. Иначе, откровенно говоря, вы и до Рождества вряд ли дотянете.

— Ух ты... — раздумчиво произнес Освальд. — Да неужто?

— Увы. Вынужден констатировать, что со времени последнего осмотра эмфизема у вас вошла в критическую стадию. Ваши легкие и без того в рубцах после перенесенного в детстве туберкулеза. Прибавьте долгие годы хронического бронхита, усугубленного курением. Вам будет достаточно хорошей простуды, которая неизбежно перейдет в воспаление легких.

— Да неужто? Ух ты, — повторил Освальд. — Печально.

Доктор захлопнул папку, подался к пациенту и заглянул в глаза.

— Вот именно. Печально. Положа руку на сердце, если принять во внимание тревожную быстроту, с которой развивается болезнь, даже если вы срочно переедете куда-нибудь на курорт, по самому оптимистическому прогнозу могу вам дать еще год... может быть, два.

— Вы шутите.

Врач покачал головой:

— Какие уж тут шутки. В данный момент эмфизема деформирует сердце и ряд других органов, не только легкие. Говорю это вам не для того, чтобы напугать. Вы должны быть в курсе, чтобы привести в порядок свои имущественные дела.

Несмотря на потрясение, Освальд чуть не рассмеялся. Какие там «имущественные дела»!

Да на его банковском счету сроду не было больше двухсот пятидесяти долларов.

— Поверьте, я бы порадовался вместе с вами, если бы диагноз был благоприятный.

Доктор говорил правду. Он не любил огорчать пациентов. Кэмпбелла он видел впервые в жизни, но уже проникся симпатией к обаятельному коротышке.

— Может, мне все-таки позвонить кому-нибудь из ваших родственников?

— Спасибо, не стоит.

— Что теперь будет с вашими планами на будущее?

Освальд глянул на врача:

— Полетят к черту, так ведь?

— Увы. Боксь, будущее придется пересмотреть. — Доктор был полон сочувствия.

— Ничего особенного я в голове не держал и уж точно на тот свет не собирался.

— Нет, конечно нет.

— Здоровье у меня, чего греха таить, не ахти, но я не думал, что пора закругляться.

— Как я сказал, вам нужно поскорее уехать из Чикаго. Куда-нибудь, где воздух почище.

Вид у Освальда сделался озадаченный.

— Но Чикаго — мой дом. Ума не приложу, куда податься.

— У вас есть друзья где-нибудь во Флориде или Аризоне?

— Нет. Все, кого я знаю, — здесь.

— Что ж... И бюджет у вас, полагаю, довольно-таки ограничен?

— Верно. Только пенсия.

— Угу. Флорида в это время года вам будет не по карману.

— И сомнений нет, — согласился Освальд, никогда во Флориде не бывавший.

Доктор вздохнул, откинулся на спинку стула и погрузился в раздумья.

— Так-так, посмотрим... минутку... есть одно местечко, куда отец направлял своих легочных больных, и цены, помнится, там были вполне разумные. — Он смотрел на Освальда, как будто ожидая от него подсказки. — Как же оно называлось? Где-то неподалеку от Флориды...

Доктор внезапно вскочил, словно его осенило.

— Знаете что? В соседней комнате у меня хранятся старые истории болезни, оставшиеся после отца. Пороюсь-ка я в них — может, и найду что-нибудь для вас.

Освальд смотрел на серую стену. Уехать из Чикаго? Все равно что перебраться на другую планету.

Уже в сумерках Освальд вышел на улицу, где стоял все тот же леденящий холод. За углом Ригли-билдинга[4] налетевший со стороны реки порыв ветра ударил прямо в лицо, сорвав с Освальда шляпу. Тот обернулся, глядя, как головной убор опускается в водосток и корабликом плывет вниз по улице. Ну и черт с ней, подумал он, но уже через несколько шагов морозный воздух пробрался сквозь остатки волос, уши заныли от холода, и Освальд решил догнать шляпу. Когда ему удалось наконец водворить ее обратно на голову, ботинки на босу ногу чавкали, за шиворот текло, а его автобус уехал. Следующего Освальд дожидался словно в столбняке — окоченевший от холода и потрясенный новостями. Оказавшись в автобусе, он сел, и взгляд его уткнулся в рекламу универмага «Маршалл Филдс». ОТПРАЗДНУЙ ЛУЧШЕЕ РОЖДЕСТВО В СВОЕЙ ЖИЗНИ — НАЧНИ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОКУПКИ В ЭТОМ ГОДУ ПОРАНЫШЕ. Да уж, лучше начать пораньше, подумал он. А то ведь так можно и не успеть. И здорово не успеть, если верить доктору. Замешкаться — и последнее Рождество станет на самом деле последним.

От одной мысли делалось не по себе, хотя Рождество и значило для Освальда немного. Пока он пытался представить мир без себя, автобус выбрался на Стейт-стрит и тотчас увяз в густом потоке автомобилей. Со всех сторон несло сердитое библиканье, мешаясь с яростным гомоном пассажиров, которые вваливались на остановках и явно пребывали не в духе. Какая-то женщина уставилась на Освальда и громко заявила своему спутнику:

— Джентльмены всегда уступают дамам место.

«Леди, если бы я мог, я бы встал», — подумал Освальд. И правда, закоченевшие ноги его совсем не слушались.

Минут через пять, когда руки немного согрелись, он вытащил из кармана брошюру, которую дал ему доктор. На обложке красовалась фотография гостиницы — насколько большой, было не разобрать. Страницы выцвели и как-то вспучились, словно брошюра побывала в воде, но буквы читались четко.

ОТЕЛЬ «НА ОПУШКЕ» НА СОЛНЕЧНОМ ЮГЕ ПОД НАЧАЛОМ НОВОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО

Хораса П. Данлепа, ранее работавшего в «Гибсон-Хаус», Цинциннати, Огайо

В самой южной части Алабамы, на берегу томно вьющейся реки, лежит крошечный чудо-поселок Затерянный Ручей, где само время, кажется, замедляет свой бег.

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ

Очаровательное курортное местечко уютно устроилось между бухтами Пердидо и Мобил в зоне субтропиков, где особенно хорошо зимой. К югу лежит Мексиканский залив, и постоянный теплый бриз значительно смягчает климат. Колоссальные объемы соленой воды, лежащие в непосредственной близости, насыщают воздух озоном, хлором и прочими животворными компонентами. Унылая бесплодность северной зимы сменяется теплым многоцветьем юга, хмурый пасмурный день здесь — редкость, а яркое солнце и голубое небо — правило. При испанцах эта часть страны именовалась «Пояс Очарования».

УСЛОВИЯ ДЛЯ ПОПРАВКИ ЗДОРОВЬЯ

Многие люди, страдающие от чахотки, ревматизма, нервных болезней и переутомления, обрели здоровье и вкус к жизни после нескольких месяцев, проведенных в этом регионе, теплый соленый бриз вернул им аппетит, на отсутствие которого они жаловались вот уже в течение нескольких лет. Это идеальное место для полного отдыха от городской суеты и суматохи. Ваша нервная система придет в равновесие, каким бы испытаниям она ранее ни подвергалась. Зимний отдых здесь такой, что лучшего и желать не приходится, а подобного изобилия родников с кристально чистой водой нигде не найти. По словам доктора Марка Обечека из Чикаго, «весь этот регион можно назвать истинным раем Америки».

Наверное, это отец давешнего доктора, подумал Освальд, перевернул страницу и продолжил чтение.

ОТЗЫВЫ ТЕХ, КТО ПОБЫВАЛ ЗДЕСЬ ЗИМОЙ

Уважаемый господин Данлеп!

Мы в восторге от рыбалки, и катания на лодке, и пеших прогулок в густых сосновых лесах, и от песен пересмешников, и от свежего благоуханного воздуха.

М. Симмс, Чикаго, Иллинойс

Еще одна выцветшая фотография: ВИД НА РЕКУ С БОЛЬШОЙ ВЕРАНДЫ.

Я прибыла с севера, где снег, мороз и метели,

А тут голубое небо и птичек звонкие трели.

(Стихи Дианы Беркли из Чикаго, которую вдохновила на творчество наша зима)

Еще фотография: Л. Дж. ГРОДЗИКИ СО СВОИМ УЛОВОМ.

РАЙ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ РЫБАЛКИ

В наших южных водах настоящее изобилие рыбы. Вот далеко не полный перечень обитающих у нас видов: красная нерка, серебристый голец, американский голец, щука, камбала, горбыль, кефаль, окунь, сом, сарган и тарпон. Масса устриц, креветок и съедобных моллюсков.

Фото: ГРУППА ЧИКАГСКИХ ДЖЕНТЛЬМЕНОВ ЗАКУРИВАЕТ, ОТВЕДАВ УСТРИЦ.

Фотография на следующей странице поставила Освальда в тупик: РОЗОВЫЙ КУСТ, ПОД КОТОРЫМ МОГУТ СВОБОДНО РАЗМЕСТИТЬСЯ ТРИДЦАТЬ ЧЕЛОВЕК!

Автобус подъехал к его остановке, и Освальд сунул брошюру в карман, недоумевая, за каким чертом кому-то может понадобится лезть под розовый куст в компании еще двадцати девяти человек, даже если им там будет совсем не тесно?

В холле здания, приютившего меблированные комнаты для мужчин «Де Сото», где Освальд проживал последние восемь лет, компания мужиков смотрела телевизор. Они помахали ему.

— Как все прошло?

— Просто жуть, — ответил Освальд и высморкался. — Могу не дожить до Рождества.

Мужики рассмеялись — этот Освальд вечно шутит — и вернулись к теленовостям.

— Я серьезно, — обиделся Освальд. — Доктор сказал, я в ужасном состоянии.

Он подождал отклика, но на него уже никто не обращал внимания, а он слишком устал, чтобы упорствовать. Поднявшись к себе, Освальд принял ванну, влез в пижаму, уселся на стул, закурил и с тоской посмотрел в окно на неоновые буквы, горящие над входом в его любимый бар. «Пиво Пабст — синяя лента». Чертовщина, подумал он. В такой ситуации мужику грех не тяпнуть стаканчик. Но год назад другой доктор сообщил Освальду, что печень на последнем издыхании и лишний стаканчик его просто убьет. Ну и что теперь? Как выяснилось, ему все равно скоро на тот свет, так что упиться до смерти, пожалуй, было бы совсем недурно. Во всяком случае, кончина быстрая и веселая.

Ну что, одеться и перейти через улицу? Да нет, пожалуй. Он обещал Хелен, своей бывшей, что не будет пить, и не хотелось вновь обманывать ее надежды, потому оставалось сидеть на стуле и жалеть себя. Ему всю жизнь не везло. Туберкулез у него выявили, когда ему было всего восемь, как и у добрых семидесяти пяти процентов других мальчиков в приюте Святого Иосифа, и с тех пор он кочует по больницам — то с хроническим бронхитом,

то с пневмонией. Подкидывш, он не знал о себе ничего, не ведал, кто его родители. Нашли его на ступенях церкви, всех пожитков при нем была только корзинка, в которой он лежал, да жестянка томатного супа фирмы «Кэмпбелл». [5] В честь супа его и называли, томатного, о чем свидетельствовала буква «Т.», а имя Освальд просто следовало по порядку в приютском списке имен после уже присвоенных другим мальчикам. Кто он по национальности, было покрыто мраком. Правда, в один прекрасный день (Освальду исполнилось двенадцать) священник долго смотрел на его довольно-таки крупный нос, рыжие волосы и голубые глаза, а потом рек:

— Если это не ирландская рожа, Кэмпбелл, я готов съесть свою шляпу.

Так Освальд стал ирландцем. Здесь ему тоже не повезло — в том, что касается пьянки, уж точно.

Да и не только пьянки. Все на свете давалось ему с трудом — учеба, спорт, девушки. Ни на одной работе он долго не задерживался, и даже из армии его скоро списали по состоянию здоровья. Освальду казалось, что все вокруг живут по четким правилам, только не он. Вечно у него было такое чувство, словно он пришел на светский раут в белых носках и кедах. Впрочем, в его жизни и не было светских раутов, а скоро и ей настанет конец.

Погоревав где-то с час, Освальд вдруг понял, что по-настоящему разжалобить себя так и не удалось. Странно. В его-то положении вроде только и осталось, что слезы проливать. А ему почти ничего не жаль, не за что зацепиться. Бейсбол вот разве. И Хелен. Да-да, именно в такой последовательности, что и стало причиной их развода.

По правде говоря, Хелен — единственный человек на этом свете, кто пожалеет о нем. Пусть она давно заново замужем и у нее двое детей, все равно ближе у него никого нет. Когда-то он даже заглядывал к ним на огонек, поужинать, но теперь это в прошлом. Новый муж — балбес балбесом, а из вредной малышни выросли противные подростки, от которых матери ждать нечего, кроме неприятностей. Так бы и задушил мерзавцев, хотя бы одного. Ему нечего сказать относительно воспитания чужих отпрысков, они и развелись-то отчасти потому, что она хотела детей, а он — нет. Если ты семнадцать лет своей жизни провел в одном помещении с пятью сотнями галдящих и визжащих детей, хочется в кои-то веки пожить спокойно. И все же, несмотря на отчаяние, апатию и полное неумение располагать к себе людей, он хотел поделиться хоть с кем-нибудь, рассказать о том прогнозе, что ему выдали. Он охотно поговорил бы с Хелен. Но нет, она из тех женщин, что навсегда остаются няньками. И, узнав о его болезни, наверняка будет настаивать, чтобы он перебрался жить к ним, под ее крылышко. Да и к чему расстраивать ее? Она этого не заслужила. У нее хватает своих забот. Она и так с ним натерпелась, а кроме того, там же эти ее жуткие подростки.

Нет, заключил он, лучше просто уехать подальше и не лезть в чужую жизнь. Да и если приспичит выпить, никто не станет зудеть про здоровье. Главное, найти такое местечко, где можно прожить на пенсию в шестьсот долларов.

Освальд достал из кармана брошюру, прославляющую отель «На опушке». На последней странице Хорас П. Данлеп вопрошал читателя:

ЗАЧЕМ ЕЗДИТЬ ВО ФЛОРИДУ?

На что вам Флорида с ее болотами и нехваткой питьевой воды? На что вам Нью-Мексико с его едкой пылью? На что вам Калифорния с ее холодными неудобными домами? Зачем тащиться за две-три тысячи миль, когда до округа Болдуин от Чикаго каких-то двадцать шесть часов? Оба берега реки густо поросли соснами. Кроме того, у нас произрастают такие виды, как магнолия,

лавр, амбровое дерево, сосна карибская, ясень, клен, вечнозеленые растения, белый кипарисовик, разнообразные кустарники, а с дубов прядями свисает бородастый мох. В изобилии представлены орех пекан, кумкват, груша, смоковница и яблоня. Наши зимы напоминают северную весну или раннюю осень. Великолепные прогулки на свежем воздухе можно устраивать чуть ли не каждый день в году. На берегах реки обитают утки, гуси, дикие индейки, горлицы, перепела, еноты и белки. Изобилие источников, пресная вода на глубине 20-30 футов. В нашем мягком климате урожай фруктов и овощей можно собирать как минимум на две недели раньше, чем в других частях страны. Что это значит для желающих поправить здоровье? Это означает, что больные бронхитом, катаром, ревматизмом смогут поправить свое здоровье, это означает, что пневмония, грипп и простуды останутся в прошлом, это означает, что слабые здоровьем мальчики и девочки могут без боязни играть на свежем воздухе, а еще это означает румянец на щеках и возможность собирать цветы в Рождество.

СНИМИТЕ ЗАМЕЧАТЕЛЬНУЮ КОМНАТУ

ИЛИ

НЕБОЛЬШОЕ ЭЛЕГАНТНОЕ БУНГАЛО!

Мы сердечно приглашаем всех в наши пенаты. Ведь мы занимаем площадь не меньше Чикаго, только народу у нас поменьше. Приезжайте и убедитесь: мы ничего не преувеличили. Насладитесь солнцем, полюбуйтесь цветущими апельсинами в декабре!

На обороте была помещена песня со словами и нотами.

ЧУДО-АЛАБАМА

музыка и слова Хораса П. Данлепа

Вечер опускается

На южные леса,

Звезды появляются,

Молкнут голоса.

Чудо-Алабама, ты — предел мечтаний,

Я твой светлый образ в сердце сохраняю.

Птичье щебетанье, трав благоуханье,

Чудо-Алабама, я так тебя люблю.

Сладко людям спится,

Всюду тишина,

Речка серебрится,

Светится луна.

Освальд отложил брошюру в сторонку. Наверняка скучнее места в Америке не найдешь, но почему бы не переговорить с Хорасом П. Данлепом лично? Человек из кожи вон лезет, пытаюсь раскрутить свое дело. Пожалуй, надо завтра ему позвонить и разузнать, почем стоит снять замечательную комнату или небольшое элегантное бунгало. А заодно справиться, где там у них ближайший бар.

Алло, оператор!

На следующее утро, откашляв свои положенные тридцать-сорок минут, Освальд закурил, снял трубку и набрал указанный в брошюре номер.

— Прошу прощения, сэр, такого номера не существует. Вы уверены, что правильно его набрали?

— Абсолютно уверен. Я на него смотрю сейчас.

— Куда вы пытаетесь дозвониться, какой код района?

— Вот уж не знаю. Отель «На опушке», Затерянный Ручей, округ Болдуин, Алабама.

— Соединяю со справочной по району.

— К вашим услугам, — отозвалась немного погодя другая телефонистка.

— Будьте любезны, соедините меня с отелем «На опушке».

— Минуточку, сэр. Сейчас поищу. — Эта телефонистка говорила с таким густым южным акцентом, что можно было подумать, она издевается. — Извините, но у нас в справочнике нет никакой гостиницы «На опушке», округ Болдуин.

— О... Ладно, а вы сами где находитесь?

— В городе Мобил.

— Это что, в Алабаме?

— Да, сэр.

- Вы когда-нибудь слышали о местечке, именуемом Затерянный Ручей?
- Нет, сэр, никогда.
- А в вашем справочнике есть хоть какой-нибудь номер оттуда?
- Минуточку. Уже ищу... Есть телефон зала приемов в Затерянном Ручье и телефон тамошней почты. Вас соединить с каким-нибудь из этих номеров?
- Давайте попробуем зал приемов. Может, там мне смогут помочь.

Минут за пять до этого миссис Френсис Клевердон, симпатичная сдобная дама с белыми, мягкими, словно пух, волосами, и ее младшая сестра Милдред вошли в зал приемов с тыльной стороны через кухню. На улице было 72 градуса по Фаренгейту, [6] жара и духота в зале стояли невыносимые, и женщины открыли все окна и включили потолочные вентиляторы. Была первая суббота месяца. Сегодня вечером состоится ежемесячное собрание членов Ассоциации местных жителей и совместный ужин «что бог послал». [7] Прихватив угощение, сестры прибыли пораньше, чтобы подготовить все как полагается. Френсис внесла два прикрытых колпаками блюда, одно с бобовой запеканкой, второе с макаронами с сыром, а также кое-что на десерт.

Милдред, которая нажарила цыплят и приготовила свиное жаркое, подходить к телефону не стала. Возвратившейся от машины Френсис она сказала:

- Не отвечай. Это наверняка мисс Альма, как начнет трещать, не остановится.

Сестры успели принести из машины два торта и три ореховых пирога, а телефон все звонил.

- Она так просто не сдастся, — сказала Френсис и сняла трубку за секунду до того, как Освальд совсем уже собрался разъединиться.

— Алло?

— Алло! — обрадовался Освальд.

— Алло? — повторила Френсис.

— С кем я говорю?

— Это Френсис. А вы кто?

Тот же густой южный акцент, что и у телефонистки.

— Это Освальд Кэмпбелл. Не могли бы вы мне подсказать номер телефона гостиницы?

— Мистер Кэмпбелл, вы попали в зал приемов для местных жителей.

— Я знаю. Нас соединила телефонистка.

— Телефонистка? А вы откуда говорите?

— Из Чикаго.

— О боже!

— Может, вы случайно знаете телефон отеля «На опушке»? А может, это и не отель, а что-то вроде пансиона. Он в ваших краях.

— Отель «На опушке»?

— Вы о нем слышали?

— Слышать-то слышала... только этого отеля больше нет.

— Закрылся?

— Да нет. Сгорел.

— Когда?

— Минуточку. Моя сестра должна знать. Милдред, когда старая гостиница сгорела?

Казалось, вопрос позабавил Милдред.

— Где-то в 1911-м. А что?

— Мистер Кэмпбелл, это произошло в 1911 году.

— В одиннадцатом году? Вы шутите!

— Нет, совсем нет, говорят, здание сгорело дотла за один час.

— О... ну... А может, вы тогда подскажите, в какой другой гостинице я мог бы остановиться?

— Здесь?

— Ну да.

— Тут нет ни одной гостиницы.

— Ох.

— То есть когда-то они были, но сейчас нет. А как вы там у себя в Чикаго узнали про наш отель «На опушке»?

— Мой врач дал мне рекламную брошюрку, только она, видать, порядком устарела. Но все равно спасибо.

— Погодите-ка секундочку, мистер Кэмпбелл. Милдред, закрой дверь, а то мухи налетят! Прошу прощения, мистер Кэмпбелл. Вы ищете что-то конкретное?

— Мне просто надо провести пару зимних месяцев в теплых краях. У меня легкие не в порядке.

— Бедный мой. Плохо это.

— Доктор сказал, мне следует побыстрее убраться из Чикаго.

— Я так вас понимаю. У вас там наверняка жуткий холод.

— Да уж.

Освальду не хотелось обрывать разговор, но пора было закругляться. И так это обойдется ему в целое состояние.

А миссис Клевердон не умолкала:

— У нас-то жароша. Нам пришлось открыть все окна и включить вентиляторы. Ой, простите, мистер Кэмпбелл. Я только дверь прикрою..

Он ждал, слушая, как из трубки несется приглушенный птичий щебет, — «птичек звонкие трели», как написала эта... как ее там... Диана Беркли. Придется теперь платить за эти трели.

— Я здесь, мистер Кэмпбелл, — вернулась к аппарату Френсис. — Вам нужен приют для вас с женой или для вас одного?

— Только для меня.

— Вы уже звонили в другие места?

— Нет. Я начал с вас — уж очень все показалось красиво. В любом случае спасибо.

— Еще минуточку, мистер Кэмпбелл. Дайте мне ваш номер. Погляжу, вдруг удастся что-нибудь подыскать.

Свой телефон Освальд сообщил, только чтобы отвязаться. Что за безумное местечко. Им звонит совершеннейший незнакомец, так они готовы заболтать его до смерти.

Расставив на столах цветы, Милдред вернулась в кухню.

— С кем это ты так долго?

— Одному чикагскому бедняге с больными легкими нужно где-то остановиться на зиму. Доктор дал ему брошюру про старую гостиницу, и он думал, что найдет там кров. — Френсис вытащила огромный кофейник. — И с чего это она, интересно, взяла и сторела?

— Говорили, все крысы и спички.

— О господи. — Френсис откупорила большую банку с кофе. — Крысы могут сгрызть что угодно. Но чтобы пожар устроить!

На следующий день, часов около трех, Освальд совсем уже собрался опять взяться за Флориду, когда зазвонил телефон.

— Алло?

— Мистер Кэмпбелл, это Френсис Клевердон из Алабамы, вы вчера со мной беседовали, помните?

— Конечно, помню.

— Вы уже подыскали для себя подходящее местечко?

— Нет, еще нет. То, что предлагают, мне не по карману.

— Понятно. Если вы еще не передумали насчет наших мест, я вам тут кое-что нашла. По соседству со мной живет замечательная дама, она была бы рада вас принять на любой срок.

— Ух ты, — произнес Освальд. — И как вы думаете, сколько она с меня попросит?

— По ее словам, пятьдесят долларов в неделю ее вполне устроит, если вам это не обременительно. И конечно, сюда включено все питание. Это не слишком дорого?

Сложив свою шестисотдолларовую месячную пенсию и крошечное военное пособие, Освальд решил, что цена его устроит. Куда бы он ни звонил во Флориде, везде просили в два, а то и в три раза больше.

— Не слишком, и звучит очень привлекательно. Когда мне можно приехать?

— Бетти говорит, приезжайте в любое удобное для вас время, но чем скорее, тем лучше. Уж так хорошо на речке сейчас. Только, мистер Кэмпбелл, хочу вас предупредить, прежде чем вы примете решение. У нас тут крошечное селение, продуктовая лавка и почта, но зато тишь да благодать, и теплынь, уж это я вам гарантирую.

— Звучит заманчиво, — соврал Освальд. Конечно же, он так не считал, но вот цена... Следовало соглашаться, пока они там не передумали.

— Вот и замечательно. Позвоните мне, когда будете выезжать, вас кто-нибудь встретит.

— Договорились.

— И вот еще что, мистер Кэмпбелл, просто чтобы вы были в курсе. Мы здесь люди дружелюбные и доброжелательные, и соседи из нас хорошие, всегда придем на помощь. Надо только нас позвать. А вообще-то мы не любители совать нос не в свое дело.

Френсис говорила правду. Жители Затерянного Ручья предпочитали заниматься своими делами. Правда, несмотря ни на что, в душе Френсис оставалась оптимисткой с романтической жилкой. Появление нового мужчины в населенном пункте, где в наличии четыре вдовы и три одинокие женщины, неизбежно вызывало у всех определенный интерес. Одной из трех незамужних была ее сестра Милдред. Сама-то Френсис была вдовой, но в гонку включаться не торопилась. После двадцати семи лет счастливого брака ей вполне хватало и воспоминаний о пережитом, а вот в отношении других дам... почему бы и не подтолкнуть судьбу в нужном направлении? Тем более Френсис была пресвитерианкой и верила в предопределение. К тому же мистер Кэмпбелл позвонил в первую субботу месяца, единственный день, когда в зале приемов кто-то есть, и это вам не простое совпадение. Вот будет здорово, если гость обернется чьим-нибудь рыцарем-поклонником в сверкающих доспехах! Из местных мужчин в расчет стоило принимать одного только Роя Гриммитта, владельца продуктовой лавки. Правда, ему всего тридцать восемь, для большинства дам слишком молод. Да и вообще после всего, что с ним стряслось, он, похоже, останется вечным холостяком. А жалко. Такой красивый, да еще и добряк. Хотя Френсис очень хорошо его понимала, получше, чем некоторые. Что все прочие чувства перед настоящей любовью!

Лавка

Добродушного гиганта Роя Гриммитта, державшего продовольственную лавку в Затерянном Ручье, любили все. Он был из тех немногих, если не считать креолов с противоположного берега реки, чьи семьи поселились здесь еще в начале восемнадцатого века, кто родился и вырос в этих местах. Лавка досталась Роя в наследство от дяди, который хозяйничал в ней почти пятьдесят лет. На большой рекламной жестянке кока-колы, выставленной перед кирпичным зданием, незатейливо значилось: «СЪЕСТНЫЕ ПРИПАСЫ ГРИММИТТА», однако это был не просто магазинчик. Это был ориентир. Если бы не лавка на углу, большинство людей преспокойно проезжали бы мимо, не подозревая, что на берегах реки укрылся городок. Для шестидесяти-семидесяти его обитателей лавка была местом, где они отоваривались и обменивались новостями, добрыми и дурными, а для рыбаков — еще и своеобразным привалом, где они не только покупали снасти и наживку, но и всласть похвалялись уловом — все, за исключением Клода Андервуда, лучшего рыбака, который никогда и словечком не обмолвился, сколько поймал и где. Перед лавкой — две бензоколонки, внутреннее убранство — самое простецкое: деревянные полы и мясной прилавок в глубине. Из украшений только чучела рыб, промысловых птиц, головы оленей по стенам да рыжая лиса на полке. Один из креолов, Джулиан Лапонд, — единственный чучельник в округе — когда-то дружил с дядюшкой Роя, частенько резался с ним в покер. Товар в лавке продавался в основном местный. Рой закупал мясо у охотников и не знал недостатка в свежих креветках, крабах и устрицах из залива, а также в рыбе из реки. Молоко, птицу, фрукты и овощи Рой получал с близлежащих ферм. Поскольку его магазинчик на всю округу один-единственный, он торговал не только продуктами и бензином. Ассортимент товаров был обширный — от рабочих рукавиц, грабель, лопат и мотыг до резиновых сапог. Дети обожали бывать у Роя — у него не переводились конфеты на любой вкус, картофельные чипсы и мороженое, а у входной двери стоял громадный холодильник с напитками. Внутри — чего душа пожелает: «Оранж Краш», рутбир, [8] «Грапетт», «Доктор Пеппер» и «Эр-Си кола». Что ни попроси, у Роя все непременно найдется. Но имелось в магазинчике Роя еще то, чего не могла предложить ни одна другая лавка на свете.

Лет пять тому назад, вскоре после Рождества, Рой услышал, как где-то позади дома хлопает духовое ружье. В том году два мальчишки из семейства, живущего за лесом, получили в полное свое распоряжение пневматическое ружье и принялись пулять по всему, что попадалось на глаза. Рой сам был охотник и рыбак, но ведь эти мерзкие маленькие голодранцы подстрелят зверюшку и бросят умирать. А такое Рой ненавидел и потому выскочил на улицу через заднюю дверь с криком: «Эй, пацанье, а ну-ка хватит!» Мальчишки мигом драпанули в лес, а на земле остался трепыхаться комочек перьев. Рой подобрал маленький комочек. Это был птенец.

— Вот ублюдки.

Серо-коричневый птенчик был такой крошечный — и не разобрать, что за птица. Может, воробей, а может, пересмешник или крапивник. Роя уже доводилось подбирать за мальчишками убитых или подраненных птиц, но эта пичуга была совсем уж крошечной — пожалуй, и летать-то еще не научилась. Он знал, что бедолагу не спасти, но все-таки отнес птичку в лавку, положил в старый носок, а носок в коробку и поставил в теплое темное место в своем кабинете, чтобы какому-нибудь ястребу, филину или иному хищнику не вздумалось вдруг полакомиться. Пусть несчастный хоть умрет спокойно. А что еще Рой мог для него сделать?

Дети в округе жили вполне милые, и Рой находился с ними в прекрасных отношениях, но эти двое новеньких оказались настоящей шпаной. Никто не знал, кто они такие и откуда. Рассказывали, что семейство поселилось за лесом в старом ветхом трейлере. Родителей Рой не встречал, но однажды увидел, как мальчишки швыряются камнями в собаку, и все про них понял. А сегодняшнее происшествие было и вовсе из ряда вон. Любой, у кого поднялась рука стрелять в птенца, заслуживал хорошей оплеухи. Если бы хулиганы попались Рою в руки, он бы им всыпал по первое число.

На следующее утро Рой и не вспомнил бы о птичке, если бы из коробки не донеслось чириканье. Он вытащил из коробки носок, и птенец буквально выпрыгнул наружу – с разинутым клювом, живехонький и явно оголодавший.

– Ах ты ж, проклятый подстреленьш, – поразился Рой.

Он понятия не имел, что делать. Подранков он подбирал и прежде, но впервые квартирант пережил ночь – и вон какой оказался бодрый и непоседливый. Рой снял телефонную трубку и позвонил приятелю ветеринару в Лиллиан – маленький городок в десяти милях.

– Привет, Боб, у меня тут птенец, его, похоже, подстрелили.

Приятель удивления не выказал.

– Опять детки с духовым ружьем?

– Ага.

– Что за птица?

– Не знаю. – Рой оглядел пташку. – Он такой страшненький... смахивает на пастушка. Оперение серо-коричневое. Может, воробей, или пересмешник, или... Не знаю, что он за птица, но голодный. Мне его покормить?

– Покорми, если уж тебе так хочется.

– И что ему дать?

– Что мама дает – червячков, жучков. В общем, свежего мяса. – Боб засмеялся. – Ведь ты, Рой, теперь ему мама.

– Здорово, только этого мне и не хватало.

– И вот что, Рой...

– Ну?

– Если серьезно, он вряд ли выживет, но если ты хочешь выходить его, то нужно извлечь пульки. Если не вытащить, иначе точно умрет.

Рой взял птенца в руки, растопырил ему крылья и принялся тщательно осматривать, поражаясь силе, с какой тот старался вырваться. Ранки обнаружились под правым крылом ближе к грудке. Рой отыскал пинцет, раздвинул перья и одну за другой извлек пульки из тельца отчаянно пищавшей и дергающейся птахи.

— Прости, приятель. Знаю, больно, но никуда не денешься.

Рой промыл ранки спиртом, посадил малыша обратно в носок, отправился в секцию наживки, извлек из контейнера большого дождевого червя и несколько личинок, покромсал их на кусочки бритвенным лезвием и подал птичке завтрак. Птенец жадно проглотил угощение и попросил добавки.

Подранка Рой поселил у себя в кабинете — а то еще прознают, что он из рук кормит пичугу три раза в день и два раза ночью. Приятели его точно засмеют, В детине шесть футов и два дюйма, а он с птахой возится.

Дни летели, и Рой старался не слишком привязываться к питомцу. Он знал, какие птенцы нежные и как нелегко их выводить. Каждое утро он, почти ожидая, что обнаружит малыша мертвым, открывал дверь лавки, слышал бодрое чириканье и сердце его наполнялось радостью и гордостью за маленькую птичку. Он сроду не видел, чтобы так цеплялись за жизнь, но по-прежнему помалкивал. «Буду его кормить, — думал Рой, — а там видно будет. Научится летать — покажу людям».

Так прошло несколько недель. Птенчик окреп, набрался сил и очень скоро принялся скакать по всему кабинету, растопыривая крылья, только взлететь у него никак не получалось. Рой заметил, что при попытках подняться в воздух он как-то заваливался на правую сторону. Рой заволновался, посадил питомца в обувную коробку и повез к Бобу.

Ветеринар осмотрел пичугу и сказал:

— Крыло сильно повреждено, Рой. Он никогда не сможет нормально летать и на воле наверняка погибнет. Скорее всего, нам придется пойти до конца и усыпить его.

Рою словно под дых двинули.

— Ты полагаешь? — спросил он, стараясь скрыть огорчение.

— Ну разумеется. Не годится держать дикую птицу взаперти. Очень жестоко, на самом деле.

— Пожалуй, ты прав. Я думал, он выкарабкается.

— Если хочешь, могу оказать тебе услугу и усыпить его прямо сейчас.

— Нет. Это моя птица. Я сам ею займусь.

— Дело твое. Я дам тебе пузырек с хлороформом. Просто капни на ватку и поддержи у клюва, он и не почувствует ничего. Уснет, и все.

Рой запихал птенца обратно в обувную коробку и покатил домой. Птаха шумно прыгала в своем узилище, стараясь вырваться, и Рой ясно сознавал, что его приятель прав: бесчеловечно лишать живое существо свободы.

В ту ночь он накормил птичку до отвала, часов около девяти опустился на стул, достал ватку и пузырек с хлороформом. Птенец прыгал по кабинету, норовя вскочить на все, что на глаза попадет, клевал бумаги на столе. Рой взял его в руки, поднес поближе к свету, присмотрелся повнимательнее — и впервые заметил, что некоторые бурые перышки покраснели, на голове наметился хохолок, а вокруг глаз — черная маска. Рой поразился. Это же кардинал! Жаль, что малышу не суждено подрасти, какая красивая птица бы получилась. Проклятье! Рою внезапно захотелось отправиться в лес, разыскать этих двух поганцев и хорошенько стукнуть друг о дружку головами, да еще раз, да еще!

Рой просидел несколько часов, глядя на пичугу, потом поднялся и выкинул пузырек в мусорное ведро.

— К чертовой матери эту дрянь, приятель. Утром увидимся.

Он выключил свет и отправился спать. Умертвить птенца было выше его сил. Все равно что улететь на Луну.

После этой ночи Рой стал брать пичугу с собой в лавку. И вскоре пошел слух, что в продуктовой лавке поселился птенец виргинского кардинала, и каждый счел своим долгом заглянуть в магазинчик и восхититься. Поначалу птаха сидела на прилавке или под надзором Роя прыгала по кассе, еще через несколько недель научилась совершать коротенькие перелеты, нередко промахиваясь мимо цели, но с каждым днем делалась все сильнее и энергичнее, так что Рой на всякий случай вывесил на входной двери объявление:

НЕ ВЫПУСТИТЕ ПТИЦУ!

По ночам, когда Рой закрывал магазин, все помещения оказывались в полном распоряжении птахи, и она всласть предавалась странствиям. Приходит раз Рой поутру — а птенец проклевал дырку в коробке с воздушной кукурузой и скачет по прилавку с клювом, застрявшим в воздушной кукурузине. Рой рассмеялся и осторожно высвободил клюв. Похоже, своевольник любит продукцию под товарным знаком «Крекер Джек»! Тогда-то он и назвал пичугу Джеком. Но вскоре оказалось, что Джек не дурак полакомиться крекерами «Риц», картофельными чипсами, арахисовым маслом, ванильными вафлями и особенно шоколадками «Бадди Бар». Как только птичке попадались конфеты, она шла на любые ухищрения. Однажды Джек проклевал дырку в коробке с мармеладом и залез внутрь, и на следующее утро Рой вытащил его всего в сахарной пудре. Вскоре даже покупатели привыкли к тому, что со всего товара уже снял пробу Джек.

В восторге от пичуги были все, исключение составлял лишь один человек. Милдред, младшая сестра Френсис, ясно дала понять, что птица ей не нравится, и постоянно жаловалась:

— Я же знаю, он истоптал все товары. За что ни возьмись, все в дырках от его клюва. Прямо вредитель какой-то. Захожу недавно в лавку — а он сел мне на голову и разворошил всю прическу. Пришлось возвращаться домой и заново укладывать волосы.

Френсис, которая любила птичку, отвечала:

— Послушай, Милдред, но ведь со мной он ни разу не проделал ничего подобного. Вот ты его недолюбливаешь, и он тебе тем же отвечает.

— Говори что хочешь, но продовольственная лавка — не птичник. Я так и сказала Роя: «Хорошо, что к нам редко заглядывает санитарный инспектор, а то тебе мигом бы запретили держать птицу».

— Так что же ты продолжаешь туда ходить, ведь с утра до ночи только и ворчишь из-за птицы?

— А где я тебе возьму другой магазин? Можно подумать, вокруг нас двадцать пять супермаркетов. У меня нет выбора. Говорю тебе, эта птица — вредитель. Не успеешь зайти, как она уже у тебя по голове скачет. Она социально опасна, вот и все, и не желаю больше об этом говорить.

— Как и я, — сказала Френсис. — Составь список покупок, и я куплю в лавке все, что тебе нужно, только бы не слышать больше твоего ворчания.

Милдред разгневанно смотрела на нее.

— Да как я узнаю, что мне нужно, если сама не пойду в магазин и не увижу своими глазами? Недаром ведь это называют «ходить за покупками»! — И с этими словами она вылетела за дверь.

Хлопот Джек доставлял немало, порой учинял настоящие безобразия, но в какого же красавца он вымахал! Крошечный неприметный птенец превратился в великолепную алую птицу в черной маске. Со своим словно напомаженным клювом и блестящими карими глазками Джек выглядел как и полагается кардиналу, только стоило ему повернуться в фас, как почему-то начинало казаться, что птица ехидно улыбается. Однажды Рой сказал Клоду Андервуду:

— Клянусь, у этого своевольника есть чувство юмора. Каждое утро что-то новое учинит, войду в магазин — и меня с порога смех разбирает. Вот вчера повис вверх ногами на рыболовной сети и раскачивается туда-сюда.

Время шло, и Рой, убедившись в сообразительности Джека, начал обучать птицу кое-каким трюкам. Очень скоро Джек уже усаживался ему на палец и клевал подсолнухи с ладони. Его любимая игра заключалась в том, что Рой потихоньку клал семечко кому-нибудь в карман, Джек нырял за ним, а затем с семечком в клюве летел к Рою, передавал похищенное и в награду получал целых десять семечек.

Внимание окружающих явно нравилось Джеку. Впервые увидев себя в зеркале, он весь напрягся, нахохлился и бросился на свое отражение, недвусмысленно дав понять, что считает магазинчик своей вотчиной и не позволит другим пернатым вторгаться сюда. Пришлось Рою убрать из лавки все зеркала. Обнаружив, что чужак бесследно исчез, Джек, возмнив, будто в одиночку обратил незваного гостя в бегство, надулся от гордости, заважничал. По большей части он восседал у Рою на шляпе или на плече, хотя и самостоятельными вылазками не брезговал. И как-то раз выяснил, что это небезопасно.

Генри, огненно-рыжий толстый кот начальницы почты Дотти Найвенс, как-то целый день просидел у окна лавки, не сводя глаз с Джека, который беззаботно перепархивал с одного угла кассы на другой; в такт перелетам дергался и кошачий хвост. Кот твердо вознамерился поймать птицу и добиться своего не мытьем, так катаньем. В три тридцать, когда подъехал школьный автобус из Лиллиана и дети хлынули в лавку за конфетами и лимонадом, кот решил воспользоваться шансом. Проскользнув в приоткрывшуюся дверь-сетку, он одним прыжком взлетел на прилавок и попытался цапнуть птицу. Джек стрелой взмыл в воздух, чудом избежав кошачьих когтей, и приземлился на верхней полке. Нимало не смутившись, Генри метнулся за птахой через всю лавку по коробкам с чипсами, по блокам сигарет, по жестянкам и бутылкам — куда Джек, туда и кот. А за Генри с криками кинулись и все прочие. Ну и суматоха поднялась, прямо светопреставление! Взъерошенный Джек еле уворачивался от когтей, старался вспорхнуть повыше да скакнуть подальше. Наконец он умудрился перелететь через лавку и сесть на мясной прилавок; кот рванулся следом, вспрыгнул на прилавок и на четырех лапах проехался по нему, сбивая банки с кетчупом и хреном. А Джек напугав все свои силенки, бешено замахал крыльями и взлетел на оленью голову, уж здесь страшному зверю было его никак не достать. Тут в дело вступил Рой и шваброй выгнал раздосадованного кота через заднюю дверь. Джек же весь натопорщился, расправил крылья и со своего безопасного насеста крикнул что-то оскорбительное вслед изгоняемому хищнику.

Кардинал так и просидел на голове весь оставшийся день, осыпая Роя ругательствами за то, что пустил в лавку кота.

Наутро на двери появилось новое объявление:

НЕ ВЫПУСТИТЕ ПТИЦУ!

НЕ ВПУСТИТЕ КОТА!

Дорога-река

В Чикаго Освальд Кэмпбелл встретился со своим страховым агентом и оформил полис, согласно которому в случае его смерти страховое пособие и сумма, оставшаяся от пенсии, будут выплачены Хелен. Он особо оговорил, что полученные средства она должна потратить на себя, а детей и близко к деньгам не подпускать, хотя превосходно понимал, что такое в принципе недостижимо и сколько бы он ни истекал желчью, с этим ничего не поделаешь. Освальд закрыл свой банковский счет, сняв худосочную стопку наличности — весь свой капитал. Ехать на поезде было дешевле всего, и Освальд забронировал место. На следующее утро он позвонил миссис Клевердон, чтобы известить о своем приезде и узнать, на какой адрес следует переводить пенсию.

— Мисс Бетти Китчен, Дорога-река, сорок восемь, — любезно сообщила Френсис.

— Дорога-река? Это так улица называется?

— Нет, это река.

— Вот как. Мне-то нужно название улицы.

— Это официальный адрес, мистер Кэмпбелл. Почту нам привозят на лодке.

— На лодке? Но у меня же нет лодки, — недоумевал Освальд.

Она засмеялась:

— Вам она и ни к чему. Почтальон прибывает на лодке.

— И куда же он привозит почту?

— Прямо к вашему причалу.

Освальд по-прежнему пребывал в недоумении.

— И мне не нужен почтовый индекс или что-нибудь в этом духе?

— Не нужен, мистер Кэмпбелл. Наш почтальон знает, где кто живет.

— Ясно... значит, Дорога-река, сорок восемь?

— Точно. Мой адрес: Дорога-река, сорок шесть. Место проживания моей сестры Милдред: Дорога-река, пятьдесят четыре. — Френсис не упустила возможности лишний раз упомянуть имя сестры.

Освальд повесил трубку. Ну и в веселенькое же место он направляется. А ведь она раньше не говорила, что почту доставляют на лодке. Уже во второй раз его посетили сомнения... но комнату свою он уже сдал, с Хелен попрощался по телефону, так что пути назад нет. В конце концов, он же не сказал миссис Клевердон, что он ходячая бомба замедленного действия и, неровен час, помрет у них на руках. Да и суетиться надо было раньше. Куда теперь податься? Ну ничего, уж пиво-то в местной лавке наверняка имеется. А причин, чтобы и дальше вести трезвый образ жизни, нет. Ждать-то от будущего уже нечего.

Не успела Френсис разъединиться, как поняла, что позабыла предупредить насчет мисс Альмы, матушки Бетти Китчен. Она уже собралась перезвонить, но передумала. Может, оно и к лучшему, зачем его заранее пугать. Кроме того, пора к Милдред — помогать готовиться к собранию эзотерического ордена тайного общества «Узор в Крупный Горошек». Рождество на носу, а им еще предстоит нарядить Окутанную Тайной Ель. Каждый год под Рождество члены клуба собирались на исходе ночи у зала приемов и украшали большой кедр, росший перед зданием, то есть втихомолку творили добро. «Крупные Горошинки» вершили немало добрых дел, и все тайком. Ибо девиз у клуба был: «Трезвонить о себе дурно».

Единственным мужчиной среди «Крупных Горошинок» был Батч Маннич по прозвищу Жердьяй, шести футов четырех дюймов росту и ста двадцати восьми фунтов весу.[9] Добродушному Батчу, племяннику Сибил Андервуд, было двадцать шесть лет, и он исполнял все поручения дам. Каждый год именно Батч приносил стремянку, — и лишь он мог дотянуться до верхних ветвей и повесить фонарики у самой макушки.

Сестру Френсис застала в гостиной: Милдред в ярком гавайском одеянии полулежала на диване и читала новую книгу, взятую в передвижной библиотеке. Называлась книга «Роман в дельте: пылкий рассказ о запретной любви в устье Миссисипи».

— Когда, ради всего святого, ты прекратишь глотать это дрянное чтиво? — проворчала Френсис, увидев, что читает сестра.

Милдред захлопнула книгу, положила на кофейный столик и парировала:

— А когда, ради всего святого, ты прекратишь глотать эти дрянные сладости?

Она всегда брала верх. В юности сестры ходили в одну и ту же частную среднюю школу в Чатануге, но даже в те годы Милдред держалась наособицу. Первая в городе она появилась в брючном костюме в загородном клубе Чатануги, слишком уж была независимая, чтобы подчиняться повальной моде. По мнению Френсис, именно по этой причине парень, с которым Милдред была обручена, сбежал и женился на другой девушке. Наверное, этим объяснялось и то, что нельзя было предсказать, с волосами какого цвета появится Милдред, — сегодня один оттенок, завтра другой. Колер она меняла, сообразуясь лишь со своим настроением. Сейчас волосы у нее были в клеточку. Френсис от души понадеялась, что к приезду мистера Кэмпбелла расцветка станет хотя бы естественной, но вслух ничего не сказала. Если Милдред узнает, что сестра ударилась в сводничество, она точно выкинет

какой-нибудь фортель. Френсис очень переживала из-за нее. У Милдред имелись хорошая пенсия после двадцати пяти лет работы, выгодная страховка, собственный дом, множество друзей – словом, все; не было у нее только счастья. Френсис очень огорчало, что с годами Милдред делается все более желчной, на глазах превращаясь в старую гримзу. И это была одна из многих причин, по которой Френсис связывала столько надежд с приездом мистера Кэмпбелла. Милдред давно уже пора забыть бросившего ее парня и, пока не поздно, начать жить полной жизнью.

Чудо-Алабама

По совету доктора Освальд привел свои дела в порядок, что заняло у него не больше пяти минут. Всего-то надо было выкинуть три пары старых ботинок и одно пальто из двух имеющихся. Бейсбольный мячик, который он когда-то поймал прямо во время игры, и прочее барахло уместились в одном чемодане. В тот вечер приятели из AA[10] пригласили его на прощальную чашку кофе. Он сказал им, что вернется, скорее всего, весной. Что их зря расстраивать.

На следующее утро он поймал такси, отправился на вокзал на Лассаль-стрит, занял свое место, и в 12.45 поезд тронулся в путь. Глядя, как проплывают мимо знакомые здания, он понимал, что видит Чикаго последний раз в жизни. У него даже возникло искушение немедленно отправиться в вагон-ресторан и промочить горло, но вчерашний подарок друзей по-прежнему лежал в кармане: памятный значок «Живи сегодняшним днем». Он чувствовал, что для начала следует подалее отъехать от Чикаго и своей AA-группы, поэтому уселся у окна и стал смотреть на проплывающие мимо виды. Поезд ехал через Цинциннати и Луисвилл на Нэшвилл и чем дальше забирался на юг, тем сильнее менялся пейзаж за окном. Бурая поначалу земля приобретала более приятные глазу оттенки, а когда Освальд проснулся поутру, голые черные деревья сменились высокими соснами и прочими хвойными. Он заснул в одном мире и проснулся совсем в другом. За ночь насупившееся зимнее серое небо сменилось ярко-голубым, и по нему ходили такие огромные кучевые облака, что Освальд невольно воскликнул про себя: «Что за шутки!»

В Мобил он прибыл ближе к вечеру. Стоило Освальду сойти с поезда, как к нему подскочил худущий высокий мужчина – вылитый богомол, если бы не бейсболка на макушке крошечной головы.

– Вы мистер Кэмпбелл? – спросил тощий.

Освальд подтвердил.

Тощий подхватил его чемодан и торжественно произнес:

– Добро пожаловать в Алабаму! Меня зовут Батч Маннич, но можете называть меня, как и все прочие, Жердьяй, такое у меня прозвище.

На ходу Батч добавил:

– Я такой худой, что в детстве родители не разрешали мне завести собаку, боялись, что барбос примет меня за набор косточек и закопает где-нибудь во дворе! – И громогласно расхохотался собственной шутке.

Выйдя из здания вокзала, Освальд поразился, какой тут теплый, влажный, напоенный ароматами воздух. Оказалось, смотреть в окно поезда — это одно, а самому погрузиться в здешнюю атмосферу — совсем другое. За транспортное средство, грузовичок, Батч счел нужным извиниться:

— Он из себя неказист, но куда надо, довезет.

Батч оказался человеком веселым и простодушным и болтал не переставая все полтора часа, что заняла дорога до Затерянного Ручья. На визитной карточке, которую он вручил «мистеру Кэмпбеллу», был изображен основательных размеров глаз. Под глазом было начертано:

БАТЧ (ЖЕРДЯЙ) МАННИЧ,

ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ И ПОМОЩНИК ШЕРИФА

Освальд удивился.

— И большой здесь спрос на услуги частного детектива?

— Пока нет, — огорченно сказал Батч. — Но я под рукой и в полной боевой готовности. На всякий случай. Мало ли что.

Пока они ехали через бухту Мобил[11] по длиннющей дамбе, начало темнеть. По обе стороны простиралась на многие мили вода, а погружающееся в бухту солнце было такое большое и оранжевое, что Освальд даже испугался.

— Оно всегда такое? — спросил он.

Батч посмотрел в окно.

— Ну да. Закаты у нас — залюбуешься...

К тому времени, как они свернули с шоссе к Затерянному Ручью, на дворе было черным-черно.

— Вот наша лавка, — сказал Батч.

В темноте Освальд ничего не разглядел. Они проехали еще примерно с квартал и остановились у большого дома.

— Приехали. Доставил в целости и сохранности.

Освальд вытащил кошелек.

— Сколько я вам должен?

И крайне удивился ответу Батча:

— Да ничего вы мне не должны, мистер Кэмпбелл.

Только Освальд собрался постучать, как дверь широко распахнулась и перед ним возникла могучая женщина ростом никак не меньше шести футов.

— Заходите! — пророкотала она и подхватила его чемодан, Освальд даже пошевелиться не успел. — Я — Бетти Китчен, рада вас видеть. — От ее рукопожатия ладонь Освальда чуть не расплющилась. — Завтрак в семь, обед

в двенадцать, ужин в шесть. Если вам попадется крошечная чудаковатая старушка, не волнуйтесь, это всего-навсего моя мама. Она уже плохо соображает, где находится, так что если ненароком забредет к вам в комнату, просто прогоните ее. Пойдемте, покажу вам дом.

Освальд потрусил следом по нескончаемому коридору, разрезавшему дом пополам. Хозяйка шагала стремительно, шелкала выключателями, зажигая и гася свет, и поясняла на ходу:

— Гостиная, столовая, а вот это кухня.

Дойдя до конца коридора, Бетти обернулась и ткнула в маленькую дверцу под лестницей:

— А здесь я сплю.

В каморке места едва хватало на односпальную кровать.

— Люблю быть поближе к кухне, откуда мне проще присматривать за мамой. Здесь тесно, но мне нравится: напоминает поезд. Мне всегда очень хорошо спится в поезде, а уж я в свое время ездила. Давайте наверх. Покажу вам вашу комнату.

Взбираясь вслед за хозяйкой по лестнице, Освальд чувствовал что-то знакомое в ее манере держаться и говорить, будто встречал Бетти раньше. Но они прежде никогда не сталкивались, это точно, такую женщину не забудешь.

— Мама была когда-то кондитершей в Милуоки, пекла птифуры и пирожные, пока не поскользнулась на сигарной обертке. — Она покосилась на него и осведомилась: — Ведь вы не курите сигары, правда?

— Сигар не курю, — подтвердил Освальд. Даже если бы курил, не сознался, по ее тону было ясно: такого жильца здесь не потерпят. — У меня эмфизема, потому я и приехал сюда. Поправить здоровье.

Она вздохнула:

— Многие приехали сюда из-за здоровья, у кого такая болячка, у кого всякая... Только не я. Я здорова как бык.

И, как только они вошли в комнату, она словно в доказательство своих слов одной рукой закинула чемодан на кровать.

— Вот. Мы на месте. Самая солнечная комната в доме. Я жила здесь, пока не перебралась под лестницу. Надеюсь, вам понравится.

Освальд осмотрелся. Просторно, светло, желтые обои в цветочек, маленький желтый диванчик в углу, деревянная кровать с валиками застелена белым хрустким на вид покрывалом из синели. Над кроватью вышивка в рамке: ДОМ, МИЛЫЙ ДОМ.

Бетти указала на две двери:

— Чулан с вешалками слева, ванная справа. Что-нибудь понадобится — просто покричите. Если пока ничего не требуется, увидимся в семь ноль-ноль.

Освальд прошел в ванную и поразился: по размеру она была почти равна спальне. Раковина и ванна зеленые. И окно есть, удивительное дело. Освальд никогда еще не видел, чтобы в ванной было окно. Он так устал, что охотно сразу бы лег, но дорожную грязь надлежало смыть, так что он сперва

принял ванну и только потом облачился в пижаму и с наслаждением нырнул в мягкую постель с благоухающим бельем. Лежа, он еще раз обвел взглядом комнату, выключил лампу и погрузился в блаженный сон.

Пока Освальд устраивался, зазвонил телефон. Френсис хотела узнать, благополучно ли добрался мистер Кэмпбелл. Услышав утвердительный ответ, она поспешно спросила:

— Ну как?

Бетти рассмеялась:

— Как?.. Хорош собой, росточком невелик, яркие голубые глаза и рыжие волосы. В общем, на эльфа смахивает.

— На эльфа?

— Ну да. На очень милого эльфа.

Хотя Френсис немножко огорчилась, что мистер Кэмпбелл не такой красавец, как она надеялась, — Милдред ужасно разборчива по части мужчин, — но вид у нее сделался самый что ни на есть довольный. Надо же, эльф, подумалось ей. О, так ведь скоро Рождество. Может быть, это знак. Ведь надежда как-никак умирает последней.

Глаза Освальда открыл в половине седьмого утра. Комната была полна солнца, а за окном чирикали те самые птицы, которых он уже слышал по телефону, только теперь они заливались в два раза громче. Для человека, который за последние восемь лет привык просыпаться в сумрачной комнате мебелирашек где-то около половины десятого или даже десяти под уличный шум, этого достаточно, чтобы почувствовать себя не в своей тарелке. Он попробовал было снова уснуть, но птицы не утихали, к тому же начался приступ кашля. Пришлось встать. Одеваясь, он обратил внимание на картинку на стене, явно вырезанную Бетти Китчен из какого-то журнала, — дамский туалетный столик; рядом с пудрой, губной помадой, гребенкой и пачкой сигарет «Лаки страйк» — форменная пилотка женской вспомогательной службы сухопутных войск США. И подпись под всем этим: ДА, ОНА СОЛДАТ — НО И ЖЕНЩИНА ТОЖЕ!

Так вот почему она показалась ему такой знакомой, осенило Освальда. Девушка, как видно, служила в армии. Медсестрой, а кем же еще. Сколько таких медсестер он перевидал, пока мотался по ветеранским госпиталям. А на одной так даже женился.

За завтраком (овсянка, яичница, ветчина, печенье) тайна раскрылась. Он был абсолютно прав. Мало того, его хозяйка оказалась в высоких чинах — подполковник медицинской службы в отставке, начальник над сотнями и сотнями медсестер в крупных госпиталях на Филиппинах.

Освальд объявил, что тоже служил в вооруженных силах. Она посмотрела на него:

— Вот уж никогда бы не подумала, что вы — военный, мистер Кэмпбелл.

— А меня никто не принимает за военного, — засмеялся он. — Я и из Иллинойса-то никуда не выезжал.

— Не повезло вам.

— Может, и так. Но я не жалею. Меня уволили по состоянию здоровья, что дало мне кое-какие привилегии. Да и образование я получил благодаря армии США.

Тут в дверях появилась мама — высохшая тряпичная куколка, чуть ли не вполосину ниже дочки. Чрезвычайно возбужденная, старушка, словно и не замечая Освальда, сказала:

— Бетти, слоны опять у нас во дворе. Сходи узнай, чего им надо.

— Да, мама, — ответила Бетти. — Сейчас узнаю. А ты пока иди наверх.

— Поторопись. А то они мне все камелии потопчут.

После того как она ушла, Бетти повернулась к Освальду:

— Теперь понятно, о чем я вам говорила? По ее словам, у нас во дворе такое творится... На прошлой неделе наведались летающие черепахи. — Она встала и принялась собирать тарелки. — Не знаю, давнее падение виновато или это все возраст, она ведь постарше будет, чем сам Мафусаил. — Бетти вздохнула. — Проклятие Китченов — долголетие, как по мужской линии, так и по женской. А у вас как, мистер Кэмпбелл? Долгожители в семье были?

Сведений о своей настоящей семье у Освальда не имелось никаких — пришлось исходить из своего теперешнего состояния.

— Увы, сомневаюсь, что так.

После завтрака Освальд вернулся в свою комнату и закончил распаковывать вещи. Через несколько минут снизу послышался голос Бетти:

— А-у-у-у! Мистер Кэмпбелл! К вам гость!

Он вышел к лестнице, и миловидная женщина в белой блузке и синей юбке, запрокинув голову, крикнула снизу:

— Доброе утро!

Голос он узнал тотчас и заторопился вниз — знакомиться с Френсис Клевердон. Седые волосы — но лицо, голубые глаза, милая улыбка на удивление молодые. В знак приветствия она вручила ему большую корзину с пеканами, кофейно-творожным тортом со сливками и клюквой, мандаринами «сацума»[12] и какими-то баночками.

— Надеюсь, вы любите желе. Я приготовила для вас желе из зеленого перца и скапернанга.[13]

— Люблю, — сказал Освальд, понятия не имевший, что такое «скапернанг».

— Я вас не задержу, вы ведь человек занятой. Просто забежала на секундочку поздороваться, но как только вы устроитесь да пообвыкнете, добро пожаловать на ужин.

— Спасибо, миссис Клевердон, обязательно воспользуюсь приглашением.

По дороге к двери она оглянулась и спросила, был ли он уже в лавке и познакомился ли с Роем.

— Еще нет.

— Нет? — Она таинственно улыбнулась. — Обязательно сходите и полюбуйтесь. Получите удовольствие.

Когда Френсис ушла, Освальд решил немного прогуляться и спросил у Бетти, где у них тут лавка. Выяснилось, что надо выйти через парадный вход, свернуть налево, миновать почту и через четыре дома, в самом конце улицы, и будет лавка.

Освальд вышел на крыльцо и с изумлением понял, что на дворе так же тепло, как и в доме. Подумать только, каких-то два дня назад он в пальто брел под ледяным дождем, а сегодня сияет солнце и в рубашке с коротким рукавом совсем не холодно. Он повернул налево — и увидел то, что вчера скрывал мрак.

По обе стороны улицы росли могучие дубы, со стволов гирляндами свисал бородатый мох. Ветви у деревьев были такие длинные, что смыкались посреди улицы высоко над землей, образуя нечто вроде уходящего в необозримую даль балдахина. Освальд шел мимо домиков, представлявших собой маленькие ухоженные бунгало, и в каждом дворике буйствовали кусты с крупными красными цветами, напоминавшими розы. Освальд шагал к лавке, а рядышком, по стволам деревьев, вверх-вниз шмыгали на удивление тучные белки. В кустах щебетали и шумно возились птицы, но ни одной он так и не разглядел, столь густая была вокруг растительность. Очень скоро Освальд миновал белый дом с двумя входными дверями, над одной из которых значилось: ПОЧТА. На ступеньках сидел рыжий кот.

Дверь почты распахнулась, и стройная грациозная женщина с прямой челкой, вылетев на крыльцо, помахала ему:

— Привет, мистер Кэмпбелл. Рада вас видеть!

Он помахал ей в ответ, хотя понятия не имел, кто она такая и откуда ей известно, как его зовут. В конце улицы показался дом из красного кирпича, перед домом — две бензоколонки. Освальд вошел внутрь. За кассой стоял гладко выбритый шатен в штанах цвета хаки и клетчатой рубашке.

— Это вы Рой? — спросил Освальд.

— Да, сэр. А вы, наверное, мистер Кэмпбелл? Как поживаете? — Рой перегнулся через прилавок и пожал Освальду руку.

— Откуда вы знаете, кто я такой?

— От наших дам, мистер Кэмпбелл, — хохотнул Рой. — Они уж вас ждали-ждали. Не представляете, как я рад вашему приезду.

— В самом деле?

— А как же. Еще один холостяк, кроме меня. Еще один кандидат в мужья.

Освальд поднял руки вверх.

— Господи, какой с меня прок.

— Не обманывайте себя, мистер Кэмпбелл. Вы ведь еще дышите, — выходит, прок есть.

— Это точно, — рассмеялся Освальд. — Пока еще дышу.

— Значит, нам надо сомкнуть ряды и стойко держать оборону, чтобы никто из красавиц на выданье не застал нас врасплох. Если вы, конечно, сами не ищите себе жену.

— Не-е-е-ет, — протянул Освальд, — только не я. Одной несчастной я уже испоганил жизнь. Вполне достаточно.

Щуплый коротышка сразу понравился Рою.

— Пойдемте в кабинет. Угощу вас кофе и представлю своему партнеру.

В дверях Рой свистнул и громко произнес:

— Эй, Джек!

Джек, который все утро не слезал с пластикового кольца с колокольчиками — своей новой игрушки, которую Рой заказал по почте, — услышал свист, выпорхнул из кабинета и сел Рою на палец.

Освальд замер.

— Ух ты. Это кто же такой?

— Познакомьтесь. Джек, мой партнер, — представил птицу Рой. — Лавка на самом деле принадлежит ему. А я всего лишь управляющий.

— Господи ты боже мой. — Освальд никак не мог опомниться. — Это ведь кардинал, правда?

Вытянув руку с Джеком в сторону, чтобы тот не услышал, Рой подтвердил негромко:

— Да, официально он — кардинал, но мы ему этого не говорим и называем просто «красной птичкой». А то заважничает дальше некуда. — И птице: — Эй, Джек, скажи человеку, где ты живешь.

Джек вздернул голову и — Освальд слышал своими ушами — прочирикал с тем же южным акцентом, что и у Роя:

— В радости!... В радости!... В радости!

Пока Рой готовился к приходу покупателей, Освальд слонялся по лавке, внимательно рассматривая развешанные по стенам чучела рыб и животных. Они были как настоящие. От лисы Освальд так даже шарахнулся в сторону.

Немного погодя он сказал Рою:

— Какая прекрасная работа. На секунду мне показалось, что эта чертова лиса живая. А рыбы просто великолепны.

Рой посмотрел на чучела:

— Согласен. Это дядя украсил так помещение. А животных по большей части в покер выиграл.

— Кто их изготовил, кто-нибудь из местных?

— Да. Джулиан Лапонд, старый креол, за рекой живет.

— Креол? Кто они такие? Индейцы?

Рой покачал головой:

— Не то французы, не то испанцы, не то индейцы — по-моему, они сами толком не знают. — Он обвел чучела широким жестом. — Что касается этого парня, среди его предков точно был какой-нибудь гусь лапчатый... А всех этих рыб поймал Клод Андервуд. Вот эта форель — рекордсмен. Вы рыбалкой увлекаетесь? Если да, то вам надо непременно повидать Клода.

— Нет, — признался Освальд. — Рыболов из меня никакой, да, боюсь, и охотник тоже. — Сам бы он не отличил форель от кефали.

* * *

Уже около часа Освальд топтался в лавке, любясь краснокрылым проказником, когда зазвонил телефон. Положив трубку, Рой сообщил:

— Мистер Кэмпбелл, звонила Бетти. Ваш обед готов.

Освальд посмотрел на часы. Ровно двенадцать, секунда в секунду.

— Пожалуй, мне пора.

— Да, не стоит выводить ее из себя. Кстати, вы матушку видели?

— Ага-а-а, — округлил глаза Освальд.

— Говорят, вреда от нее никакого, но на вашем месте я бы на ночь запирался изнутри.

— Серьезно? А как же насчет безвредности?

— Знаете, — Рой завел глаза к потолку, — не люблю сплетничать, но мы ведь не знаем, что там приключилось с папочкой.

По лицу Освальда Рой заключил, что насмешка упала на благодатную почву. Коротышка верил каждому его слову, значит, можно будет позубоскалить всласть.

Уже отойдя от лавки, Освальд вдруг сообразил, что за разговорами так и не узнал главного: есть ли в магазине пиво.

Ничего, можно и завтра уточнить.

Дома Освальд спросил у Бетти про женщину с челкой, которая уже дважды помахала ему рукой возле почты.

— А, это Дотти Найвенс, начальница почты. Мы ее заполучили по объявлению, которое разместили в «Нью-Йорк таймс». Боялись, сбежит, как только поймет, какой маленький у нас городок. Но ничего, не сбежала — и, судя по всему, очень рада тому. На посиделках она заводила, потчует всех препаршивым виски с содовой и так здорово танцует под джаз, ну просто загляденье.

Освальду подумалось, что ко всему прочему Дотти, похоже, еще и чокнутая, раз уехала из Нью-Йорка в такую глушь.

Около двенадцати тридцати, в ту самую минуту, когда Освальд обедал, Милдред, вернувшись из Мобила, где все утро покупала украшения для Окутанной Тайной Ели на деньги «Крупных Горошинок», вошла в дом и без промедления набрала номер Френсис.

— Ну?

Френсис призвала на помощь весь свой такт.

— Ну... Приятный невысокий мужчина, приятные мелкие зубы и, конечно же, забавный акцент, а еще...

— Что «еще»?

Френсис добродушно засмеялась:

— Он похож на эльфа.

— О господи.

— На очень милого эльфа, — поспешно добавила Френсис. Милдред вечно судит о людях второпях, и Френсис не хотелось, чтобы у сестры возникло предубеждение против Освальда еще до того, как она его увидела. Милдред порой так привередничает.

Освальд редко баловал себя полноценным трехразовым питанием, но в Затерянном Ручье он в первый же день подкрепился обильным завтраком, пообедал жареным цыпленком, миской крупной лимской фасоли, тремя кусками кукурузного кекса с медом и настоящим маслом (а не с бутербродным маргарином, который обычно покупал) и двумя ломтями домашнего красного бархатного пирога.[14] Он и забыл вкус домашней стряпни. В последний раз он ел домашнее, еще когда был женат на Хелен, после развода же кормился исключительно в забегаловках или таскал домой пенопластовые контейнеры с фаст-фудом. На ужин он умял все, что было на тарелке, плюс две порции бананового пудинга, чем умилил Бетти до глубины души. Ей нравилось, когда у мужчины хороший аппетит.

Он еще не вполне пришел в себя после поезда, поэтому отправился спать сразу после ужина. Когда он одолел последнюю ступеньку, из-за двери высунулась голова матушки, на сей раз беззубая, и гаркнула:

— Войска наконец накормлены?

— Полагаю, да.

А что еще он мог ответить?

— Отлично, — прокричала матушка и захлопнула дверь.

Ну и ну, озадачился Освальд, и хотя сильно подозревал, что Рой над ним посмеялся, но заперся на ночь — на всякий случай.

Наутро его опять разбудили птицы — и снова он прекрасно выспался, и снова был голоден. За плотным завтраком он спросил у Бетти, что привело их с матушкой из Милуоки в Затерянный Ручей, штат Алабама.

Бетти бросила на сковородку еще четыре кусочка бекона.

— Моя подруга Элизабет Шиверс в то время работала в Красном Кресте, и их послали сюда оказывать помощь пострадавшим от урагана. Она просто влюбилась в эти края и перебралась сюда, я приехала к ней погостить, и мне здесь тоже понравилось, вот я и переехала вслед за ней. — Бетти перевернула бекон и задумалась. — Вот ведь что забавно, мистер Кэмпбелл. Если кто сюда попал, здесь и остается.

— В самом деле? Сколько вы здесь уже живете?

— Лет четырнадцать. Мы переселились сразу после смерти папы.

— Ага... понятно. А могу я спросить, от чего умер ваш родитель? — Освальд старался говорить особо беззаботным тоном.

— Съедите еще яичницы? — спросила Бетти.

— Да, будьте любезны.

Она открыла холодильник, вынула два яйца, разбила, выпустила на сковородку...

— Как ответить на ваш вопрос? Мы сами толком не знаем, в чем причина смерти папы. Он старше мамы на двадцать два года, ему тогда исполнилось ровно сто три. Казалось бы, солидный возраст, только не для Китченов.

===Все случилось так неожиданно... Это все, что я могу сказать.

Освальду полегчало. Ни о какой насильственной смерти (на которую намекал Рой) и речи не шло. Подумать только, старичок отошел в мир иной в сто три года! Какая неожиданность!

На следующее утро Бетти Китчен оглядела его и сказала:

— Как вы кашляли, мистер Кэмпбелл. Вы не заболели?

Подыграл Освальд мгновенно:

— А ведь правда... Наверное, в поезде слегка простудился. Но чувствую себя отлично.

Надо бы кашлять потише, подумалось ему. В укромном месте. Чтоб никто не слышал.

После завтрака он опять задумал прогуляться и поинтересовался у Бетти, где река.

— Сразу за домом, — ответила она.

Освальд обогнул дом и оказался в просторном дворе, засаженном высоченными елями и кедрами. По его прикидкам, деревья были с шести-, а то и с восьмизэтажный дом. Свежий хвойный аромат, витавший в воздухе, напомнил ему рождественские елочные базары в Чикаго. Он прошел по узенькой дорожке, прорубленной в густом подрасте. Усеянная хвоей и еловыми шишками размером с ананас, тропинка вскоре привела к деревянному причалу. Река восхитила его мягким песчаным дном. Возле самого причала, в прозрачной, будто джин (уж ему ли не знать!), воде сновали серебристые рыбы всевозможных размеров. Поверхность была гладкая точно стекло, никакого сравнения с озером Мичиган.

В воздух взмыли гигантские пеликаны и пролетели в каких-то четырех футах от него и в двух дюймах над водой. Невероятное зрелище! Он видел пеликанов на фото в журналах — клювастые серые птицы. Но оказывается, их оперение переливается зеленым, розовым, голубым, оранжевым — настоящее разноцветье; глаза у них желтые, а хохолок на голове белый. Прошло несколько минут — и пеликаны снова взлетели, описали в воздухе круг, с плеском опустились на реку и поплыли, погрузив в воду свои длинные клювы. Освальда разобрал смех. Очки на нос этим птицам — вот уж забавная получилась бы карикатура на человека! Доселе он и птиц-то никаких толком не видел — разве что голубей за окном своей комнаты в мебелирашке.

Река была не очень широкая, противоположный берег тоже весь утыкан причалами, дальше шли дома. На каждом причале, включая и тот, где он стоял, имелся почтовый ящик. Френсис верно сказала, на ее ящике красовался номер 48. Вообще пока все, что ему рассказывали про Затерянный Ручей, как и то, что он прочел в старой брошюре, находило подтверждение. Старина Хорас П. Данлеп, как выяснилось, не врал. Кто бы мог подумать, что Освальд поселится в одном из «элегантных миниатюрных бунгало», что так расхваливал Хорас! Ровно месяц прошел с того дня, когда он посетил врача, а жизнь его успела повернуться на сто восемьдесят градусов. Все резко изменилось, даже времена года перемешались. Месяц назад Освальду и не снилось, в какое странное место и к каким странным людям занесет его судьба. Это было столь же невероятно, как если бы им выстрелили из пушки и он угодил на другую планету.

На следующий день он не знал, чем бы таким себя занять, и после завтрака спросил у Бетти, когда приходит почта. Оказалось, между десятью и одиннадцатью. Он отправился на причал и стал ждать. Около десяти сорока пяти из-за поворота показалась небольшая моторка и поплыла от одного почтового ящика к другому, причем человек в лодке всякий раз успевал ловко распахнуть дверцу ящика и сбросить почту. Он был коренаст, на вид лет шестидесяти пяти — семидесяти, в куртке и бейсболке. Завидев Освальда, человек выключил мотор.

— Приветствую. Вы, наверное, мистер Кэмпбелл. Я — Клод Андервуд. Как поживаете?

— У меня все отлично, рад вас видеть, — сказал Освальд.

Клод протянул ему перетянутую резинкой пачку корреспонденции.

— Давно в наших краях?

— Всего несколько дней.

— Вот дамы-то рады.

— Радуются вроде, — сказал Освальд. — Мистер Андервуд, расскажите лучше про реку. Она большая?

— Пять-шесть миль в длину. Это самая узкая ее часть. Выше по течению она пошире будет.

— Вы тут все изучили?

— Давайте как-нибудь прокатимся. Я покажу вам реку.

— Правда? Я с удовольствием. Когда?

— Завтра, если вы не против. Встретимся у почты около половины десятого. Только захватите куртку. На воде уже прохладно.

«Забавно, мистер Андервуд беспокоится, как бы я простуду не подхватил в этих местах», — думал Освальд по пути домой. Декабрь на дворе, а погода будто в Чикаго весной. Впору открывать бейсбольный сезон.

На следующее утро, когда Освальд подошел к крыльцу почты, с другой стороны здания показалась экстравагантная женщина в ярко-зеленом брючном костюме. Увидев Освальда, она чуть не прыснула. Френсис описала его верно.

Приблизившись, женщина сказала:

— Кто вы, я знаю. А я — Милдред, сестра Френсис, так что будьте готовы. Она уже планирует званый ужин. Соглашайтесь, приходите — и покончим с этим.

Спускаясь по ступенькам, Милдред хихикала про себя.

Какая привлекательная и элегантная женщина, подумал Освальд. И совсем не похожа на свою сестру. Хотя тоже красивая, а вот прическа — в жизни не видел волос такого цвета.

Он прошел на почту. Дотти Найвенс — та самая особа, что приветствовала его в первое утро, — пожала ему руку, слегка присела в странном книксене и произнесла звучным голосом:

— Добро пожаловать, незнакомец, в наши доблестные ряды.

До чего ж доброжелательная, отметил Освальд. А если бы не слишком широкая щель между двумя передними зубами и не чересчур прямые волосы, она бы дала фору сестрице его Хелен, записной красотке.

Клод разбирал почту в заднем помещении, раскладывал корреспонденцию по стопкам. Закончив, он сложил все на тележку, вдвоем они подкатали ее к пикапу, переложили груз и проехали несколько кварталов по грязной дороге. Остановились у старого деревянного лодочного сарая.

— Здесь я держу свою лодку, — сказал Клод. — Раньше она стояла за лавкой, но эти приезжие мальчишки-паршивцы принялись упражняться на ней в стрельбе, и я перетащил ее сюда.

Забравшись в лодку, Освальд поискал глазами спасательный жилет, но ничего похожего не обнаружил. А когда спросил про жилет у Клода, тот глянул с таким выражением, будто Освальд издевался над ним.

— Спасательный жилет?

— Ну да. Стыдно признаться, но я не умею плавать.

Клод постарался его успокоить:

— Спасательный жилет вам без надобности. Если свалитесь за борт, утонуть не успеете. Аллигаторы сожрут раньше.

С этими словами он запустил мотор, и лодка двинулась из заливчика на быстрину.

Освальд искренне надеялся, что Клод пошутил, но все-таки старался держать руки подальше от воды — на случай, если все всерьез. Они обогнули отмель, проплыли под мостом и оказались на речном просторе, от которого захватывало дух. В среднем течении река была очень широкая, по обоим берегам тут и там виднелись дома. Лодка направлялась на север, почти следовало доставить на каждый причал, и Клод виртуозно лавировал в крошечных заводях, где глубина местами не превышала шести-семи дюймов, открывал почтовые ящики, большие и маленькие, высокие и низкие, не пропустив ни одного. При этом моторка ни на секунду не останавливалась.

Освальда его ловкость впечатлила.

— Вы хоть раз промазали?

— Пока нет, — ответил Клод, вбрасывая стопку в очередной ящик. — Но такой день придет, сомневаться не приходится.

Кое-где на причалах почтальона приветствовали люди, кое-где их встречали лаем собаки, и тогда Клод доставал из кармана собачьи печенюшки и угощал псов.

— А вас когда-нибудь кусали?

— Пока нет.

Где-то через час они развернулись и поплыли обратно. Освальд заметил, что Клод не доставил почту на противоположный берег, и спросил почему.

— Я больше не обслуживаю ту сторону, — объяснил Клод. — Раньше плавал и туда, там креолы живут. У них теперь свой почтальон.

— Это не там живет Джулиан Лапонд? — спросил Освальд.

— А откуда вы знаете про Джулиана Лапонда? — вопросом на вопрос ответил Клод.

— Рой рассказал, что это он сделал все чучела, выставленные в лавке.

— Ха! — буркнул Клод, разжигая трубку. — Удивительно, что он вообще про него упомянул. — Но что в этом удивительного, не объяснил.

— Он прекрасный чучельник, но мне показалось, Рой невысокого мнения о нем как о человеке.

— Невысокого, — подтвердил Клод и смолк.

Только через два с половиной часа они подплыли к лодочному сараю. Освальд устал, из моторки он выбрался с трудом, ноги подрагивали. Отчаянно тянуло в сон — верное свидетельство переизбытка свежего воздуха. Он спросил Клода, чем тот занимается после работы.

У Клода загорелись глаза.

— О... После работы я рыбачу!

Как бы ни хотелось Освальду отвертеться от ужина у Френсис Клевердон, все же пришлось смириться с приглашением, поскольку от ближайшей соседки не очень-то просто спрятаться. Да и нельзя обижать человека, благодаря которому он оказался в Затерянном Ручье.

Френсис жила в чистеньком синем бунгало. Внутри все тоже было очень изящно, взять хотя бы розовую кухню: плита, холодильник, раковина – все розовое, даже кафель на полу и тот розовый с белым. Френсис продемонстрировала гостю свою роскошную коллекцию соусников, на что Милдред, волосы которой, к смятению Френсис, сияли лиловым, не преминула заметить:

– Никогда не понимала, как может человек в здравом уме собирать соусники.

Хотя Освальд отправился в гости без особого желания, отменное угощение он оценил, особенно по вкусу ему пришлись макароны с сыром, а после ужина они сыграли в ремик, [15] что тоже доставило ему удовольствие.

А вот Френсис осталась недовольна – прежде всего, поведением сестры: Милдред по части романтики палец о палец не ударила, только весь вечер кисла и жаловалась на жизнь и на гадкую птицу, обитающую у Роя в лавке. Правда, в потоке нытья мелькнули две-три печальные шутки, которым Освальд посмеялся. Френсис тоже улыбнулась, хотя в глубине души готова была придушить сестру. Ну разве так ведут себя с мужчинами? Такой прекрасный ужин намечался, и все насмарку.

На следующее утро Милдред зашла к Рою в лавку и, как повелось, выбрала Джека, беззаботно порхавшего у нее перед носом:

– Ты слышал про дроздов, запеченных в пироге? Целых двадцать четыре птички угодили в тесто, черненькие такие. Ты у нас, правда, красненький, господин хороший, но я, честное слово, тоже испеку пирог. С одной-единственной птицей, если только ты от меня не отвяжешься.

Рой засмеялся:

– Ты уж лучше гляди в оба, старина, а то тобою однажды пообедают.

Милдред, несмотря на ее всегдашнее брюзжание, очень нравилась Рою, особое восхищение вызывала у него ее шевелюра, вечно меняющая цвет. А шутки Милдред, которые теперь оценил и Освальд, приводили Роя в восторг.

Через пару недель в образе жизни Освальда наметилась некая размеренность. Каждое утро после завтрака он направлялся в лавку, какое-то время проводил там, потом шел на причал, закуривал и поджидал Клода Андервуда с почтой. В доме у Бетти он курить не осмеливался. Пока Освальд сидел на причале, нередко час или даже два, перед ним разворачивалась жизнь, доселе ему совершенно неведомая. Самые разные крупные птицы, от гагар до цапель, от уток до гусей, сновали вверх-вниз по реке. Лебеди – те держались парами, прочие же пернатые взлетали и садились на воду целыми стаями.

Однажды, дожидаясь Клода, Освальд заметил одинокого черного селезня, и это дало ему пищу для размышлений. Почему этот бобыль не плавает вместе со стаей, где его подруга? Неужели он не знает, что одному жить не полагается? И что заставило чернокрылого отколоться от всех прочих? Чем дольше Освальд смотрел на птицу, тем грустнее ему делалось. Он понимал, что, по сути, сам такой же, как этот селезень, – всю свою жизнь прожил

особняком, в стороне от остального мира, от многочисленных стай, где каждый знает свое место и понимает, что вместе сподручнее.

В эти дни Освальду и вообще-то было невесело. Близилось Рождество, и Бетти уже регулярно крутила рождественские гимны. Наверное, кому-то они приходились по душе, но на него все эти «На Рождество вернусь домой» и «Нет милей родного дома, когда праздники приходят» только нагоняли тоску. Каждое Рождество приносило ему одни страдания. Дешевые игрушки, которые он ребенком получал в толпе прочих тихонь, до утра не доживали — их непременно кто-нибудь ломал или крал. Когда Освальд уже взрослым человеком встречал праздники с родственниками Хелен, его не покидало ощущение, что он чужак. Каждый год повторялось то же самое: ее братья и сестры сидят одной семьей, смотрят любительское кино и вспоминают, как чудесно отмечали Рождество в детстве. Ему неизменно казалось, что чужая радость, как прожектор в ночи, только стущает мрак в его пустой душе. Выход Освальд видел только один — напиться. Перед ужасом одиночества в набитом людьми помещении похмелье было чепухой. А в этом году он проведет Рождество — возможно, последнее свое Рождество — на реке, в компании уток и гусей. Совсем неплохо.

Когда Освальд наведлся в лавку в следующий раз, ему так и бросился в глаза штабель картонок с пивом в углу... но тут объявилась Бетти Китчен. И Освальд поспешил обратиться к Рою с давно вертевшимся на языке вопросом:

— А есть ли такая штука, как книга-определитель местных птиц? Посмотришь — и точно скажешь, кто перед тобой.

— Пошли в кабинет, — сказал Рой. — По-моему, у меня найдется кое-что для вас.

В кабинете, заваленном бумагами, гроссбухами и Джековыми игрушками, царил дичайший беспорядок. Рой порывлся в бумажном хламе, громоздящемся на полу, и извлек потрепанную книжку в мягкой обложке. «Птицы Алабамы — путеводитель для естествоиспытателя».

— Можно взять почитать? — спросил Освальд.

— О чем речь, берите насовсем. Мне она не нужна.

Листая книгу у себя в комнате, Освальд наткнулся на старую открытку, датированную 1932 годом. О Затерянном Ручье открытка повествовала в таком стиле:

Колдовское место, густо поросшее тенистыми деревьями (из-за чего его не видно с шоссе), расположилось на берегах прихотливо вьющейся реки, изобилует цветами и певчими птицами, живая мечта о прекрасном, которая ждет не дождется своего пейзажиста.

А ведь правда, подумалось Освальду. Замечательное место для художника и естествоиспытателя. И тут до него дошло, что он, Освальд Т. Кэмпбелл, как раз и собирается податься в естествоиспытатели. Обучение ремеслу природоведа никогда не значилось в его списке неотложных дел. Впрочем, никакого списка неотложных дел у него и не было никогда. Только не поздно ли будет учиться? Хотя пока он жив... Лучше поздно, чем никогда. И почему штампы проникают даже в мысли?

С того дня, выпив в лавке кофе и поболтав с Роем, он брал свой «Путеводитель для естествоиспытателя» и отправлялся на реку расширять познания. Первой птицей, которую ему удалось определить, оказалась большая голубая цапля (*Ardea herodias*), и он от души посмеялся над ее походкой — брезгливо поднимет ногу, потом опустит, словно по вязкой патоке шлепает. Потом он распознал журавлей, белую американскую цаплю, крикв, каролинских уток и опоясанного пегого зимородка, а 19 декабря ему впервые удалось идентифицировать хохлатую желну. Глядишь, там и скопа попадется.

Утром 22 декабря Освальд, как всегда, направлялся в лавку выпить с Роем кофе, когда увидел, что гигантский кедр перед залом приемов наряжен под рождественскую елку. Серебряная и золотая мишура так и сверкала.

Освальд спросил Роя, кто это сделал.

Рой только головой покачал:

— Мы не ведаем. Каждый год под Рождество кедр преобразается. Под покровом ночной темноты. Чьих это рук дело, неизвестно. Хотя у меня есть свои догадки. Это все сумасбродная женская компашка.

— Что за компашка?

— Ну как же. Френсис, Милдред и Дотти. Да и без Бетти Китчен вряд ли обошлось. Доказательств у меня никаких, только я вот что вам скажу. Всякий раз, когда они все в один и тот же день обрядятся в горошек, глядите в оба.

Открылась дверь, и, лучась радостью, вошла Френсис Клевердон.

— Доброе утро, мистер Кэмпбелл, — улыбнулась она. — Как у вас складывается?

— Спасибо, все замечательно.

— Надеюсь, вы посетите наш традиционный рождественский ужин в зале приемов. Рой-то будет точно, правда? Угостимся на славу.

— Я-то буду, — подтвердил Рой. — Слушай, Френсис, ты видела, как украсили дерево?

Френсис повернулась к нему спиной и воззрилась на кедр, а Рой подмигнул Освальду.

— О господи! — притворно изумилась Френсис. — Когда это случилось?

— Ночью.

Френсис обратилась к Освальду:

— В прошлом году то же самое произошло двадцать третьего. Хотела бы я знать, кто это так старается.

— Я тоже не прочь узнать, — поддакнул Рой. — Я как раз рассказывал мистеру Кэмпбеллу о таинственном явлении.

Домой Френсис возвращалась в превосходном расположении духа. «Горошинки» вновь оказались на высоте! Френсис и Бетти Китчен основали тайный клуб

двенадцать лет тому назад, а позже к учредителям присоединились Сибил Андервуд, Дотти Найвенс и Милдред. Название они позаимствовали у одного из ансамблей, выступавших на Марди-Гра[16] в Мобиле, – хотелось не только творить добрые дела, но и немножко позабавиться. Благодаря Дотти Найвенс и ее замечательному таланту в приготовлении виски с содовой (они употребляли напиток из бокалов в горошек) заседания клуба протекали очень даже весело. Когда их подруга из Лиллиана Элизабет Шивере прослышала про тайное общество, она основала свой эзотерический орден «Рисунок в Мелкий Горошек». Они тоже творили добро, но, по убеждению Френсис, ни за что бы не додумались до Окутанной Тайной Ели.

Рождественский ужин

Освальд всегда был застенчив и несколько нелюдим. Но сколько бы он в душе ни противился, похоже, придется на Рождество облачиться в единственный костюм, синий, повязать галстук и отправиться вместе с Бетти и ее матушкой в зал приемов на торжественный вечер и церемонию «Елочка, зажгись». Ему то и дело давали понять, что все его будут ждать. Так что в пять тридцать он, Бетти Китчен и матушка с тремя огромными камелиями в волосах двинулись в путь. Теплынь стояла градусов шестьдесят девять, [17] и это двадцать четвертого декабря! К их прибытию зал был уже полон, и каждый почел за долг подойти к Освальду, пожать руку и сказать «Добро пожаловать». Знакомство с новыми людьми заняло никак не меньше получаса, и Освальд невероятно обрадовался, когда увидел Роя Гриммитта в синем костюме и при галстуке, – в парадном одеянии Рой, как и Освальд, явно чувствовал себя не в своей тарелке. Около половины седьмого была произнесена молитва, и кто-то крикнул:

– Пусть мистер Кэмпбелл будет первым!

Освальду вручили тарелку и подтолкнули к длинному столу, который ломился от всяческой снеди – жареных цыплят, индеек, ветчины, запеченной говядины, свиных отбивных, клецок, овощей всех видов, сдобы и сладостей на любой вкус. На краю стола красовались две огромные пуншевые чаши с густым благоухающим яичным коктейлем. [18] На одной было написано «Веселящий», на другой – «Спокойный». Освальд помедлил немного – и все-таки остановил свой выбор на «Спокойном». Напиваться, позориться на людях и заставлять Френсис краснеть за него никак не годилось. Ведь в том, что он здесь, ее заслуга, и все наверняка об этом знают. На покрытых белыми скатертями столах сверкали лакированные ветки падуба, золотые и серебряные еловые шишки. С деревянных стен на подвесках из зеленой гофрированной бумаги свисали алые колокольчики, перемежающиеся с картинками Рождества Христова.

Освальд сидел рядом с матушкой, Бетти расположилась напротив. В самый разгар ужина пожилая дама пихнула его под ребро:

– Спросите меня, который час.

– Хорошо, – согласился Освальд. – И который же теперь час?

– Половина поцелуя. Час пробил, пора целоваться!

Старушка залилась смехом и принялась повторять эти слова раз за разом, пока Бетти не увела ее домой. Похоже, мисс Альма отведала веселящего напитка.

Неловкое движение — и добрая порция сливок с пирога из сладкого картофеля плюхнулась Освальду прямо на галстук. Именно в эту секунду поднялась со своего места Дотти Найвенс, глава Ассоциации местных жителей:

— Прежде чем мы начнем программу, пусть наш гость, впервые оказавшийся среди нас, встанет и расскажет немного о себе.

Все захлопали и с улыбкой повернулись к Освальду в ожидании речи.

Уши у Освальда сделались красные в тон колокольчикам на стенах. На помощь пришла Френсис — она заметила его смущение.

— Сидите, сидите, мистер Кэмпбелл. Сегодня вечером мистер Кэмпбелл мой гость, и я скажу о нем несколько слов. Он прибыл из далекого Чикаго, очень уж ему досаждал тамошний холодный климат, и проведет с нами зиму, а может, останется и подольше, если только мы его совсем не допечем своими сумасбродными выходками. (Все засмеялись.) Добро пожаловать в наши ряды, мистер Кэмпбелл.

Все опять захлопали, и Освальд неловко поклонился.

Сначала Дотти Найвенс прочла стихотворение «Ночь под Рождество», [19] затем перед публикой выступила какая-то шепелявая дама, потом смычком на «музыкальной пиле» был исполнен гимн «Рудольф, красноносый северный олень», [20] а гвоздем программы стало явление Санта-Клауса с большим мешком через плечо.

Санта называл детей по имени, и они один за другим подходили к нему за подарком. Освальд заметил, что, когда они возвращались на свое место за столом и разворачивали подарок, лица у них буквально расплывались от радости. Оделив каждого, Санта сказал:

— Вот и все, мальчики и девочки.

Приподнял мешок и «обнаружил», что тот еще не совсем опустел.

— Подождите минуточку, — произнес Санта. — Кто-то остался без подарка.

Он заглянул в открытку и спросил:

— А есть ли среди нас маленький мальчик по имени Освальд Т. Кэмпбелл?

Все засмеялись и показали на Освальда.

— Подойди, Освальд. — Голос Санты звучал торжественно.

Приблизившись, Освальд признал в бородаче Клода Андервуда.

— Ты хорошо себя вел? — осведомился Клод.

— Да, — подтвердил Освальд, получил подарок и вернулся на свое место.

Под конец вечера были зажжены огни на елке. Выйдя из зала, люди сбились в кучу, и Освальд оказался в самой гуще. Невольно припомнилась фотография из старой брошюры, где тридцать человек скукожились под розовым кустом. Наверное, алабамцы любят собираться толпой. В дверях на посту стоял Батч Маннич и, когда дети, образовавшие отдельную небольшую компанию, запели

«О, рождественское дерево», [21] врубил электричество. Елка зажглась, и все заплодировали.

Домой Освальд отправился вместе с Френсис и Милдред. Больше всего его поразило — не считая, конечно, обильного угощения, — что всем детям так по душе пришлись подарки. Самому ему, честно говоря, ничего из той дряни, что доводилось получать на Рождество, в жизни не нравилось. Женщины улыбнулись и объяснили, что начальником почты у них Дотти Найвенс, а уж она не пожалела труда, вскрыла все письма, адресованные Санта-Клаусу, и рассказала родителям, что просят дети. Полнеба впереди пылало красным огнем. Френсис сказала, что это отсвет костров, которые креолы зажигают вдоль берега каждое Рождество, чтобы Рождественскому Деду было не так темно и он легко нашел дорогу к домам креольских детей.

— Когда-то мы все выходили к реке полюбоваться, а теперь уж больше не ходим, — добавила Френсис.

Хотя часы показывали уже около десяти, было совсем не холодно, лунный свет серебрился на ветвях, в окнах домов мерцали огоньки, изредка подавали голос ночные птицы. Освальд испытывал какое-то незнакомое чувство — природу его он сам затруднился бы определить. Главное, он был очень рад, что пошел на ужин, — все оказалось совсем недурно.

Дома у лестницы его встретила Бетти в ночной сорочке и с кольдкремом на лице.

— Сегодня маму из пушки не разбудишь. Напилась в стельку и дрыхнет. Может, и мне даст поспать.

Поднявшись в свою комнату, Освальд развернул подарок.

Это оказался новенький экземпляр «Птиц Алабамы» в твердой обложке. Книга была надписана: «Наилучшие рождественские пожелания от жителей Затерянного Ручья».

Воплощенная мечта. А ведь он ничего не писал Санте.

* * *

На самом деле о подарке для Освальда позаботились Клод с Роем.

За несколько дней до Рождества Клод сказал приятелю:

— Жалко мне мистера Кэмпбелла.

— Почему?

— Да вот придет бедняга на причал и сидит — почту дожидается. А ему никто никогда не пишет, только чеки с пенсией приходят. За все время, что он здесь, паршивого письма не получил. Да что письма — даже рождественской открытки!

Они не знали, что Освальд не ждал ни от кого весточки и ежедневно приходил на причал только потому, что ему совершенно некуда было податься. Дом — лавка — дом, маршрут известный и неизменный. На причале он просто коротал время, наблюдал за птицами и ждал смерти.

Нелегко сознавать, что дни твои сочтены. Самое сложное — просыпаться по утрам с четким пониманием: впереди лишь мрак, со здоровьем будет только хуже. Со слов доктора Освальд предполагал, что скоро пробьет его час и он начнет слабеть день ото дня, пока не зачахнет совсем. Но вот настало 31

декабря — а он с утра кашлял куда меньше обычного. Чувствовал он себя превосходно — да еще впервые с пятнадцатилетнего возраста встретил Рождество на трезвую голову. В прошлом он никак не мог продержаться в АА больше года: наступали праздники, приходило Рождество — и он срывался. И еще одно непривычное ощущение (Освальд даже гордился собой и хотел с кем-нибудь поделиться): со дня приезда он прибавил целых пять фунтов, а щеки его теперь налились румянцем, прекрасно видным в зеркало. «Местечко в самый раз для моего организма, — решил Освальд. — Можно подумать, у меня наступило улучшение. Если не знать, что это невозможно».

В Новый год Френсис, Бетти — да все кому не лень — весь день наперебой приглашали его и пичкали спаржевой фасолью, уверяя, что это приносит счастье. К вечеру он упитался фасолью до отвала. Как знать, может, они правы. Может, он теперь перешел в разряд счастливицов и протянет еще чуть-чуть.

Прошло несколько дней, и Бетти объявила за завтраком:

— Мистер Кэмпбелл, вы теперь знаменитость. Ваше имя попало в газеты.

И протянула ему местное издание, выходящее раз в месяц.

ВДОЛЬ РЕКИ

Информационный бюллетень Затерянного Ручья

Какой счастливый, наполненный трудами год миновал! Ну и славное же Рождество отпраздновали мы на реке! Все согласны, что Окутанная Тайной Ель в этом году была куда красивее, чем прежде. Почет и уважение загадочным эльфам (не с Северного ли полюса они прибыли?), вновь почтившим нас своим посещением! Знать бы, кто это, поблагодарили бы лично.

Рождественский ужин особенно удался — исполать прекрасным поварам и добродетельным дамам и господам, приложившим столько усилий, чтобы наполнить наш бал радостью. Особая благодарность Сибил Андервуд за украшение столов — мы и не представляли себе, какое великолепие можно соорудить из веток падуба и еловых шишек. Слова признательности ее супругу Клоду за жареную кефаль. Ням-ням. Народу собралось как никогда, и все были счастливы лицезреть среди нас матушку Бетти Китчен, мисс Альму. Истинную радость нашим детям, как водится, доставил сам старина Санта-Клаус. Всем мальчикам и девочкам очень понравились подарки, и недавно пополнившему наши ряды Освальду Т. Кэмпбеллу тоже. Добро пожаловать!

Вечер закончился традиционной церемонией зажжения огней на елке, которая прошла под восхищенные ахи и охи собравшихся. В толпе говорили о том, что елке у Рокфеллер-центра в Нью-Йорке далеко до нашей. Совершенно с этим согласна!

Вот и еще один год подошел к концу, и мы, усталые и взмыленные в трудах праведных, уже с нетерпением ждем следующих рождественских песнопений. А пока — наши бесподобные влюбленные и романтики, семейные и одинокие, не забудьте пожаловать на ужин в честь святого Валентина, который состоится 14 февраля. В роли хозяек вновь выступят Френсис Клевердон и ваша покорная слуга. Обещаем — дух любви будет прямо-таки витать в воздухе!

Дотти Найвенс

Когда Освальд дочитал до конца, Бетти сказала:

— Бойкое у Дотти перо, правда? В молодости она жила на Манхэттене и всерьез занималась литературой.

— Вот как? — На самом деле Освальд ничуть не удивился. Дотти и одевалась как человек, искусствам не чуждый, — черный шарфик, бархатный берет.

— Да-да. Гринвич-Виллидж, самая настоящая богема. Дотти рассказывала мне, что собиралась стать второй Эдной Фербер или Перл Бак.[22] Не получилось. Пришлось поступить на службу.

— Ай, жалко, — сказал Освальд.

— Наверное. Но она молодец. Когда Дотти официально назначили начальником нашей почты, она пошутила: всегда, мол, хотела иметь дело с письмом, а стала письмоношей. Вроде бы и близко, да не совсем.

Освальд хорошо понимал, каково пришлось Дотти, сам когда-то мечтал о карьере архитектора — и всю жизнь проработал чертежником. Получается, его амбициям тоже не суждено было осуществиться, и у них с Дотти много общего, — вот Френсис бы обрадовалась, если бы узнала! Освальд понятия не имел, что в тайных планах Френсис Дотти Найвенс в качестве его возможной жены была второй в списке — на случай, если с Милдред ничего не получится. А ту поди пойми. Еще на первом ужине с Освальдом Френсис присматривалась-присматривалась, силясь хоть зацепочку обрести, и в конце концов принуждена была спросить напрямки: «Ну, что скажешь?» А сестра изобразила полное непонимание: «Насчет чего?» — нарочно притворилась, чтобы ее позлить. В этом вся Милдред — так она вам и проболталась, что у нее по правде на уме!

Воскресными утрами в Затерянном Ручье тихо-тихо. Почти все — и Бетти Китчен с матушкой тоже — отправляются в церковь в маленький городок Лиллиан. Френсис и Милдред уговаривали Освальда поехать с ними, но тот, как человек нерелигиозный, категорически отказался. Появился и еще один отказник — Клод Андервуд отбывал на рыбалку.

— Для меня предмет поклонения — форель, — заявил Клод во всеуслышание. — Лучше поторчать на реке, чем напяливать парадный костюм и париться в духотище.

Как-то в воскресное утро в начале января Клод плыл мимо причала, где Освальд, по уже заведенному обычаю, сидел с книгой. Клод повернул лодку в его сторону.

— Вижу, девчонки не утащили вас с собой в Лиллиан?

— Они пытались, но я не дался.

— Что поделяваете?

— Да ничего. Просто наблюдаю.

— Не хотите со мной на рыбалку?

— Да я и рыбачить-то не умею. Разве что прошвырнусь вместе с вами. Можно?

— Конечно. Залезайте.

Было ясное яркое утро, небо сияло синевой, солнечные блески сверкали на воде. В том месте, где река широко разливалась, Клод выключил мотор. Целые стаи пеликанов взмывали в воздух под самым носом, казалось, протяни руку — и коснешься птицы. Когда пернатые уgomонились, опустилась тишина — только стрекотала катушка на спиннинге да шлепала по воде блесна. Освальд восхищался изяществом и легкостью, с какими Клод управлялся с рыболовными снастями.

В воздухе разлился далекий звон церковных колоколов.

— Где это? — спросил Освальд.

— За рекой креольская церковь. Если ветер дует с той стороны, слышно хорошо. — Клод засмеялся. — По субботам они еще и на своей музыке играют, кричат, вопят — словом, дают жару. Для них потеха — первое дело, вот что я про них скажу.

— А на наш берег креолы заплывают?

Клод вздохнул:

— Когда-то заплывали, сейчас нет.

— А какие они?

— Большинство — отличные ребята, лучше не бывает, последнюю рубаху готовы отдать. Одно время у меня было полно друзей среди креолов, но после истории между Роем и Джулианом мы не общаемся. Пришлось решать, за кого ты. Либо — либо. А креолы все родня друг другу и волей-неволей приняли сторону Джулиана, все до единого, а мы выступили за Роя. Прямо вендетта Хэтфилдов-Маккоев.[23] Мы не суетмся к ним, они — к нам.

— А что случилось-то? — полжюбопытствовал Освальд.

— Женщины разве вам не рассказывали?

— Нет.

Клод забросил спиннинг и принялся сматывать леску.

— Значит, лет семнадцать-восемнадцать тому назад у нас тут такая драма была... Ромео и Джульетта, да и только. Просто чудо, что никого не убили. Все долго висело на волоске — то на одном берегу беспокойно, то на другом. Рой поклялся, что убьет Джулиана, а Джулиан — Роя, до сих пор у них смертельная вражда. Стоит кому-нибудь из них оказаться на чужом берегу, гляди в оба.

В глазах Освальда Рой был человеком на редкость спокойным и уравновешенным.

— По-вашему, Рой взаправду готов был убить?

— Еще как. Уж поверьте мне на слово. И Джулиан тоже, если бы представилась возможность. Просто позорище. Ведь Джулиан фактически вырастил Роя, и Рой очень его уважал — до всей этой катавасии с Джулиановой дочкой. Подробностей я не знаю, это женщины в курсе. И те и эти были в чем-то правы, в чем-то нет, и если бы у Джулиана не выиграла гордость, все, глядишь, и обошлось бы.

— Да неужто?

— Вся штука в том, что в восемнадцатом веке весь округ Болдуин до самого Мобила принадлежал Лапондам. Прапрадедущка Джулиана получил эти земли в дар от испанского короля. Только за долгие годы семейство что-то продало, что-то проиграло в покер, что-то отдало мошенникам — и в конце концов у них осталась только земля на том берегу.

Из-за поворота показалась лодка, двое мужчин помахали Клоду:

— Клюет?

Клод помахал им в ответ:

— Не очень.

И продолжил рассказ:

— В общем, лет шестьдесят назад кое-кому из новоиспеченных фермеров, купивших землю в округе Болдуин, креолы пришлись не по вкусу — темный, невежественный народ, да еще католики, и выпить горазды, и неуживчивые какие-то. Пошли разговоры: пусть, мол, их дети не ходят в те же школы, что и наши. Какое-то голосование даже собирались проводить — но тут отец Джулиана взял дело в свои руки, запретил всем креолам появляться в школе округа и учредил свое собственное учебное заведение. Джулиан — тогда еще мальчишка — поклялся, что вернет себе дар испанского короля и погонит фермеров со своей земли... что-то в этом духе. Свою дочку Мари он хотел выдать за сына Вольтеров — и вернуть часть земли Лапондов, а Мари желала выйти за Роя. Говорю, я не в курсе, что там конкретно происходило, но закончилось все так: девушка вышла замуж за Вольтера, а Рой уехал из поселка и поступил во флот.

Не переставая говорить, Клод подсек, и в лодку плюхнулась страхолюдная скользкая рыбина с длинной зубастой пастью, — только тогда Освальд понял, что настоящий рыбак все время на чеку.

— Что за чудище? — отодвинулся в сторону Освальд.

— Это старина сарган. Боец из бойцов, жалко, несъедобный. — Клод снял рыбу с крючка и бросил обратно в воду: — Извини, дружище.

На следующей неделе, когда Френсис и Милдред снова пригласили Освальда на ужин, он поинтересовался у Френсис насчет вражды между Роем и Джулианом.

Френсис несколько мгновений внимательно смотрела на Освальда.

— Лучше не спрашивайте, мистер Кэмпбелл. Сплошной ужас, и ничего больше. Выразить не могу, какой кошмар. — Она уселась поудобнее на диване и принялась излагать всю подноготную: — Когда это безобразие было в самом разгаре, Ральфу, моему мужу, пришлось вмешаться. Представляете, ночь — полночь, а муж увещевает Роя, который, того гляди, проберется на тот берег и убьет Джулиана. А родственники вцепились в Джулиана, чтобы не прикончил Роя. Джулиан обвинил Роя, что тот обесчестил девушку, и пообещал пристрелить при первой возможности. Ральф рассказывал, что бедняга Рой был просто вне себя, так он любил Мари Лапонд, да и как не полюбить такую красавицу. Но и Джулиан, мерзавец мерзавцем, а какой был видный мужчина, правда, Милдред?

Милдред — сегодня брюнетка с седой прядью — возразила:

— Мне-то откуда знать. Я его в жизни не видела.

— Ах да, ведь правда, — спохватилась Френсис. — Ты тогда проживала в другом месте. Однако вы уж мне поверьте: удивительно был хорош собой, глаза зеленые, настоящая кинозвезда. Женщины были от него без ума. А Рой и Мари выросли вместе и с детства были влюблены друг в друга. Когда Рою исполнилось восемнадцать, он сказал Джулиану, что они с Мари хотят пожениться. А тот будто взбесился: никогда, ни за что, только через мой труп. Мать Мари, которая любила Роя, как сына, умоляла мужа изменить свое решение, и дядя Роя — его лучший друг — тоже, но Джулиан стоял на своем. Я, мол, против, потому что Рой не католик. Настоящая причина была совсем другая: Джулиан хотел вернуть землю Вольтеров, и другого пути, кроме как породниться с ними, не видел. Когда уже все надежды рухнули, Рой передал Мари записку: давай все бросим и убежим. И приплыл за ней поздно ночью, но Джулиан настиг их у причала, выволок Мари из лодки и выстрелил в Роя. Это было так ужасно. Крики и мольбы бедняжки Мари разносились по всей реке. На следующее утро Джулиан увез дочь, упрятал в какой-то монастырь, чтобы Рой не мог разыскать.

— А почему она не убежала? — спросила Милдред. — Я бы на ее месте непременно дала деру.

— Наверное, это было не так просто. Может, бедняжка боялась, что отец отыграется на Рое, может, как верующая католичка и покорная дочь, считала, что обязана слушаться родителя... Во всяком случае, через год она исхитрилась отправить Рою письмо, в котором написала, что все обдумала и решила выйти замуж за Вольтера. А знаете, что во всем этом самое противное?

Милдред, которая успела принять два бокала водки с мартини, ответила:

— Ужин стынет, вот что!

Френсис не удостоила сестру вниманием.

— Самое противное было то, что сынок Вольтеров успел проиграть всю принадлежавшую им землю, и им с Мари пришлось уехать в Луизиану. Так что Джулиан разбил два сердца, искалечил две жизни, и все зазя. Это непридуманная, всамделишная трагедия, и мы про нее помалкиваем. Особенно при Рое. Я-то знаю, что он до сих пор ее любит.

Милдред повернулась к Освальду:

— Неплохой сюжет для бульварного романа, правда?

Тебе виднее, подумала Френсис, направляясь на кухню, но вслух не произнесла ни слова. Зачем мистеру Кэмпбеллу знать, какую макулатуру поглощает сестра. Уж хоть бы брала пример с Дотти Найвенс, работала над собой. Дотти вон читает настоящую литературу, Чосера, Пруста, Джейн Остин, а не всякую дешевку. Вынимая жаркое из розовой плиты, Френсис вдруг задумалась, чего это ради Милдред напялила блузку с таким декольте — ознакомьтесь, люди дорогие, чем меня одарила природа. Неужели мистер Кэмпбелл ее таки заинтересовал? Или ей просто все равно, что надеть? Про Милдред никогда не знаешь наверняка.

Маленькая посетительница

Однажды днем Освальд стоял у кассы и разговаривал с Роем. Внезапно Рой схватился за карандаш, сторбился и сделал вид, что пишет.

— Не смотри, — прошептал он Освальду. — Малышка, про которую я тебе говорил, снова тут.

Впервые Рой увидел маленькую девочку недели две назад. Сначала в боковом окне показалась светленькая макушка, затем синие глазищи. Они неотрывно следили за Джеком, он скакал в своем пластиковом колесе, позванивая колокольчиками. Внезапно девчушка поймала взгляд Роя — и только ее и видели. Пока Рой вышел во двор, пока обошел вокруг здания, малышки и след простыл. Так повторялось уже не раз: как только девочка замечала Роя, она мгновенно сбегала.

Как-то Рой заприметил ее прежде, чем она его. Он быстро повернулся к гостье спиной, будто никого и не видел. Насколько он успел разглядеть, девочка была хорошенькая, но уж очень застенчивая и пугливая. Джек ее просто заворожил. Вскоре она стала приходить регулярно, и Рой с нетерпением ждал, когда она появится.

— Кто она? — Освальд и не подумал отвернуться.

— Не знаю. Я спрашивал у Френсис и Дотти, они понятия не имеют, кто она и откуда взялась. Почему бы ей как-нибудь не заглянуть ко мне на огонек?

Шло время, девочка немного освоилась. Когда в один прекрасный день Рой распахнул заднюю дверь, она даже не бросилась наутек.

— Не хочешь ли зайти? — пригласил Рой. — За двери лавки его выпускать нельзя, но под крышей ты сможешь играть с ним сколько захочешь. Он будет только рад.

Совсем еще малышка, лет пять-шесть, не больше. Босоногая, в ветхом грязном платице, девочка нерешительно замерла, явно разрываясь между страхом перед Роем и желанием увидеть птичку поближе.

— Заходи же, — приободрил ее Рой. — Тебя никто не обидит.

Девочка дернулась, будто вознамерившись бежать.

— Постой, не уходи, — попросил Рой, опрометью кинулся в лавку, подхватил Джека, мягко сжал ему лапки и показал через сетку гостье: — Смотри. Если хочешь, можешь взять его в руки. Он ручной и не клюнет тебя.

Джек посмотрел на нее через дверь-сетку и прошебетал: «Чик, чирик-чик, птич-ка, птич-ка».

Искушение оказалось слишком велико, и малышка неуверенно шагнула к двери. Походка ее показалась Роя странной. Она сделала еще несколько шажков, и он понял, что девочка слегка кособочится и привлекает ногу.

— Как тебя зовут? — спросил Рой.

Не сводя глаз с Джека, она ответила чуть слышно:

— Пэтси.

— Отлично, Пэтси. А это Джек.

Из опыта Рой знал, что поначалу маленькие дети побаиваются дотрагиваться до птицы, но Пэтси была не из таких. Людей она, может, и боялась, но Джека — нет.

— Можно я его подержу?

— Конечно.

Пэтси протянула руку, и Джек тотчас перепорхнул на ее оттопыренный указательный палец, вздернул голову и прикрыл глаза. Обычно, если Рой усаживал птицу на палец к кому-то другому, она быстренько перепрыгивала обратно к хозяину. Но сейчас Джек и не думал возвращаться.

— Ты ему понравилась, — сказал Рой.

— Правда? — Глаза Пэтси изумленно расширились.

— Точно, понравилась.

Тут Джек закопошился, спрыгнул с пальца на ладонь, вскарабкался по руке девочки, уселся на плече и ласково прижался к щеке.

— Чтоб мне провалиться! — вырвалось у Роя.

Начало большой любви между Пэтси и Джеком было положено.

В тот день Рой вышел следом за девочкой и посмотрел, куда она держит путь. Он наконец понял, где девочка обитает и почему никто в поселке ничего про нее не знает, — она направлялась к лесу, за которым жили пришлые люди. Должно быть, она из того же семейства, что и паршивцы, подстрелившие Джека, они-то ей, как видно, и рассказали про птицу. А ведь точно, припомнил Рой, в тот день, когда Пэтси впервые появилась, мальчишки битый час шатались вокруг лавки и глазели на Джека, заглядывая в окна. Рой преисполнился жалости к девчужке, он хорошо себе представлял, что у малышки за жизнь. Но что он мог поделать? Постараться быть с девочкой поласковее, вот и все. Люди из леса никогда не задерживались здесь надолго. Работа у них сезонная, убрали урожай клубники или пеканов — и на новое место.

Девочка стала каждый день приходить в лавку и подолгу играть с Джеком. Людей она по-прежнему страшилась, да и Роя дичилась, но никакого беспокойства от нее не было, вела себя тихо, точно мышка. Слышно ее было, только когда она беседовала в кабинете с Джеком с глазу на глаз — до Роя часто доносился ее голосок. И провалиться ему на месте, если пернатый не чирикал ей в ответ! Рой обожал такие беседы.

Прошла еще пара недель — и Пэтси стала немножко общительнее. Рой представил ее Освальду, который всегда чувствовал себя с детьми неловко, и тот, изогнувшись, пожал ей руку, сказал: «Привет, малышка, как делишки?» — и изумился про себя, какая у нее крохотная ручка. Наблюдая за ее кособокой походкой, он пробормотал:

— Вот ведь жалость. Такой милый ребенок.

Рой глядел ей вслед, пока она не исчезла в кабинете.

— Согласен. Просто хочется рвать и метать. Разве не так?

Когда Освальд на следующий день зашел в лавку, Пэтси смущенно подозвала его:

— Хочешь, скажу секрет?

— Конечно, хочу.

Она жестом велела ему нагнуться и прошептала на ухо:

— Джек — мой лучший друг.

— Да неужто? — удивился Освальд. — А откуда ты знаешь?

— Он мне сам сказал.

— Вот как? И что он говорил?

— Сперва я ему сказала, а потом он мне.

— Ясно.

— Но он разрешил мне рассказать тебе.

— Передай ему от меня спасибо.

— Ладно.

Скрывая улыбку, Освальд прошел к кассе.

— Салют, Рой. Пэтси у тебя в лавке разговаривает с птицей. Ты в курсе?

— Целый день слушаю. Уж она трещит, не умолкает, забывает про все на свете. Но ведь малышка каждый вечер возвращается в свою дыру. А ребенку без сказки никак. Чувствую, она бы тут навсегда осталась.

Разумеется, Френсис и прочие дамы пришли в ужас, как плохо заботятся о Пэтси родители, какая она тощенькая, замурзанная. Батч Маннич так просто кипел от бешенства, он видеть не мог, когда с детьми дурно обращаются. Как помощнику шерифа, ему доводилось иметь дело с людьми вроде семейки из-за леса, и он прекрасно знал, что они за фрукты.

— Да они к своим детям относятся хуже, чем к собакам, — горячился Батч.

У Френсис всякий раз, когда она встречала в лавке девочку, сжималось сердце.

— До смерти за нее волнуюсь, — поделилась она с Роем. — Ну что это за мать: разрешает ребенку-калеке ходить одной где вздумается. Девочка растет точно зверек дикий. Надо кому-то вмешаться.

— Да знаю я. — Рой сердито покачал головой. — Я пробовал ее подкормить — отказывается. Конфетку возьмет, и все. И играет с Джеком целыми днями, больше ей ничего не надо. Мне ее страшно жалко, но ведь мы ей никто, мы для нее чужие. Тут ничего не поделаешь.

Нечто новое

Вскоре Пэтси буквально очаровала всех и каждого. Освальд вдруг обнаружил, что ходит в лавку прежде всего затем, чтобы повидаться с девчушкой. Он понял, несказанно тому удивившись, что души не чаёт в малышке. Ни к какому другому ребенку он никогда не испытывал теплых чувств. Может, потому, что она была девочка (а он всю свою жизнь якшался почти исключительно с мальчишками) и казалась ему такой нежной и хрупкой. А может, сыграло свою роль нечто общее, что-то наподобие родства между ним и Пэтси, да и Джеком тоже. Ведь они все в какой-то мере ущербные.

Однажды утром он, как обычно, зашел в лавку. Пэтси с Джеком играли в кабинете.

— Как дела, Пэтси?

— Хорошо.

— Чем занимаешься?

— Ничем таким. Мы с Джеком просто играем.

Она понарошку угощала Джека чаем, предложила чашечку и Освальду.

— Слушай-ка, Пэтси, а сколько тебе лет?

— Не знаю.

— А когда у тебя день рождения?

Пэтси задумалась.

— Не знаю. По-моему, у меня нет никакого дня рождения.

— Нет дня рождения?

— Не-а.

Она подала Освальду еще одну воображаемую чашку чая. Тот с удовольствием выпил.

— Послушай, что скажу. Хочешь верь, хочешь нет, но у меня тоже нет дня рождения. Зато у меня есть идея. Давай у нас будет общий день рождения, а? Каждый год ты и я будем праздновать наш день рождения одновременно. В один день. Только не говори никому, пусть это будет наша с тобой тайна.

— Ладно.

Он посмотрел на календарь на стене:

— Как насчет среды? Осталось три дня.

— А можно у Джека тоже будет день рождения в эту среду?

— Не вижу препятствий.

— Ладно, — согласилась Пэтси, и они ударили по рукам.

На следующий день Освальд попросил Батча свозить его в Лиллиан. Никогда раньше ему не приходилось покупать подарков ребенку, и он в полнейшей растерянности бродил по универсальному магазину. Как выбрать куклу? В

какие игрушки играют девочки? Наконец ему попалась на глаза круглая шапочка, украшенная крышечками от «Доктора Пеппера».

Настала среда, и они отпраздновали свой тайный день рождения в кабинете у Роя. Освальд вручил Пэтси шапочку, а она ему — две конфетки, завернутые в оберточную бумагу и перевязанные ленточкой. От подарка девочка пришла в полный восторг, как Освальд и надеялся. Глядя, как Джек расправляется с подарком — пригоршней подсолнухов, — он съел конфету и запил воображаемым чаем.

— Знаешь, Пэтси, это мой самый замечательный день рождения.

— И мой тоже! — подхватила Пэтси, нахлобучив шапочку.

И тут Освальда посетила еще одна мысль.

Он спустился в лавку.

— Слушай, Рой, у тебя случайно нет фотоаппарата?

— Есть.

— Одолжи, а? Хочу сфотографировать Пэтси.

— Ну конечно. Только пленку заряжу.

Определив, что у входной стеклянной двери самое лучшее освещение, они поставили там Пэтси — в новой шапочке и с Джеком на руке, и Освальд сфотографировал. Через неделю он принес в лавку черно-белый снимок. Всего было сделано три копии: одна — Роя, одна — Пэтси и одна — ему самому. Рой прилепил фото сбоку к кассе, чтобы видел каждый покупатель.

Надпись в нижней части снимка гласила: День рождения Пэтси и Джека.

Затруднительное положение

Дело было в феврале. Открыв как-то поутру лавку, Рой первым делом свистнул Джеку. Птица не ответила. Он свистнул еще раз. Тишина. Он оглядел магазин, силясь понять, что приключилось с проказником на этот раз, и вдруг увидел, что по салату-латуку и лимонам ползет большая рабочая рукавица. Ночью Джек умудрился как-то пролезть внутрь брезента да и застрял намертво. Рой освободил несчастного. Джек был взъерошен и донельзя раздосадован, в рукавице он, судя по всему, проторчал изрядно. Встряхнувшись, он запрыгал по лимонам, оступился, съехал вниз и пуше разозлился.

— Неймется тебе, непоседа, — усмехнулся Рой. — Все приключений ищешь на свою голову.

На прошлой неделе он застиг Джека за проклевыванием дырочек в помидорах, негодник ни одного без внимания не оставил. Ближе к вечеру в лавке появилась Милдред и раскричалась не на шутку.

— Ни одного целого помидора! — шумела она. — Пока здесь бесчинствует эта птица, даже приличного салата не приготовишь!

Джек в ответ словно в насмешку покрутил свое колесо и позвенел колокольчиками. Рой прыснул, но Милдред не увидела в поведении птицы ничего забавного.

В последнее время Освальд вставал с рассветом, к семи уже был в лавке, выпивал с Роем чашку кофе и отправлялся на реку. Но в этот день он стукнул в окошко лавки уже в половине седьмого, весь растрепанный и красный.

Рой отпер дверь.

— Впусти, ради бога, — прохрипел Освальд, влетая в лавку.

— Что стряслось?

— Дружище, я влип! — Освальд размахивал каким-то конвертом. — Бетти, Милдред, Френсис, а теперь еще и Дотти Найвенс пригласили меня на вечер в зал приемов в честь Дня святого Валентина. Их четверо, а я один. Что делать, ума не приложу. Боже ты мой. — Он в отчаянии сплел пальцы. — Они меня доведут-таки до запоя.

— И кто твоя счастливая избранница?

— Да какая разница? С кем бы я ни пошел, три остальные смертельно обидятся.

Рой подумал.

— На твоём месте я бы все объяснил Френсис, и пускай сами меж собой разбираются.

Когда гость удалился, Рой невольно заулыбался. На роль донжуана, по его мнению, Освальд не годился совсем.

Того же мнения придерживался и сам Освальд. Никогда в жизни ни одна женщина не приглашала его на свидание. Что уж говорить о целых четырех, да еще в одно и то же время и в одном и том же месте. Он нехотя поведал обо всем Френсис.

Оказалось, каждая дама действовала из благих побуждений, вдруг ему на вечере станет одиноко, покажется, что все его бросили. О других приглашениях они не имели ни малейшего представления. Посему было решено, что он отправится на свидание со всеми четырьмя сразу.

На вечере бедняга Освальд, щеголяя красным галстуком-бабочкой, не пропустил ни одного танца, хотя танцор из него был никудышный. С Френсис он вальсировал под дурацкую аранжировку «Чудо-Алабамы», с Дотти Найвенс исполнял джиттербаг, с Милдред — какое-то странное танго, а его шестифутовая домохозяйка таскала партнера по паркету под звуки «Спокойной ночи, любимая».

ВДОЛЬ РЕКИ

Информационный бюллетень Затерянного Ручья

О, какой восхитительный бал выпал на долю участников ежегодного танцевального вечера всех влюбленных! Ноги сами пускались в пляс под зажигательные мелодии в исполнении неувядаемого оркестра «Оберн Найтс Свинг», чья музыкальность и богатство репертуара от фокстрота до джазовых импровизаций и интерполяций босановы повергли нас всех в восторг. Но подлинной звездой вечера стал воплощенный Фред Астер во всей своей грациозности и блеске, явленный нам при посредстве богини Терпсихоры Освальдом Т. Кэмпбеллом, коему суждено было стать, не побоюсь избитой фразы, красой и гордостью бала!

Эта заметка и особенно то, что Рой и Клод завели обыкновение именовать его «Красой», подтолкнули Освальда к выводу, что женское внимание порядком расстроило ему нервы. Приглашений на ужин посыпалось столько, что ему даже пришлось завести специальный блокнот. Освальд чувствовал, что не помешало бы посетить собрание АА, да поскорее.

У Батча Маннича в близлежащих городках имелись обширные знакомства, поэтому Освальд остановил как-то Батча на улице и спросил, нет ли у того связей в АА.

Батч оживился.

— Как не быть! Есть человек в Альберте, так он состоит, да. Я и не знал, мистер Кэмпбелл, что вы из таких.

— Из таких, — подтвердил Освальд, — только гордиться здесь особенно нечем. Был бы очень признателен, если бы разговор остался между нами. Не хочу, чтобы кто-нибудь проведал, особенно Френсис.

Батч кивнул и перешел на заговорщицкий шепот:

— Полностью вас понимаю, мистер Кэмпбелл, и не вправе осуждать. Вы не беспокойтесь, я сохранию вашу тайну. Словечком никому не обмолвлюсь.

Маннич оглянулся вокруг и быстро нацарапал на бумажке фамилию и номер телефона. Потом еще поозирался и, убедившись, что никто не подсматривает, сунул бумажку Освальду.

Тем же днем Освальд позвонил по номеру. Ответил мужской голос.

— Это мистер Краузе?

— Так точно.

— Мистер Краузе, ваш номер мне дал Батч Маннич из Затерянного Ручья.

— То есть Жердьяй?

— Так точно.

— Друг Жердяя — мой друг. Чем могу быть вам полезен?

— Уффф... как я понял, вы член АА. Хотел бы у вас уточнить, когда следующее собрание...

— Собрания проходят каждую неделю по пятницам, в восемь вечера, в зале «Рыцари Колумба» в самом центре Альберты. Добро пожаловать. Всегда рады новым членам. Вы сами откуда?

— Из Чикаго.

Мистер Краузе был приятно удивлен.

— Ах, из Чикаго. Вот где, наверное, целые толпы посещают собрания. А у нас группа маленькая. Вы новичок, мистер Кэмпбелл, или человек со стажем?

— Да нет, не новичок, пара лет за плечами есть. Но я уже давно не участвовал в собраниях, а сами знаете, когда прервался, тяжело начинать все заново, особенно на новом месте.

— Вы правы, мистер Кэмпбелл. Форму надо поддерживать. Но вы не волнуйтесь, мы вас быстренько поставим на ноги.

— Кстати, кто участвует в собрании? Только мужчины?

— Парочка женщин у нас есть. Хотя главным образом мужчины.

Это хорошо, подумал Освальд. А то все женщины да женщины.

Батч согласился отвезти Освальда на пятничное собрание.

— Так и так надо кое с кем повидаться, отправимся засветло, — сказал он.

Альберта — маленький городок, населенный в основном фермерами-немцами, даже дома словно прямиком из Баварии явились — располагалась милях в десяти к востоку. Батч привел Освальда в «Лосиный клуб», [24] членом коего состоял, и представил нескольким друзьям. Они поужинали в буфете гамбургерами и к половине восьмого были в центре Альберты. Батч остановился на боковой улочке, долго озираал окрестности, и только убедившись, что все чисто, выпустил Освальда из машины.

— Подъеду за вами через час.

— Через полтора, пожалуйста, — попросил Освальд. — Все-таки это мое первое собрание, неплохо бы переговорить с ребятами, познакомиться.

— Без вопросов, — сказал Батч. — Да вы не волнуйтесь, мистер Кэмпбелл, мое слово крепкое.

И укатил на грузовичке в ночь.

Освальд вошел в большой вестибюль зала «Рыцарей Колумба». [25] Стрелка с надписью «АА Алабама» велела двигаться вверх по лестнице. На площадке его встретил грузный мужчина в подтяжках, он крепко и сердечно пожал Освальду руку и так хлопнул мясистой ладонью по спине, что чуть не свалил с ног.

— Мистер Кэмпбелл? Эд Краузе. Добро пожаловать в нашу маленькую группу.

Освальд прошел за ним в комнату. Человек шесть-семь мужчин, не вставая, приветствовали Освальда кивками и дружелюбными улыбками.

Краузе указал ему на стул и спросил:

— Мистер Кэмпбелл, а где же ваш инструмент?

Освальду показалось, он ослышался.

— Простите?

Только сейчас он заметил, что рядом со стульями на полу стоят футляры и собравшиеся потихоньку раскрывают их и достают аккордеоны.

В комнату вошел еще один человек с футляром и стопкой нот.

И тут Освальд понял, куда попал.

На собрание «Ассоциации Аккордеонистов»!

Освальд замялся.

— Ах да... Знаете, мистер Краузе, я сегодня лучше послушаю. Инструмент у меня оказался не в порядке.

— Какая жалость! — разочарованно произнес Эд Краузе. — А мы так рассчитывали на вас. Свежая кровь...

Освальд уселся в уголке и принялся слушать. К тому времени, когда прибыл Батч, собравшиеся успели исполнить с дюжину полек и очень живую аранжировку «Бедных парижан».

Освальд подошел к машине.

— Как встреча? — поинтересовался Батч.

— Просто замечательно, — ответил Освальд.

По пути домой Освальд задумался, что хуже: быть аккордеонистом или алкоголиком. И не пришел к определенному решению.

* * *

Жалко, конечно, что в этой глуши нет собраний АА, но ему и на причале с птицами неплохо, решил Освальд. Спокойно и не скучно. И не надоедает. Ведь птиц такое разнообразие.

Однажды, когда он, по обыкновению, сидел на своем причале, голубая цапля уставилась на него с таким любопытством, что Освальду даже стало не по себе. «А что, если они тоже за мной наблюдают? — мелькнуло в голове. — За кого они тогда меня принимают? И на чем основываются их заключения?»

Ему-то было на чем основываться. «Птицы Алабамы» помогали Освальду определять пернатых по величине, по цвету, по месту обитания. А если бы птицы записывали результаты своих наблюдений, что у них получилось бы про него? Надо заглянуть в книгу и прикинуть.

Описание своих собственных характерных признаков Освальд начал с «обитания».

ОСЕДЛЫЕ — обитают в одном географическом регионе круглый год.

ЛЕТУЮЩИЕ — гнездуются и выводят потомство в одном географическом регионе, на зиму улетают в теплые края.

ЗИМУЮЩИЕ — прилетают в данный географический регион после выведения потомства на зимние месяцы.

ПРОЛЕТНЫЕ — пролетают через данный географический регион во время весенних и осенних миграций.

ЗАЛЕТНЫЕ — их появление в данном географическом регионе незакономерно и носит случайный характер.

Средних размеров, красноголовый, потомства не выводит, залетный — таким Освальд получался по книге. Вот так-то. Приятно познакомиться. Все-таки редкая птица, что ни говори.

Зима

— Зима, зима пришла, — только и слышно было из уст прохожих утром 21 февраля.

Страшное дело, температура ночью опустилась чуть ли не ниже пятидесяти.[26] Днем Освальд впервые увидел сизые дымки из труб на том берегу. В воздухе повис аромат горячей сосны, гикори и кедра, которые употреблялись здесь на дрова.

Освальд с радостью приветствовал прохладную погоду, ибо, как показали последующие дни, с холодами пришли зимние закаты — потрясающее зрелище, особенно над рекой. Закаты околдовали Освальда. Сидеть на причале, вдыхать холодный чистый воздух и слушать тишину — собачий лай разносился окрест на многие мили, — ничего лучше и придумать было нельзя. Каждый вечер небо у него на глазах меняло оттенки с апельсинного на бледно-розовый, с ярко-зеленого на лиловый. Синие и розовые облака отражались в воде, садящееся солнце окрашивало реку в кобальт и ультрамарин, они сменялись переливчато-зеленым и золотым, напоминавшим обертку дорогих конфет, а потом все тонуло в охре и сиене. Летящие птицы обращались в черные силуэты на гаснущем небе. Освальд сидел и смотрел на калейдоскоп красок, на отливающие сталью водовороты, пока за спиной у него не вставала луна и не серебрила реку.

Последние зеленые лучи, преломленные водой, дрожали под досками причалов, и уже проглядывали звезды, отражаясь в темной воде мелкими бриллиантами, — ни в одном кино не увидишь такого! Каждый вечер был единственным в своем роде, неповторимым великолепным явлением, и Освальду хотелось остановить время, продлить очарование. Но разве кому-то дано повелевать временем? Дни летели, последние его дни уносились безвозвратно, и он ничего не мог с этим поделать. Вот прямо сейчас, на реке, когда кругом такая красотища и сам он еще хоть куда, удержать неумолимый бег... если бы он только мог.

Промелькнула еще неделя, и еще, и еще. Освальд по-прежнему чувствовал себя отлично, и Джек по-прежнему смешил публику, а Милдред по-прежнему не смеялась, и все текло своим чередом до самого субботнего утра, когда Пэтси, как обычно, пришла в лавку поиграть с Джеком. Одна щека у нее была красная, словно от хорошей оплеухи. Рой спросил ее, что случилось, но девочка отмолчалась. Батч, чуть ли не первый покупатель сегодня, не на шутку рассвирепел. Вся его тощая нескладная фигура пришла в движение. Он

выскочил из магазина, ураганом в шесть футов четыре дюйма и сто двадцать восемь фунтов пронесся по улице и толчком распахнул дверь дома Френсис.

— Это уже не лезет ни в какие ворота!

— Что именно? — уточнила Френсис.

— Кто-то ударил Пэтси!

— Кто?

— Понятия не имею!

— Что, правда?

— Конечно, правда. У нее во всю щеку отпечаток чьей-то пятерни.

Днем состоялось срочное собрание членов эзотерического ордена тайного общества «Узор в Крупный Горошек». Вопрос на повестке дня стоял один: «Что делать?» В ходе длительного обсуждения Бетти Китчен высказала предположение, что Рой прав.

— Как тут вмешаешься? С этими людьми как бы не вышло хуже. Окрысятся, и все. Вы же их знаете.

— Голь перекатная, — сказала Милдред.

— Слова, не подобающие христианину, — возразила Френсис.

— Не подобающие, — подтвердила Милдред. — Но правдивые.

Не в бровь, а в глаз. Батча восхищал ее талант по части четких и ясных формулировок.

Френсис взяла быка за рога.

— Думаю, это дело «Крупных Горошинок». Давайте начнем с того, что предложим купить для девочки пристойную одежду. Конец зимы уже, а малышка бегаёт босая и в каких-то лохмотьях.

— Сколько средств в нашем «Солнечном» фонде? — спросила Бетти.

Френсис подошла к горке с набором соусников, подняла крышку у третьей посуды слева и вынула деньги. Их оказалось восемьдесят два доллара. Единогласно было решено потратить всю сумму на Пэтси, и Бетти двинулась дальше:

— Переходим к следующему вопросу. Кто и когда отправится к родственникам за разрешением?

— Возьмем ее с собой в Мобил и оденем с ног до головы безо всякого разрешения. Не хватало нам еще родственничков спрашивать, — фыркнула Милдред.

Френсис укоризненно покачала головой:

— Мы не можем взять ее с собой, Милдред. Нас сразу арестуют за похищение ребенка. Вряд ли кто-то хочет в тюрьме очутиться.

— Ты права. А сунешься к ним, так они на тебя собак спустят, — предупредила Дотти. — Или пристрелят.

— Это дело обоюдное, — сказал Батч, поглаживая костлявую руку. — Не только у них ружья есть.

— О господи! — простонала Френсис. — Нам только перестрелки доставало.

— А если толпой пойти? — предложила Милдред.

Френсис покачала головой:

— Слишком уж грозно получится. Напугаются еще. Думаю, одному из нас надо наведаться к ним в гости. Этак по-соседски. Кто пойдет?

Батч поднял руку.

— Нет, Батч, только не ты. Это задача для женщины.

— Тогда я, — вызвалась Бетти Китчен. — Меня ни одному мужику не напугать. Пусть только попробует. Я уж ему покажу, где раки зимуют.

Дотти, прекрасно зная, что дипломатия — не самая сильная сторона Бетти, быстро предложила:

— Думаю, Френсис, стоит пойти тебе. Ты самая обаятельная, они тебя хоть на порог пустят...

В следующее воскресенье Френсис припарковала машину у лавки и на своих высоких каблуках зашагала по белой песчаной дорожке, надеясь, что переживет этот день. В одной руке она держала сумочку, в другой — увесистую корзинку. За прошедшие годы масса народу прокатилась через обиталище за лесом, и покойный муж говорил Френсис, что этих людей лучше не трогать: кое-кого наверняка разыскивают власти, и чужие для них что кость в горле. Люди из леса надолго не задерживались — напакостят, оставят после себя гору мусора и съедут. Несколько лет назад полиция округа даже арестовала пару человек. Словом, какой прием ждет Френсис, предсказать было решительно невозможно.

Откуда-то сзади раздался громкий треск — и напугал Френсис до смерти. Ей показалось, в нее выстрелили. Она резко обернулась и обнаружила Батча, который торопливо продирался сквозь чащу немного в стороне. То, что она приняла за выстрел, была ветка, треснувшая у него под ногой.

— Господи, Батч, что ты вытворяешь? Ты меня до инфаркта доведешь!

Батч шмыгнул за дерево и громко прошептал:

— Вы не волнуйтесь за меня, идите себе спокойненько. Это я так, на всякий случай. Вдруг пригожусь.

Ну и ну, подумала Френсис. Прямо как в кино.

Дорожка привела ее на поляну, где на бетонных блоках стоял обшарпанный трейлер. Перед ним валялся ржавый холодильник, рядом громоздились старые покрышки, автомобильный двигатель, рама от мотоцикла, еще какие-то железяки. Стоило ей подойти поближе, как на нее, захлебываясь лаем и скалясь, бросился похожий на питбуля дворовый пес. Собачья цепь угрожающе натянулась. Френсис застыла, ни жива ни мертва. Низенькая толстая женщина в майке на лямках и коротких шортах распахнула дверь и прикрикнула на собаку. На Френсис женщина обратила внимание не сразу.

— Здравствуйте, — сказала Френсис небрежно-беззаботным тоном. — Я — миссис Френсис Клевердон. Хотелось бы с вами наскоро поговорить.

Женщина уставилась на нее.

— Если вы по поводу неуплат, вам здесь нечем поживиться. Муж в отсуствии.

— Да нет, что вы, — поспешно возразила Френсис. — Я ваша соседка. У меня к вам разговор. И небольшой подарок.

Женщина перевела пороссячи глазки на корзинку.

— Зайдете?

— Да, благодарю.

Френсис поднялась по бетонным ступенькам. Собака, заходясь в лае и брызгая пеной, рвалась с цепи.

В трейлере был ужасный кавардак. Почему-то в глаза бросились пустые пивные банки на подоконнике и коробка с засохшими пончиками. Женщина села, закинула ногу на ногу. По жирному белому бедру вилась татуировка-змея. Френсис расчистила для себя место и спросила:

— Извините, как вас зовут?

— Тэмми Саггс.

— Миссис Саггс, я пришла поговорить с вами насчет вашей девочки.

Глаза у женщины сузились:

— А в чем дело? Что эта дрянь натворила? Пэтси! А ну живо сюда!

— Не волнуйтесь, ровным счетом ничего не случилось...

— Если она что-нибудь сперла, платить я не буду.

Откуда-то из-за трейлера выглянула испуганная Пэтси.

— Да ничего подобного, миссис Саггс. Привет, Пэтси, — улыбнулась девочке Френсис. И, обращаясь к женщине: — Мы можем поговорить с глазу на глаз?

— Пошла прочь! — рявкнула на Пэтси толстуха.

Френсис подождала, пока девочка уйдет.

— Миссис Саггс, я... и не одна я, нас много... мы очень полюбили Пэтси и хотели бы узнать, осматривал ли ее в последнее время доктор.

— По какому поводу?

— Ну как же... у нее ведь непорядок со здоровьем... нога...

— Ах да, она ногу волочит. Когда ее папаша подкинул девчонку нам, она уже была такая. А ведь она мне даже не дочь. Говорю, подкидыш. Я своих-то детей к докторам не вожу, денег нет, а уж чтобы ее... Сначала мне чужую вешают на шею, потом муж наострил лыжи, а мне с детьми хоть с голоду помирай.

Похоже, самой Тэмми Саггс голодная смерть никак не грозила, но Френсис воздержалась от комментариев.

— А вы не знаете, почему она так ходит, в чем причина? — спросила она. — Несчастный случай?

Тэмми Саггс покачала головой:

— Нет. Папаша сказал, трудные роды. Матушка у нее была очень уж хрупкая и никак не могла разродиться. Пришлось докторам вытаскивать ребенка щипцами. Вот ее и перекосило.

— Ах, бедняжка!

— Угу. А мать так и так померла.

— Ясно. Может, все-таки есть какое-то средство, специальная обувь или что-то такое? — деликатно подсказала Френсис.

Тэмми опять покачала головой, почесала толстую руку.

— Папаша сказал, она навсегда такая. На нее обычные-то башмаки надевать смысла нет, вмиг испортит.

— А где сейчас ее отец? — спросила Френсис, изо всех сил стараясь быть любезной.

— А кто его знает. Только пора бы ему воротиться. Мне уж осточертело с ней возиться.

Френсис передернуло. Тэмми заметила и надулась.

— Слушайте, дамочка, я стараюсь изо всех сил. Попробуйте вырастить троих без мужика.

— Вам трудно приходится, я понимаю. Мы поможем купить Пэтси новые вещи, игрушки там, одежду...

Тэмми немного подумала.

— Мне и мальчишкам тоже нужны обновки.

Убедившись, что спорить и уговаривать здесь бессмысленно, Френсис положила конверт с деньгами на стол и двинулась к выходу в полной растерянности, не зная, что предпринять дальше, — такое омерзение внушала ей толстуха. Собака исходила злобой — вот сейчас сорвется и сожрет заживо. И воспитанная, всегда любезная дама внезапно повернулась и рывкнула:

— Заткни пасть, скотина!

Батч поджидал Френсис на полдороге. Она кипела от возмущения — у самой-то у нее никогда не было детей:

— Кем надо быть, чтобы оставить своего ребенка этой ужасной женщине? Просто диву даешься, что было на уме у Господа Бога, когда он наделял потомством таких людей!

Следующую неделю все внимательно наблюдали за Пэтси: вдруг у девочки появится обновка. Но все оставалось как прежде.

Хотя Пэтси по-прежнему ходила в старье, Френсис решила, что хотя бы раз в день девочка должна нормально питаться. Ровно к двенадцати часам она доставляла в лавку горячий обед и, пока бедняжка ела, сидела с ней в кабинете. Поначалу Пэтси стеснялась и отказывалась, но Френсис — недаром она когда-то работала учительницей — сумела ее уговорить. Очень скоро они уже вели друг с другом целые беседы. И настал день, когда Френсис сказала Роя:

— Знаешь, малышка — само очарование. Так бы и задушила ее в объятиях. Можешь себе представить, чтобы родной отец бросил такого ребенка?

— Нет, не могу, — покачал головой Рой. И печально добавил: — Очень многих людей не худо было бы пристрелить.

Много лет тому назад пристрелить следовало Джулиана Лапонда, но он приходился Мари отцом, а ее мать умоляла Роя не допустить кровопролития. Мари до сих пор жила у Роя в сердце, он не забыл, какая она была в ту ночь, когда они расстались навсегда.

Он часто строил догадки, как у нее сложилась жизнь. Конечно, можно было расспросить ее мать, которой он всегда нравился, или хитростью выведать что-нибудь у католического священника, да страшно делалось, вдруг Мари выкинула его из памяти или же, напротив, по-прежнему помнит. В своем последнем письме она просила Роя во имя их любви забыть ее, найти себе другую и обрести с этой другой счастье. Во имя их любви Рой был готов на все, но какое же счастье без Мари? Это оказалось выше его сил.

Между Роем и Милдред было много общего. Милдред, хотя и ее молодость миновала, сохранила прекрасную фигуру, стройные бедра, высокую грудь и в свое время могла выйти за любого парня в Чатануге — но ей зачем-то понадобился Билли Дженкинс, а уж он постарался покалечить ей жизнь. Почему среди всех парней, обивающих ее порог, она выбрала именно его, так и осталось для Френсис тайной. Уж кто-кто, а он точно был ей не пара. Бездельник, наглец и прощелыга, как сказал о нем их отец, Билли не нравился никому из родственников. Наверное, поэтому он и пришелся Милдред по душе. Френсис подозревала, что если бы парня все любили, то Милдред на него и не взглянула бы. Ни к чему хорошему оригинальничанье не привело: разразился скандал на весь белый свет, а отец зря истратил кучу денег. Подвенечное платье было куплено и подогнано по фигуре, снят загородный клуб, заказаны закуски и напитки, разосланы приглашения — и все ради того, чтобы за неделю до свадьбы жених оседлал мотоцикл и укатил из города, отделавшись короткой запиской: «Извини, я, пожалуй, повременю. С любовью, Билли». Милдред была безутешна, и больше ни один мужчина не смог покорить ее сердце. Правда, Френсис порой казалось, что Милдред будто нарочно стремится к заведомо невозможному. Во всем — и в любви тоже. Впоследствии у нее случались романы, но никого она по-настоящему не любила. Еще бы. С беглым женихом разве потягаешься?

Пробуждение

Весна пришла в Затерянный Ручей в середине марта. Ночи незаметно потеплели, а кефали на закате с таким плеском выпрыгивали из воды, будто приветствовали весну. Расцвели все те цветы, которых Освальд по понятным причинам еще не видел. Чуть ли не в одну ночь окрестности налились ароматом гардений, азалий, глициний, жасмина и жимолости. «Если это моя последняя весна в этом мире, — думал Освальд, — то она поистине прекрасна».

Когда спустя пару недель благоуханным вечером Освальд шел по улице, над кустами кружились светлячки, и ветер развеивал пряди бородатого мха, и причудливые тени металась по улице. Над рекой у Освальда появилось странное чувство, будто все, что его окружает, нарисовано. Ну да! Куда бы он ни посмотрел, все казалось написанным красками. Пейзаж жил цветом: вода, небо, выстроившиеся вдоль реки лодочные сараи, красные жестяные крыши, серебристые жестяные крыши, рыжие от ржавчины жестяные крыши, алые лодки в желтых сараях, и в зеленых, и в розовых, и в синих, и в белых. Деревянные сваи, торчащие из воды, переливались сотней оттенков серого, и каждую сваю покрывала инкрустация из тысяч белых рачков и черных дырочек, проделанных дятлами, и каждый кусочек дерева, каждый сучок был неповторим. Куда бы он ни посмотрел, краски жили, текли, менялись, от сезона к сезону, от минуты к минуте.

«Господи, если бы ты только даровал мне талант живописца, — взмолился Освальд, — чтобы я мог запечатлеть, что вижу. Ведь столько красоты вокруг, рисуй хоть тысячу лет, всего не перерисуешь. Птицы, деревья, цветы — какое богатство!»

Уволившись в свое время из армии, Освальд записался на архитектурные курсы, но не окончил их. Он в жизни ничего путного не изобразил, но, когда был помоложе и пока не начал пить, живо реагировал на рекламные объявления в журналах вроде «НАРИСУЙ МЕНЯ». Однажды до того соблазнился, что выслал рисунок по указанному адресу, и ему ответили в лестных выражениях, что у него несомненный талант, каковой надо развивать и укрепить на курсах живописи под руководством ведущих мастеров. Но Хелен быстренько сбила с него спесь, сказав, что они всем так отвечают, только бы заманить слушателей, — и он забыл про свой мнимый талант. А сейчас засомневался — а вдруг те, кто ему ответил, были правы? Надо будет попробовать — терять-то все равно нечего.

На следующий день он пером и чернилами стал набрасывать на тыльной стороне бумажных пакетов черные силуэты птиц и деревьев, и через неделю-другую мог похвастаться десятком более-менее приемлемых рисунков. Один из них даже удостоился названия «Одинокый селезень» и подписи «О.Т. Кэмпбелл». Освальд заинтересовался товарами для школьников и спросил у Роя, сколько стоит жестяная коробочка с акварельными красками.

— Доллар, — ответил Рой.

— Хорошо, — сказал Освальд, забрал жестянку, расплатился и ушел.

Рой подумал, что Освальд купил краски для Пэтси, и оказался не прав. Правда, сами краски, отштампованные в виде звездочек и полумесяцев, несколько смущали Освальда, но для начала сойдет и это, решил он. Главное, набраться побольше опыта.

ВДОЛЬ РЕКИ

Информационный бюллетень Затерянного Ручья

Из официальных источников. Бушует весна, и, как метко сказал джентльмен-бард Браунинг, «быть сегодня в Англии — в этот день апреля, хорошо

проснуться в Англии и увидеть, встав с постели, влажные ветви на вязах и кленах в маленьких, клейких листочках зеленых». [27] Правда, лично я выбрала бы

Затерянный Ручей – с нашим-то изобилием цветов и буйством красок. Весна выдалась как никогда. И немудрено, ведь именно в это время года к нам наконец заячьими тропками прискачет пасхальный кролик. [28] Мальчики и девочки, не забудьте посетить зал приемов и принять участие в Большой охоте на пасхальные яйца. Огромная благодарность мистеру Освальду Т. Кэмпбеллу за добровольное участие в покраске яиц.

Дотти Найвенс

Визит

Мисс Альма задремала, Освальд ушел на реку, и у Бетти Китчен выдалась свободная минутка – так почему бы не зайти к Френсис на чашечку кофе? Сперва они обсудили текущие дела «Крупных Горошинок», а потом Бетти со вздохом произнесла:

– Знаешь, Френсис, нам всем надо окружить мистера Кэмпбелла особой заботой.

– А почему особой?

– Прошлым вечером я спросила его про родственников, и оказалось, у него никого нет. Он сирота, его и называли-то в честь банки супа. Один как перст.

Френсис была потрясена.

– Ох, бедненький мистер Кэмпбелл, что ж он мне об этом и словом не обмолвился? Бетти, подумай только, как горько приходится сироте!

Бетти послушно подумала.

– А знаешь, я бы не отказалась побыть сиротой денек-другой. Для пробы. Матушка меня доведет до сумасшедшего дома. Выхожу на кухню сегодня утром – а она высыпала на пол четыре коробки овсянки и полила двумя бутылками сиропа «Бревенчатая хижина». Попробуй отскреби.

– Что это на нее нашло?

Бетти пожала плечами:

– Да кто ж его знает. Вчера она пыталась спрятаться от эскимосов, которые летали по двору, и заперлась на чердаке. Пришлось среди ночи вызывать беднягу Батча, он сорвал запор и освободил ее. Целый выводок котят столько не напроказит.

Когда Бетти ушла, Френсис задумалась о горемыке мистере Кэмпбелле. Хотя у нее самой имелась родная сестра Милдред и куча родственников, она хорошо знала, что такое одиночество. Мистеру Кэмпбеллу просто необходимо найти кого-то, он заслужил. Ничего, что он уже в годах. Надежда есть всегда, тем более он в Затерянном Ручье отъелся и даже немного пополнел, что ему

к лицу. Френсис никак не могла постигнуть, ради чего Милдред ухлопала столько времени на Билли Дженкинса, сбежавшего чуть ли не из-под венца. Она знала: Милдред мистеру Кэмпбеллу нравится. Иначе с чего бы ему смеяться ее ужасным шуткам?

Она заканчивала мыть посуду, когда в дверь постучали.

Кто бы это мог быть? Френсис вытерла руки и открыла.

На пороге стояла Тэмми Саггс собственной персоной, и вид у нее был довольно печальный.

Ну вот, попалась, мелькнуло в голове у Френсис, сейчас влетит по первое число (она потихоньку купила Пэтси пару перчаток).

Френсис лучезарно улыбнулась:

— Здравствуйте, миссис Саггс. Рада вас видеть. Зайдете?

Перед домом стоял битый-перебитый коричневый пикап, за рулем сидел длинноволосый мужчина.

Тэмми протопала напрямик в гостиную и плюхнулась на самый красивый стул.

— Я к вам заехала сказать, что вчера возвратился мой благоверный и мы с утра пораньше отбываем в Арканзас.

У Френсис екнуло сердце. Она знала, что когда-то этот день наступит, но не думала, что так скоро.

— Прискорбно слышать, миссис Саггс. Мы все будем очень скучать по Пэтси.

— Вот в чем штука-то, — изрекла Тэмми. — Вы вроде проявляли к ней интерес и все такое. А муж и говорит: хорош нам с девчонкой валандаться. В общем, может, вы знаете, кому бы ее на время сдать? Если кто захочет.

Вопрос оказался полнейшей неожиданностью, но Френсис и на секунду не задумалась.

— Я знаю, кто ее возьмет, миссис Саггс, — глядя прямо в глаза гостьи, сказала она. — Лично я. С удовольствием займусь девочкой.

— Лады. С сегодняшнего дня можете и заняться.

Отдала ребенка без звука, будто от старого свитера избавилась!

Не успели Тэмми с мужем укатить, как Френсис захлестнула радость. Столько лет она молилась, чтобы Господь даровал ей ребенка, и даже тайком просила девочку у Санта-Клауса. Но вот умер муж, а с ним и надежда. И все-таки Бог услышал ее молитвы — ведь Тэмми перво-наперво заехала не к кому-нибудь, а к ней. Как могла она сомневаться в милости Господней! Френсис кинулась вверх — приготовить для Пэтси комнату и подумать, что купить девочке в первую очередь.

Сто пар туфель, вот что, — пусть носит на здоровье!

С доброй вестью Френсис обзвонила всех знакомых. Люди поздравляли ее, радовались, что девочке наконец посчастливилось. Когда комната была готова, Френсис помчалась в лавку и объяснила Пэтси, что она будет жить с

ней, ее дом теперь здесь. Послушная девочка сразу согласилась — за свою коротенькую жизнь она столько раз переезжала с места на место, что успела привыкнуть, — попрощалась с Джеком и за ручку с Френсис зашагала по улице к своему новому дому. С них не сводили глаз, им махали с крылечек. Дотти церемонно приветствовала девочку:

— Здравствуйте, мисс Пэтси, мы так рады, что вы соблаговолили поселиться у нас!

Отныне каждое утро Френсис и девочка в шапочке, украшенной крышками от «Доктора Пеппера», направляются в лавку, а ближе к вечеру возвращаются домой, — очень скоро это зрелище стало привычным для обитателей Затерянного Ручья.

Только через несколько дней Френсис сообразила, что на радостях забыла спросить у Тэмми Саггс адрес. Более того, осталась неизвестной фамилия Пэтси. Правда, теперь все это не имело значения, главное, Пэтси была с ней. Они с Милдред свозили девочку в Мобиль, купили ей туфли и чулки, трусики и маечки, и платья, и курточки, и свитера. Что-нибудь модное на голову они тоже хотели приобрести, но Пэтси отказалась — кроме «Доктора Пеппера», подарка мистера Кэмпбелла, ей ничего было не нужно. Любимая шапочка была ее неизменным спутником. Вымоет ей Френсис голову, расчесет волосы — вон какие мягкие и пушистые, — а шапочка уже водружена на законное место. В первое же воскресенье Френсис нарядила ее в белое платье с оборками, глядь — а привычный убор уже на голове, так и отправились в церковь, уж Френсис сжалась и позволила. Если бы Пэтси разрешили, она бы, наверное, и спала в своей шапочке.

Каково Пэтси жить с чужим человеком? — волновалась Френсис. Но если девочка и скучала по Тэмми Саггс или по отцу, то виду не показывала. Она никогда ни на что не жаловалась, послушно выполняла, что скажут. Истинный возраст Пэтси был Френсис неведом, но она предполагала, что девочке по меньшей мере шесть, и собиралась осенью отдать ее в первый класс. А чтобы в школе малышке не показалось трудно, решила обучить ее основам. Хотя до декабря оставалось еще целых восемь месяцев, Френсис ужасно хотелось, чтобы Пэтси сама написала письмо Санта-Клаусу и получила подарок вместе с остальными детьми.

Каждый день после закрытия лавки Пэтси шла домой заниматься. Как-то заглянула Милдред, поинтересовалась, как успехи. Френсис так и вспыхнула от гордости:

— Ах, у нее такая светлая головка. Она уже может написать свое имя, а читает так, что залюбуешься. Может, она гений, как знать?

Милдред порадовалась за сестру, но сочла нужным предупредить:

— Ты уж постарайся не слишком привязываться к ребенку. Вернется за ней папаша — каково тебе придется? Ведь у тебя сердце разорвется.

— Знаю, — сказала Френсис. — Она у меня временно.

— Вот именно. Ты уж не увлекайся. Не забывай, это не твой ребенок.

Поздно. Френсис успела полюбить девочку всей душой и втайне надеялась, что они никогда не расстанутся.

Если Освальд не болтал с Пэтси в лавке, не наблюдал за речной жизнью с причала, то сидел на заднем крыльце дома Китченов и рисовал. Однажды дождливым днем на крыльцо вышла Бетти, чтобы достать что-то из стоявшего на веранде холодильника, посмотрела на рисунок и воскликнула:

— Ну вылитая голубая сойка! — И добавила: — Терпеть не могу голубых соек!

С чем и удалилась обратно в кухню.

Но ее слова бальзамом пролились на душу Освальду. Не про ненависть к сойкам, ясное дело. Она узнала, кого именно он пытался изобразить! А ведь поначалу у него все птицы походили одна на другую. Нет, он явно стал рисовать лучше.

Большую часть «сигаретных» денег Освальд теперь тратил на кисти-краски и не видел в том беды. Он так и так стал курить куда меньше.

Дожди прекратились, и как-то Освальд попросил Клода Андервуда, который ежедневно отправлялся в шесть утра на рыбалку, подбросить его на болота — хотел посмотреть на больших скоп и на их гнезда, о которых столько слышал. В книге про птиц Алабамы имелись картинки, но вживую скоп Освальду видеть еще не доводилось.

— Конечно, — рад был услужить Клод. — Отвезу тебя туда и высажу на пару часиков. — Клод видел кое-какие рисунки и был за Освальда очень рад — вот ведь нашел человек любимое занятие. Да и письма стали приходить — из Национального общества Одюбона, [29] штат Алабама, отдел орнитологии.

На следующее утро в пять тридцать Освальд подошел к дому Клода, увидел, что в кухне горит свет, и тихонько постучал. Сибил, жена Клода, с широченной улыбкой открыла дверь:

— Заходите, мистер Кэмпбелл, выпейте кофе. Клод снаряжает лодку.

Освальд прошел в большую комнату с облицованными сосной стенами и сложенным из кирпича камином, перед которым лежал круглый кремово-коричневый ковер. Диван и кресло были обтянуты материалом такого же буроватого оттенка, в тон им были и занавески на окнах. Над камином висела картина, представляющая Тайную Вечерю. Напротив стоял круглый обеденный стол из кленового дерева с вращающимся подносом посередине, стол окружали стулья. Комната была очень складная, чистая и, похоже, нисколько не изменилась со времен последнего ремонта, каковой, насколько мог судить Освальд — хотя бы по расписанным еловыми шишками обоям на кухне, — состоялся где-то в сороковые годы. «Место, где само время, кажется, замедляет свой бег», — вспомнилось Освальду, когда Сибил поставила перед ним чашку с дымящимся кофе и тарелку с домашними коричневыми булочками. Жена Клода и сама словно прибыла прямоком из сороковых — в своем белом фартуке с оборками и с мелкими кудряшками на голове, удержать которые могли только старомодные заколки.

— Клод сказал, вы выбираетесь на реку изучать птиц и заниматься творчеством.

Освальд рассмеялся.

— Уж не знаю, миссис Андервуд, можно ли это назвать творчеством... Попробую сделать парочку зарисовок, вот и все.

Сибил налила ему еще кофе.

— Это так увлекательно. Клод говорит, вы замечательный художник. Как знать, мистер Кэмпбелл, вдруг ваши работы однажды попадут в музей и мы прославимся.

Тут в кухню вошел Клод:

— Доброе утро. Можем отправляться хоть сейчас, если ты готов.

— Я готов. — Освальд закинул на плечо этюдник.

Сибил вручила каждому бумажный пакет.

— Что это? — недоуменно спросил Освальд.

— Ваш обед. Неужели вы думаете, я отправлю мальчиков в дорогу без провизии?

В последний раз Освальда так называли много лет тому назад. Ему стало приятно. По дороге к реке Освальд сказал:

— Какая замечательная у тебя жена. Вы давно вместе?

— В июле исполнится сорок один год.

И тут вечный молчун Клод выдал нечто удивительное:

— Не буду скрывать, за эти годы дня не прошло, когда бы я не благодарил Господа за то, что у меня есть она.

Когда они отплывали, над водой стелился легкий утренний туман. Где-то через час дымка рассеялась, засияло солнце, осветив лежащие вокруг соленые болота. Клод кивнул на высокие серые деревья с массивными гнездами у верхушек:

— Вот они.

Лодка подплыла поближе. Большая, похожая на ястреба птица перелетела с дерева на дерево и, не сводя с них глаз, уселась на ветке.

— Если повезет, увидишь и сов, и ястребов, и журавлей, и цапель. Все они обитают в этих болотах.

Показался причал с крепкой деревянной скамейкой.

— Часа два тебе хватит? Я заберу тебя.

Лодка скрылась за поворотом, шум мотора стих, и Освальда вдруг поразили глушь и безлюдье этих мест. Тишину нарушало только редкое хлопанье огромных крыльев да далекое уханье совы, и очень скоро у Освальда пропало чувство времени и места. Небывалое дело — никогда ни церковь, ни выпивка не давали ему такого ощущения оторванности «от городской суеты и суматохи» и в конечном счете такого чувства единения с природой. Впервые за всю жизнь на него снизошло умиротворение. То, что было доселе пустыми словами, воплотилось в реальное чувство.

Часам к десяти он проголодался и раскрыл свой пакет. Типичный обед рыбака: подсолненное печенье, банка домашней тушенки, крошечные венские

колбаски и сардины. Сибил положила также белый пластиковый нож и пакетик горчицы. Освальд ел с наслаждением.

Через час прибыл Клод и, пока Освальд забирался в лодку, спросил:

— Удачно?

— О да. Я, наверное, штук сто птиц зарисовал. А как у тебя?

— Есть немножко, — ответил Клод, и они поплыли домой. Тут Освальд своими глазами увидел, что означало Клодово «немножко». Вряд ли хоть кто-нибудь на реке выловил такую прорву крупной рыбы — и не только в этот день, но и за всю неделю.

Клод, вне всяких сомнений, был настоящий талант. Он прекрасно знал, где какие течения, как на поведение рыбы влияет ветер, на какой глубине она ходит в зависимости от времени года. Кто с ним рыбачил, уверял, что у Клода небывалое чутье. Но человек он был скромный и на вопрос, как ему удается, неизменно отвечал:

— Опыт большой. Все дело в нем, наверное.

Клод оставался на берегу только в субботу днем, когда по радио транслировали оперы и арии звучали над рекой то тут, то там. По его словам, итальянские тенора распугивали рыбу капитально — поклевки не дожدهмся.

Впервые услышав, что Клод Андервуд каждый божий день отправляется на рыбалку, Освальд не мог взять в толк, как это человек может до такой степени увлечься и забыть про все остальное. Но стоило ему самому заняться живописью, как все стало понятно. Правда, у Освальда была своя причина почаще браться за карандаш и кисть — отпущенный ему срок. Он хотел поскорее овладеть мастерством, чтобы к Рождеству закончить задуманную картину. Так что Клод рыбачил, Освальд рисовал, а река вела себя мирно и не мешала им.

На следующем собрании эзотерического ордена тайного общества «Узор в Крупный Горошек» состоялись ежегодные перевыборы руководящих органов. Как повелось, Френсис переизбрали президентом, Сибил Андервуд — вице-президентом, Милдред — казначеем, а Дотти Найвенс — секретарем. Бетти Китчен на важные должности не избирали никогда. Из-за роста и военного стажа ей присвоили звание «сержант от геральдики», и, похоже, пожизненно.

Когда выборы завершились, Милдред пожаловалась:

— И что мы глупостями занимаемся, избираем одних и тех же.

Последовало еще одно голосование, одоблившее ежегодную ротацию руководства. Собрание постановило также, что необходимо пригласить на обед членов эзотерического ордена тайного общества «Рисунок в Мелкий Горошек» — организации, впрочем, родственной и нередко двигающей те же проекты, но с которой имелось некое дружественное соперничество, — и выработало конкретный план приема. Когда «Мелкие Горошинки» принимали их в Лиллиане, подавался куриный салат с ананасами, булочки с орехами и сливочный сыр. «Крупные» решили угостить товарок заливным из помидоров, булочками трех разных видов и сладким кремом «плавучий остров» на десерт. Сибил была мастерица готовить «плавучие острова». Ко всему прочему гостям на память следовало вручить прихватки для горячей посуды в крупный горошек.

— Это должно произвести на них впечатление, — объявила Бетти Китчен.

Визуальное наблюдение

Когда Клод в следующий раз подбросил его на болота, Освальд с головой ушел в работу. Он так увлекся, что ничего не видел и не слышал. Поднял ненароком глаза — а прямо перед ним, не больше чем в пяти футах, лодка, в ней смуглый человек, и взгляд у него такой, что у Освальда кровь застыла в жилах. Потянулись мгновения. Наконец человек взялся за весла, сделал пару гребков и, ни говоря ни слова, поплыл своей дорогой.

Когда вернулся Клод, Освальд описал ему незнакомца (седовласый, зелено-голубые глаза) и спросил, кто бы это мог быть.

— У лодки на корме лежала свернутая сеть? — спросил Клод.

— Лежала.

Клод кивнул:

— Я догадываюсь, кто это. И моя догадка верна.

— Кто?

— Ты хорошенько его рассмотрел? Это был Джулиан Лапонд собственной персоной.

— Креол?

— Он самый.

— Не очень-то дружелюбный у него вид, скажу я тебе.

— Само собой.

— Я не произнес ни слова.

— Оно и к лучшему. Кто его знает, что ему в голову взбредет.

— Что мне делать, если он вернется?

— Не вернется... уж ты мне поверь. Он всех нас презирает. Перенес бы весь свой берег куда-нибудь в Луизиану, если бы мог.

Клод оказался прав. Освальд больше не видел Джулиана.

С приходом теплых дней они стали брать с собой на болота Пэтси. Освальд часами рисовал, а она тихо сидела рядом.

Как-то он спросил у девочки:

— Послушай-ка, Пэтси, а ты уже знаешь, кем станешь, когда вырастешь?

Она задумалась.

— Наверное... Нет, не знаю.

— Что тебе нравится делать?

— Ну... мне нравится играть с Джеком. Я люблю птиц.

— Ага. Может, ты будешь ветеринаром? Знаешь, кто такой ветеринар?

— Нет.

— Доктор, который лечит зверей и птиц. Тебе нравится?

— Нравится. А настоящим доктором я могу стать?

— Конечно. Если сильно захочешь.

— Правда? И Джек прилетит ко мне?

— Ну разумеется.

У Пэтси загорелись глаза.

— Будь я доктором, я бы, может, вылечила ему крыло, и он бы нормально летал, и ни один ястреб или филин не смог бы его поймать и съесть.

— Может быть.

И Освальд вручил девочке небольшой рисунок: белая цапля в очках, цилиндре, лакированных ботинках и с тростью под мышкой. Надпись под картинкой гласила: «Для Пэтси. Мистер Цапля собирается на светский раут».

В тот же вечер, вернувшись домой, Пэтси сказала Френсис — та сидела за швейной машинкой и подшивала прихватки:

— Миссис Клевердон, угадайте, кем я стану, когда вырасту?

— Прямо и не знаю.

— Угадайте.

— Попробую. Учителем?

— Нет.

— Ковбоем?

— Нет. — Пэтси засмеялась. — Сказать?

— Давай.

Лицо девочки осветилось.

— Птичьим доктором!

— Птичьим доктором? Как же ты до этого додумалась?

— Это мистер Кэмпбелл. Он сказал, если сильно захочешь, то сможешь. Он сказал, надо очень-очень захотеть, тогда случится.

— Он так и выразился?

— Да. Сказал, что всегда хотел стать художником. Очень-очень сильно. И добился своего!

Пэтси показала рисунок, подаренный Освальдом.

— Как замечательно, — похвалила Френсис. — У него получается все лучше и лучше, правда? Это надо показать тете Милдред.

Она вернула рисунок девочке.

— Тебе ведь нравится мистер Кэмпбелл?

— Да, мэм, он такой забавный.

Пэтси пошла спать, а Френсис задумалась над словами Освальда и решила, что он прав. Вот она разве не сильно-сильно хотела ребенка? И ее желание осуществилось. А теперь она молилась, чтобы отец Пэтси не вернулся за девочкой и не забрал ее. Френсис знала, это грех — молить Бога об этаким, но ничего не могла с собой поделать.

Заезжий гость

Душным жарким днем в конце мая у лавки остановилась черная машина. Рой стоял за кассой и со смехом рассказывал Освальду, как Джек ночью угодил лапкой в клейкую ленту для мух, Бетти Китчен в продуктовом отделе придиричиво отбирала картошку.

В лавку вошел мужчина в белой рубашке и лоснящихся черных брюках и обвел взглядом полки.

— Чем могу служить? — спросил Рой.

Мужчина вытер лоб и тыльную сторону шеи носовым платком.

— Я бы выпил что-нибудь холодненькое, если у вас есть. Такая жарища.

Рой указал на холодильник:

— Выбирайте, что понравится.

— Благодарю.

Непростой какой-то, мелькнуло у Роя. Он выглянул в окно. Машина была из Монтгомери, столицы штата, на двери белела официальная печать. Человек в белой рубашке не заблудился и не просто попить зашел. Он прибыл сюда по службе. Пока мужчина, повернувшись ко всем спиной, копался в холодильнике, Рой неторопливо вышел из-за прилавка и встал перед кассой, заслонив собой фотографию Пэтси.

Заезжий гость с бутылкой кока-колы в руке подошел ближе.

— Я к вам за помощью. Мне надо определить местожительство миссис Тэмми Саггс. Насколько я знаю, она с семьей проживала где-то в ваших краях.

Заслышав фамилию Саггс, Бетти Китчен принялась без разбора метать картофелины в сумку.

Рой оперся спиной о кассу, скрестил на груди руки и погрузился в размышления вслух:

— Хм-м-м... Саггс... Саггс... Не припоминаю. Звоночек не звенит.

Тем временем Освальд тихонько отошел от кассы в глубь лавки и занялся изучением ассортимента товаров.

Рой вынул из кармана зубочистку, внимательно осмотрел, засунул в уголок рта и холодно осведомился:

— А почему вы разыскиваете эту даму... как ее... Саггс? Какая-то особая причина?

— Вообще-то мы разыскиваем девочку, которая, по нашим сведениям, состоит под ее опекой.

Джек внезапно запрыгал по своему пластмассовому кольцу, будто понял всю серьезность минуты. Колокольчики бешено зазвенели.

Белая Рубашка продолжал, достав из кармана бумажку:

— Я веду розыск от лица ее отца, Джеймса Кейси, который оставил дочь на попечение семейства Саггс. В качестве последнего места проживания в деле указан Затерянный Ручей.

— Угу, — промычал Рой и слегка повернул голову: — Мисс Китчен, а вам фамилия Саггс ничего не говорит?

— Ничегошеньки. — Бетти от картошки перешла к тыквам и кабачкам.

Рой повернул голову на больший угол и повысил голос:

— Мистер Кэмпбелл, может, вы что слышали про семейство Саггс, жившее где-то здесь? С маленькой девочкой?

Освальд стоял на одном месте, уставившись на жестянку со свинобобами.

— Саггс? Были тут какие-то — вот фамилии не знаю, — так они в Мексику уехали. Не то в Хуарец, не то в Кернаваку. Словом, куда-то туда.

— В Мексику? — спросил мужчина. — Это точно?

— Ну да. — Освальд вертел в руке банку с лимской фасолью, якобы стараясь прочесть этикетку. — Сказали, не вернутся. Непорядок с законом или что-то такое.

— Угу, — промычал Белая Рубашка.

В дверях показался Клод с ведром, полным рыбы.

Рой не медлил ни секунды:

— Здравствуйте, мистер Андервуд, как ваши дела? — Он покашлял. — Может, вы нам поможете. Вот этот джентльмен разыскивает маленькую девочку,

которая жила с семейством Саггс в трейлере, что стоит в лесу. Мистер Кэмибелл припоминает, что они укатили в Мексику, не то в Хуарец, не то в Кернаваку. Так ведь, мистер Кэмпбелл?

— Ну да, ну да. — Освальд изучал теперь корнфлекс и воздушную кукурузу.

Как только его обозвали «мистер Андервуд», Клод мигом сообразил, что дело нечисто. Он поставил ведро с рыбой на прилавок и выступил с опровержением:

— Вынужден с вами не согласиться, Освальд. Сам слышал, как эти ребята говорили что-то про Канаду.

Заезжий гость уставился на него:

— Про Канаду?

Клод снял бейсболку и поскреб голову.

— Помнится, они собирались в Квебек.

— Может, вы и правы. — В руках у Освальда оказалась коробка каминных спичек. — Начиналось на «К», это точно.

— Минуточку... — раздумчиво произнес Клод. — А ведь верно. Мексика. Очень может быть. На вашем месте я бы начал с Мексики.

— О господи, — тяжело вздохнул мужчина. — Да пока я все проверю, малышка вырасти успеет!

— Значит, — как мог небрежно протянул Рой и даже зевнул, — папаша требует дочку обратно?

Представитель власти отхлебнул из бутылки и покачал головой:

— Ничего подобного. Отец умер — вывалился из кузова грузовика. А бабушка заявила, что по старости не в состоянии обеспечить девочке уход, и подписала документ, по которому малышка переходит к нам. Моя задача теперь простая: отыскать ее.

— К кому это «к нам»? — спросил Рой.

— К штату Алабама. Штат теперь ее официальный опекун.

В это самое мгновение Бетти Китчен посмотрела в окно и увидела, что прямоком к лавке направляется Пэтси собственной персоной. Схватив сумку с продуктами, Бетти стрелой пронеслась мимо кассы, на ходу бросила: «Завтра заплачу» — и вылетела на улицу. Переложить сумку в левую руку, правой подхватить Пэтси и унести за угол было делом пяти секунд — недаром Бетти работала медсестрой в отделении «скорой помощи». Если надо, она умела двигаться очень быстро.

Мужчина в лавке ничего не заметил Он жаловался на работу:

— Полжизни гоняюсь за всякой швалью, все дороги исколесил... — Он прервался на полуслове. — Что это так звенит?

— Это у меня птица в лавке живет, — пояснил Рой.

— А-а-а.

— Скажите, — спросил Рой, — так из чистого любопытства... что будет с девочкой, когда вы ее найдете?

— Поскольку у нее нет других живых родственников, — незваный гость обвел взглядом чучела животных и птиц, — она, скорее всего, попадет в приют, где и пробудет, пока ей не исполнится восемнадцать лет.

Освальд содрогнулся. При одной мысли о Пэтси в приюте желудок свело судорогой.

Представитель власти заглянул в Клодово ведро:

— Отличная рыба.

Поставил пустую бутылку на прилавок и снова вздохнул.

— Спасибо за помощь. Только судя по тому, что вы мне здесь наговорили, не скоро же я ее разыщу. Сами попробовали бы найти человека в Мексике или Канаде. Сколько я вам должен за кока-колу?

— Нисколько. Всегда рад оказать услугу должностному лицу.

— Благодарю. — Мужчина протянул Рою свою визитку: — Меня зовут Brent Бун, там внизу номера телефонов. Позвоните, если что.

— Обязательно, мистер Бун.

Бун направился к двери, бурча под нос:

— Мексика, ну и поганое же местечко. — На пороге обернулся: — Пожелайте мне удачи, ребята. Она мне уж точно понадобится.

— Ну да, — кивнул Рой. — Удачи вам.

Все проводили отъезжающую машину взглядом.

Рой схватился за телефон и позвонил Френсис.

Насколько они понимали, с этого дня судьбе Пэтси ничего не угрожало.

Возвращаясь вечером домой, Освальд улыбался шире масленицы.

Пэтси Кейси, вот как звали девочку. Ирландка! Они с ней одного поля ягода.

Ассистентка

Всем все удавалось в то лето, что катилось по привычной колее. Освальд отлично себя чувствовал, обед в честь «Мелких Горошинок» прошел с огромным успехом. «Мелкие», вечно дерущие нос перед «Крупными» по части рукоделия, пришли в восторг от прихваток и, как отметила Френсис, позеленели от зависти, отведав помидорного заливного.

Да что обед! Главное, Пэтси была счастлива. Для нее нашлось занятие.

Джек не сидел безвылазно в лавке. Иногда Роя с птицей приглашали в местную школу или на церковную ярмарку, и они с Джеком устраивали целые представления. Однажды, получив очередное приглашение, Рой попросил Френсис разрешить Пэтси отправиться вместе с ним, и та согласилась. С той поры ни одно представление Роя не обходилось без Пэтси-ассистентки. Френсис даже купила ей специальное платье в красную полоску в одном стиле с полосатым пиджаком и соломенной шляпой Роя. Вносил свою лепту и Освальд — расставлял стулья для публики.

Конферанс вел Рой, Пэтси стояла у него за спиной, Джек сидел на пальце.

— Почтеннейшая публика, все сюда, полюбуйте на Удивительную Красную Птичку из округа Болдуин. Ходит, бродит, разговоры заводит, ползает на животе, будто змея. Единственный виргинский кардинал в неволе, который знает, как его зовут! Сейчас я и моя очаровательная ассистентка мисс Пэтси вам это продемонстрируем. Тебя зовут Джек?

Пичуга принималась раскачиваться взад-вперед, словно соглашаясь.

— Видите? Он говорит «да»! Потрясающе! Но вы погодите. Не подумайте только, что тупой пернатый не знает, где право, где лево. Все внимание на Удивительную Красную Птичку из округа Болдуин!

Пэтси поднимала правый палец, и Джек перепархивал на него.

— Правильно, сэр! А теперь на левый.

Джек перелетал на левую руку.

— Потрясающе! Единственный красный кардинал во всей Америке, леди и джентльмены, мальчики и девочки всех возрастов, который точно может сказать, что спрятано у меня в ладони.

По руке пичуга взбиралась Пэтси на плечо и терлась клювом об ухо.

— Так что там? Что он вам сказал, мисс Пэтси?

Рой нагибался к Пэтси, и та что-то шептала ему.

— Птица сказала «семечки подсолнечника»!

Рой раскрывал ладонь и демонстрировал с десяток черных блестящих семечек:

— Он абсолютно прав! Леди и джентльмены! Глазам своим не верю!

Пэтси дергала Роя за пиджак, тот воздевал руки кверху и гремел:

— Минуточку, леди и джентльмены, птичка опять заговорила!

Пэтси шептала что-то Роя на ухо.

— Удивительная Красная Птичка из округа Болдуин хочет показать свои уникальные способности по части обнаружения предметов. Очень хорошо. Сейчас я спрячу кое-что в тайники и проверю ее таланты. Отвернитесь, мисс Пэтси, птица не должна ничего видеть.

Пэтси вместе с Джеком отворачивалась, и Рой принимался рассовывать семечки по карманам.

Потом великий любитель подсолнухов Джек, к радости публики, карабкался по пиджаку, нырял во все карманы и, ясное дело, находил все семечки до единой.

После представления дети подходили и заговаривали с Пэтси, но та хранила испуганное молчание. Рой заметил, что ее совсем не радует общение с другими детьми.

Френсис тоже обратила на это внимание и расстроилась. Она попробовала как-то пригласить детей домой, надеясь, что они разыграются, — ничего не вышло. Пэтси играла только с Джеком. Наверное, в прошлом дети обижали ее из-за ноги, решила Френсис. Когда она в первый раз купала девочку, то поразились, до чего изломано ее маленькое тело. Оставалось надеяться, что, когда Пэтси пойдет в школу, детишки не будут над ней насмехаться.

Двое в лодке

Клод прослышал, что клев у нерки в самом разгаре, и спустился вниз по реке до самой бухты Пердидо. Возвращаясь ближе к вечеру домой, он услышал крики:

— Помогите! Кто-нибудь!

Посреди реки покачивалась новенькая, сверкающая сине-белая двадцатидвухфутовая лодка, а в ней подпрыгивали и размахивали руками двое мужчин.

Клод подплыл вплотную и заглушил мотор.

— Эй, ребята, что стряслось?

— Слава богу, живая душа! — простонал один из мужчин. — Мы тут уже целый день болтаемся.

— Наверное, ударились обо что-то мотором, — подхватил другой. — Он возьми да и заглохни. И не заводится. Пару часов уже так плывем. Миль пять, пожалуй, проплыли.

— А что же вы веслами не воспользовались? — спросил Клод.

— Весел нам не выдали, — сокрушенно произнес терпящий бедствие.

Клод без лишних слов показал на правый борт лодки:

— А если заглянуть в этот ящик? Что это там такое лежит?

Тот из мужчин, что покрупнее, приподнял длинную крышку. Под ней оказалась пара весел.

— Ой-е-е-й...

— Вы, ребята, откуда будете?

— Отплыли от «Гранд-отеля» в Пойнт-Клире. А где мы сейчас?

— Течением вас вынесло к Затерянному Ручью. Это милях в пятнадцати к югу.

— И как мы теперь вернемся назад?

— Сейчас посмотрим. — Клод сделал круг и подплыл со стороны кормы. — У вас весь мотор илом перемазан.

— А наладить его нельзя?

— Почему нельзя? Можно. Только из воды придется вытащить.

Клод кинул им конец и отбуксировал к своему причалу.

— Солнце уже садится, — сказал он, швартуясь. — На лодке до гостиницы впотьмах не доплыть. Ничего, попрошу Батча, он вас отвезет на машине, а гостиница завтра пришлет кого-нибудь забрать лодку.

Бедолаги перенесли на берег снаряжение. Увидев дорожные рыболовные снасти, великолепные спиннинги и мощные катушки, Клод хихикнул:

— Ребята, вы на кого выбирались сегодня?

Смущенные тем, что кому-то пришлось их взять на буксир, горе-рыболовы тем не менее ответили тоном знатоков:

— На форель, на нерку. Говорят, самый сезон.

— Угу, — согласился Клод. — Только с таким набором впору на акулу ходить. Или на кита.

Он открыл ящик и вытащил целую связку — окуней, нерки и форели. Крупнее рыбы недотепам видеть не доводилось.

— Идемте в дом, я позвоню Батчу.

— Благодарим. Очень любезно с вашей стороны.

— Кстати, — сказал массивный, — меня зовут Том, а это Ричард.

— А я — Клод Андервуд. Рад познакомиться.

Уже во дворе Клод спросил:

— Вы здесь в отпуске?

— Нет, — ответил Том, — мы участники съезда медиков, который проходит в «Гранд-отеле». Дай, думаем, порыбачим в свободный часок, коли уж мы здесь.

Дома Сибил угостила их кофе, а там и жизнерадостно насвистывающий Батч возник на пороге. Ему нередко доводилось развозить по домам рыболовов-любителей, и он рад был позубоскалить на их счет.

— Привет, мужики. Слышал, вы заблудились. Тут у нас в Затерянном Ручье заплутать легко, сама речка забыла, куда плывет.

И он, по обыкновению, громко расхохотался собственной шутке, будто выдал невесть какую остроуту.

Когда все уже собрались уезжать, Клод спросил:

— Вы здесь надолго?

— Еще три дня, — ответил Том. — К сожалению, сегодняшний день можно на говно списать... Ой, мэм, прошу прощения.

Сибил только рассмеялась:

— Ничего страшного. Я как-никак замужем за рыбаком, всякого наслушалась.

Клоду сделалось их жалко.

— Если желаете порыбачить, загляните завтра. Я вам покажу хорошие места.

В машине Батч сказал:

— Вы, наверное, не в курсе, как вам повезло. Сегодня вы повстречали лучшего рыбака всего штата. Если он сам предложил вам показать рыбные места, ловите момент.

— Спасибо. Обязательно воспользуемся, — хором откликнулись недотепы.

На следующий день Батч приехал за ними и отвез на условленное место ниже по течению.

Клод уже был наготове.

— Привет, ребята. Залезайте.

Троица погрузилась на старую зеленую четырнадцатифутовую плоскодонку Клода с пятисильным мотором и отплыла.

Клод вручил гостям по самому обычному спиннингу с ничем не примечательными катушками и объяснил свой способ.

— Пользуюсь только вот этой малышкой, — Клод показал красно-белую блесну, — с небольшой доработкой. Убираю у рыбки верхнюю губу с крючком, блесна глубже погрузится. Или можно свинцовый грузик навесить. Больше ничего не надо.

День еще не кончился, а Том и Ричард уже пришли в неописуемый восторг. Сегодня они поймали больше рыбы, чем за всю свою прежнюю жизнь. И про рыбалку узнали больше. Они совершенно уверились, что Клоду ведомы сокровенные тайны форели, лосося, окуня и их собратьев.

Клод высказался философски, в своей манере:

— Да нет тут никакой тайны. Либо клюет, либо нет. Вот и все.

В следующие два дня последовало продолжение. Они забрасывали свои спиннинги выше по течению, ниже по течению, тут и там, — рыбных мест, известных Клоду, на реке оказалось с избытком. Клода умиляло, в какой восторг приводила городских каждая поклевка, какое ликование сопровождало каждую пойманную рыбу. В последний день они попытались ему заплатить, но Клод категорически отказался.

— Но вы же потратили на нас время, — настаивал Том. — И труд.

- Спасибо, не надо. Какой там труд. Рыбалка мне только в радость.
- Это точно?
- Абсолютно. Вы не должны мне ни гроша. Но можете оказать мне услугу...
- Какую? Все, что в наших силах.
- Вы ведь, ребята, доктора. Осмотрите одну девочку и скажите свое мнение. Вот и вся услуга.

На съезд медиков, как выяснил Клод, съехались специалисты по хирургии локтевого и плечевого суставов со всего юго-востока. Конечно, неизвестно, помогут ли Том и Ричард Пэтси, но попытка не пытка. Клод наказал Френсис, чтобы девочка никуда в этот день из дома не отлучалась. Вдруг врачи согласятся.

Френсис, принаряженная Пэтси, Сибил и Батч сидели в гостиной и ждали гостей. И дождались. Клод представил врачей сначала Френсис, а затем Пэтси. Том, наклонившись, пожал ей руку:

- Привет, Пэтси, как поживаешь? — И немного погодя: — Милая, сделай одолжение, пройдишь по комнате.

Девочка вопросительно посмотрела на Френсис. Та улыбнулась и кивнула.

Пэтси пересекла гостиную и остановилась. Том шепнул что-то коллеге на ухо.

- А теперь обратно.

Малышка послушалась.

- Отлично. Большое спасибо.

Доктора обменялись несколькими словами, попрощались и направились к двери.

Клод и Батч вышли за ними во двор.

Том сказал:

- Мистер Андервуд, к сожалению, такого типа родовые травмы не наша специальность. Мы занимаемся в основном спортивными повреждениями. Хотелось бы вам помочь, но надо показать девочку специалисту.

- Какому специалисту?

- Детскому хирургу-ортопеду, — пояснил Ричард. — Детские кости — штука непростая. Вам нужен одаренный хирург с большим опытом в этой области.

Том посмотрел на приятеля и вымолвил:

- Сэм Гликман.

- Ну да, — согласился Ричард.

Тем же вечером зазвонил телефон.

— Мистер Андервуд, это Том. Вот что. Сэм говорит, если вы завтра привезете девочку к нам в гостиницу до восьми утра, он успеет ее посмотреть. Потом он улетает в Атланту.

Клод позвонил Френсис и передал, чтобы Пэтси завтра встала пораньше — в шесть тридцать Батч заберет их и отвезет в «Гранд-отель».

— А мистер Кэмпбелл с нами поедет? — спросила Пэтси у Френсис.

— Ну если ты так хочешь, я его спрошу.

И, не мешкая, позвонила.

— Раз Пэтси просит, буду обязательно, — ответил Освальд.

Пэтси хотела, чтобы он был рядом, и душа у Освальда ликовала. Поедет ли он с ними? Да ради Пэтси он готов на Луну смотреть и обратно!

На следующее утро Батч отвез Пэтси, Френсис и Освальда в Пойнт-Клир, где на берегу бухты Мобил стоял «Гранд-отель». В семь тридцать в одном белье и шапочке «Доктор Пеппер» Пэтси лежала на столе в банкетном зале — ее осматривал сам доктор Гликман. Френсис и Освальд невольно ежились, когда хирург-ортопед сначала сгибал-разгибал ей ногу, а потом перевернул на живот и занялся спиной. Делая свое дело, врач все время разговаривал с девочкой.

— Так вот, Пэтси, у меня есть внучка твоих лет, зовут Колби. И знаешь, что она тут мне сказала? Так не больно?

По лицу Пэтси было видно, что больно, но она ответила: «Нет».

— Она сказала: «Дедушка, у меня уже есть два поклонника». Нет, ты представляешь?

Доктор велел Пэтси встать и выгнуться изо всех сил, сначала влево, потом вправо.

— А у тебя есть поклонник?

— Нет, сэр.

— Да как же нет? — вмешалась Френсис. — А Джек? Ты сама мне сказала, что он твой поклонник. Расскажи доктору про Джека, золотце.

Закончив осмотр, врач поглядел на часы, взял свой чемоданчик и обратился к Френсис:

— Проводите меня до машины, миссис Клевердон.

Потом повернулся и с улыбкой помахал Пэтси:

— До свидания, дитя мое.

Они шли через холл, и доктор говорил:

— Миссис Клевердон, конечно, надо сделать рентген, но я и без него вижу, что таз и бедро были сломаны в четырех, если не в пяти местах, а тот, кто это сделал, не позаботился, чтобы кости правильно срослись. Она очень жалуется на боли?

Френсис, едва поспевая за ним, проговорила:

— Нет, доктор. Она ни разу словечком не обмолвилась насчет боли.

— Интересно, почему? Я-то знаю, что ей больно. Кости давят на нервные окончания в бедре и позвоночнике. По мере того как ребенок растет, боли будут только усиливаться.

Они подошли к машине, и Френсис выдавила из себя тот единственный вопрос, ответ на который они все хотели бы знать:

— Что-то можно сделать?

Доктор Гликман внимательно посмотрел на нее.

— Миссис Клевердон, вы неверно формулируете. Что-то надо делать. — Он вручил ей визитку и сел в такси. — Позвоните ко мне в кабинет и запишитесь на прием.

Остальные ждали Френсис в вестибюле.

— Он хочет осмотреть Пэтси у себя, — сказала она.

Через две недели поток машин нес их пикап по улицам Атланты. Френсис и Освальд носами уткнулись в карту. В конце концов им удалось найти медицинский центр и при этом не опоздать.

— Для меня загадка, как в этом городе люди ориентируются, — ворчала Френсис.

После того как рентген и прочие необходимые исследования были сделаны, доктор Гликман пригласил Френсис и Освальда в кабинет, а медсестра увела Пэтси в кафе — что-нибудь перекусить.

— Если немедленно не вмешаться, — сказал ортопед, — и оставить все как есть, то при такой патологии она очень скоро начнет терять подвижность и в итоге совсем не сможет ходить.

Френсис схватила Освальда за руку — так ей показалось легче.

— О боже!

— А когда она еще вырастет, болезнь затронет центральную нервную систему. Чем быстрее мы сложим заново неправильно сросшиеся кости и избавим скелет и мышечную систему от лишних нагрузок и деформаций, тем лучше. Но для этого потребуются две, если не три операции. Для молодого неокрепшего организма это очень серьезное испытание. Понадобится вся ее воля к жизни, все силы.

— То есть вы хотите сказать, она может умереть? — встревожилась Френсис.

— Любая серьезная операция несет в себе такой риск, но, насколько я могу судить, нашей малышке есть ради чего жить. Позвольте внести ясность. Ей будет необходима эмоциональная поддержка со стороны всех нас, причем на

длительный срок. И даже когда реабилитация закончится, нет никакой гарантии, что Пэтси полностью излечится.

— О боже, — повторила Френсис.

— И все-таки мое мнение такое: надо идти на радикальные меры. Но вы теперь знаете: независимо от результатов процесс будет долгий и трудный.

— Лечение дорого стоит? — спросил Освальд.

— Хотелось бы ответить «нет», мистер Кэмпбелл, но увы. Да, дорого.

Доктор Гликман поглядел на фотографию внучки, перелистнул календарь и поверх очков пробежал глазами по датам.

— Я вот что сделаю — буду оперировать бесплатно. Это лишь малая часть расходов. И все-таки кое-что. Если вы обещаете, что она будет хорошо питаться и к концу июля прибавит парочку фунтов, назначаю операцию на утро второго августа.

Френсис заверила, что уж по части хорошего питания она сделает все и больше, даже если придется пичкать малышку едой по двадцать раз на дню, и они будут готовы к операции в срок. Другой вопрос, откуда они возьмут такую прорву денег, — но Френсис не стала об этом говорить при докторе.

Весь следующий месяц каждый встречный-поперечный считал свои долгом сунуть Пэтси конфетку, или булочку, или угостить мороженым. Все знали, что к концу июля девочке надо обязательно набрать вес. Но главная сложность заключалась в деньгах. Долгое пребывание в больнице, многомесячная терапия — даже без вознаграждения доктору получалось больше ста тысяч долларов. У Френсис и Милдред было кое-что отложено — но куда их сбережения до такой суммы! Жители Затерянного Ручья развернули целую кампанию по сбору средств и поставили в продовольственной лавке рядом с кассой контейнер с надписью: «Фонд Пэтси». Очень скоро весть разошлась по округе и подключились другие организации. В Лиллиане, соседнем городке, Элизабет, глава родственного эзотерического ордена «Рисунок в Мелкий Горошек», организовала распродажу выпечки и невостребованных вещей. В зале приемов Затерянного Ручья каждую субботу устраивали рыбные трапезы — спасибо Клоду Андервуду, — и на благотворительные посиделки стекался народ со всего округа. Друзья Батча из «Лосинового клуба» в Альберте организовали барбекю — явился весь Затерянный Ручей и сотни людей из других мест. К удивлению Освальда, члены Ассоциации Аккордеонистов тоже решили внести свою лепту и дали в парке бесплатный концерт. На сцену они вышли в коротких кожаных штанах. Исполняя «Польку пивной бочки», мистер Краузе заметил в толпе Освальда и помахал ему. Френсис, Милдред и Пэтси тоже пришли, сели рядом с Освальдом и стали слушать музыку, как и вся прочая публика. Пэтси как раз принялась за вторую порцию сахарной ваты.. и у Освальда душа ушла в пятки. В первом ряду, наискосок от них, сидел Брент Бун, заезжий гость, должностное лицо, и не сводил с девочки глаз.

Уши у Освальда налились краской. Через несколько минут Бун поднялся, подошел к пивной бочке, на которой было начертано: «Фонд Пэтси», бросил десять долларов и направился напрямик к нему.

Освальд перестал дышать.

Покачивая головой, Бун смерил его взглядом, промычал сквозь зубы: «Мексика, мать твою» — и скрылся в толпе.

Август неумолимо приближался, а Освальд словно оставался в стороне. Денег-то у него, ясное дело, не водилось. И в один прекрасный день он решился.

Батч отвез его в Пойнт-Клир. Когда Освальд в последний раз был с Пэтси в «Гранд-отеле», то заметил в вестибюле небольшую художественную галерею. Туда-то он и направился со своими акварелями.

Красивая дама внимательно изучила рисунки — один за другим, — но свое мнение высказывать не спешила. Спросила только:

— Сколько вы хотите за ваши работы, мистер Кэмпбелл?

Как ни удивительно, вопрос застал Освальда врасплох. Он в жизни ничего не продавал. И уж тем более собственные труды.

— Почему бы вам не назвать свою цену? — выдавил он наконец.

Она еще раз проглядела рисунки. Пересчитала.

— Всего восемнадцать, так?

— Да.

— Могу вам предложить двести пятьдесят долларов.

— Вы шутите.

Освальд не верил своим ушам. Куча денег!

— Рада бы заплатить больше — акварели просто замечательные — но галерея у нас маленькая.

— Да нет, все отлично. Согласен.

Вручая ему чек, галерейщица сказала:

— Интересно было бы посмотреть, что у вас есть еще.

Выходя, Освальд глянул на чек и чуть не лишился чувств. Двести пятьдесят долларов стоил каждый рисунок!

К концу июля почти вся сумма была собрана — и не за горами были новые поступления. Рой и Освальд планировали устроить Пэтси в лавке торжественное прощание утром перед отъездом. В шесть сорок пять Рой открыл замок и свистнул Джеку.

— Эй, парнище, где ты? Твоя дама сердца на подходе!

Никакого ответа.

— В чем ты сегодня увяз, безобразник? Хоть бы не в мармеладе опять, времени нет тебя купать.

Рой еще посвистел, поискал птицу глазами, прошелся по магазину, подошел к входу для покупателей. И увидел Джека на полу в углу рядом с овощными полками — любимым местом для проказ.

— Ты зачем туда забрался? Снова за помидоры принялся? Вот уж Милдред до тебя доберется!

Пичуга неподвижно лежала на боку.

— Да что с тобой такое, дурашка? — Рой взял любимца в руку.

Застывшее тельце, тусклые глаза, устремленный в никуда взгляд... На Роя будто целая груда кирпичей обрушилась. Джек был мертв.

Потрясенный до глубины души Рой замер на месте, не силах поверить, что застывший комочек у него в руке и есть Джек. Тишина окутала все вокруг, слышны были только удары сердца. Рой не шевелился, пока не появился Освальд и не постучал по витрине. Увидев за стеклом знакомую фигуру, Рой сделал шаг, потом другой, потом третий... Когда он открыл дверь, Освальду бросилось в глаза, что его друг бледен как полотно.

Что-то стряслось.

— Давай в кабинет, — чужим голосом произнес Рой.

Освальд последовал за ним.

— В чем дело, Рой?

Рой прикрыл дверь и положил Освальду руку на плечо.

— Джек умер.

— О господи! — выговорил Освальд. — Что произошло?

Рой сел к столу и потряс головой.

— Не знаю. Я его обнаружил минуту назад.

Он схватился за телефон и набрал номер приятеля-ветеринара.

— Посмотри, нет ли у него на теле повреждений, — велел приятель.

Рой осмотрел трупик.

— Крови нет. Все как обычно.

— Не знаю, что тебе и сказать. Он мог съесть что-то или подцепить какую-то заразу. Словом, сто причин. А у птиц все скоротечно. Сегодня птаха бодр и весела, а завтра ее уже нет. Соболезную.

Рой повесил трубку и поглядел на Освальда:

— Он не знает.

Они замолчали, ведь сказать было нечего, и просидели так некоторое время.

Внезапно Освальд хлопнул себя по лбу:

— Послушай, Рой, а как же Пэтси? Что мы ей скажем?

Рой поднял глаза.

— Срочно звони Френсис — пусть не пускает Пэтси сюда, пока мы что-нибудь не придумаем. Я повешу на дверь табличку «Закрето».

Пока Рой опускал жалюзи и гасил свет, Освальд набрал номер Френсис.

— Алло?

— Френсис, это Освальд. Я сейчас в лавке. Где Пэтси?

— Она здесь, мистер Кэмпбелл, завтрак заканчивает. А что?

— Слава богу, она еще дома. Ни под каким видом не пускайте ее в лавку сегодня.

— Вот как? — Френсис показалось, она ослышалась. — Это будет нелегко.

— Знаю. Вы уж постарайтесь. Потом все объясню. Только не выпускайте ее из дома.

По тону мистера Кэмпбелла Френсис заключила, что причина, наверное, очень серьезная. Пэтси уже поднималась из-за стола, и Френсис выпалила:

— Золотце, сегодня тебе в лавку нельзя.

Девочка округлила глаза:

— Почему?

— Произошло ужасное событие!

— Какое?

Френсис самую малость помедлила.

— У бедняги Роя корь!

Даже не пришлось голову ломать. Само выскочило. В последнюю секунду.

Пэтси вдруг перепугалась:

— А как же Джек? Он теперь тоже заболит корью?

— Нет, милая, птицы корью не болеют, только люди.

Френсис терялась в догадках, что могло стрястись. Ведь Освальд прекрасно знал, что завтра Пэтси кладут в больницу и для нее очень важно попрощаться с Джеком. Наверное, Джулиан Лапонд совсем выжил из ума, переправился через реку и пристрелил-таки Роя — другого разумного объяснения происходящему Френсис не находила.

Через несколько минут на заднем дворе появился Освальд, увидел в кухонном окне Френсис и махнул в сторону дома Китченов.

Френсис вытерла руки.

— Золотце, мне надо сбегать к Бетти, но я скоро вернусь. Обещай мне: из дома ни ногой.

Она протянула Пэтси книжку-раскраску и поспешно выскочила за дверь.

В гостиной у Китченов Бетти и Освальд переговаривались вполголоса.

— Что стряслось? — нетерпеливо спросила Френсис.

— Ты лучше сядь, — велела Бетти. — Дурные вести.

Френсис прижала руку ко рту.

— Что-то с Роем, да? Его застрелили? Он мертв, ведь так?

— Не Рой, а Джек, — уточнила Бетти. — Рой пришел утром в лавку и обнаружил его.

— Господи, Джек! Что случилось?

— Неизвестно. Но Пэтси не стоит заходить в лавку, — сказал Освальд.

Френсис опустилась на стул.

— Ради всего святого, что мы ей скажем? Она же просто обожает птичку.

— Знаем, — кивнул Освальд. — Как вам удалось удержать ее дома?

— Сказала, что у Роя корь. Первое, что пришло в голову. У меня все мысли перепутались. Еще я обещала, что она попрощается с Джеком завтра утром. Откуда же мне было знать, что птичка мертва.

В комнату вплыла Милдред.

— Что такое творится? Выбралась в лавку, а она закрыта.

Бетти закрыла за ней дверь.

— Джек умер.

У Милдред перехватило дыхание.

— Это так, — подтвердила Френсис. — Рой нашел его утром на полу лавки.

Разрыдавшись, Милдред рухнула на диван.

— Нет, нет, нет, — причитала она между всхлипами. — Как же так можно? Бедненький Джек, несчастная птичка. Ах, какой ужас! Ах, бедняжка!

Френсис глядела на нее как на полоумную.

— Милдред, да что это с тобой? С чего это ты вдруг в таком горе? Когда он был жив, ты только и делала, что жаловалась на него!

— Ну да, — прорыдала Милдред. — Только я всегда его любила. Мне и в голову не приходило, что он умрет. Бедняжка Джек.

Она сорвала со спинки дивана кружевную салфетку и высморкалась в нее. У Бетти это восторга не вызвало.

— Милдред, — сказала Френсис, — ну до чего же ты странная. Прямо жуть берет. Ты же его хотела в пироге запечь.

— Хо-те-ла, — выдавила Милдред сквозь слезы и затряслась в бурных рыданиях.

— Ну хватит, успокойся. Возьми себя в руки.

Френсис повернулась к Бетти и Освальду:

— И вот так всегда. У нее вечно все невпопад. Когда она мне позарез нужна, непременно расклеится.

В тот же день, когда у Пэтси наступил тихий час, Батч, Бетти, Дотти, Френсис и Освальд собрались у Роя на совет. Френсис объяснила суть проблемы.

— Доктор сказал, операции будут сложные и опасные. И тут следует принять во внимание, что Джек единственный на всем белом свете, в ком она души не чаает. Он ее лучший друг. Как сказать девочке, которой столько предстоит пережить, что ее лучший друг умер?

Освальд согласился с Френсис:

— Неужели у нас хватит духа? Нам надо решить, что сейчас важнее — сказать правду или не расстраивать ребенка перед операцией.

— Как же мы можем ей лгать? — возразила Дотти. — Это недопустимо. Нельзя обманывать ребенка.

— Почему это? — вскинулась Бетти. — А как же Рождество? Разве ты не обманываешь доверчивых детей каждый год? Никакой разницы! Как бывшая медсестра, прошедшая психологическую подготовку, настоятельно советую: спокойно поезжайте в Атланту, как будто ничего не произошло. Сделаете операции, пройдете курс лечения, она поправится, все опасности останутся позади — тогда можно будет сказать.

— Правда, Френсис, — поддержал Батч. — Не говори ей сейчас ничего.

Френсис покачала головой:

— Не так это просто. Хотя я согласна с вами. Но ведь она завтра утром никуда не поедет, не попрощавшись с Джеком. Хорошо еще, хоть сегодня я ее дома удержала.

Дотти задумалась.

— А если где-нибудь раздобыть к утру еще одного красного кардинала? Они ведь так похожи. По мне, так никакой разницы нет.

— Где это ты его раздобудешь? — удивилась Бетти. — В лесу поймашь? Да и заметно будет, что птица другая. Она ведь не сядет ей на палец, да и прочим штучкам не обучена.

— Тогда что ты предлагаешь? — спросила Дотти.

После того как все разошлись. Рой сел к столу, держа Джека на раскрытой ладони. Он прекрасно понимал: им может помочь один-единственный человек на всем белом свете. И этого человека он всей душой ненавидел, даже клятву дал, что никогда его не простит. Однако другого выхода не было. Ничего лучше придумать они так и не смогли. Храбрец Батч предложил свою кандидатуру в качестве переговорщика, Бетти Китчен — свою, но, поскольку тот берег был им мало знаком, решили, что пойдет Рой. В одиночку. Ничего труднее не выпадало на его долю: поступиться своей гордостью, растоптать ее. Но Рой принял решение, осталось его выполнить. Сейчас следовало забыть о прошлом. Ради Пэтси.

Он завернул Джека в носовой платок и уложил в карман пиджака. Солнце клонилось к закату, когда он пересек на веслах реку и причалил к месту, где в играх с креольскими детьми прошла большая часть его детства, где их матери приглашали его домой и угощали гумбо[30] и джамбалайей.[31] Это место, некогда залитое светом и радостью, теперь представлялось ему унылым топким болотом, обиталищем воспоминаний, несущих только боль.

В спускающихся сумерках он привязал лодку к причалу, поднялся к некрашеному деревянному креольскому дому, где жил Джулиан Лапонд, и постучал в дверь.

Никто не ответил.

Рой подождал немного и громко произнес:

— Джулиан, это Рой. Мне надо с тобой поговорить.

Через несколько секунд в темном нутре дома щелкнул винтовочный затвор, и он понял: Джулиан притаился за дверью-сеткой.

Ненависть и унижение стиснули Рою горло. Этот человек покалечил ему жизнь — а он вместо того, чтобы кинуться на него, выволочь во двор и задушить, молит об одолжении.

Рой еще постучал — и вдруг разрыдался. Унижение достигло крайней степени, никак не удавалось взять себя в руки, пришлось говорить и глотать слезы, они так и текли по щекам.

— Джулиан, ты мне лютый враг, а я тебе... но ты только посмотри на девочку. — Он вынул фото Пэтси с Джеком и поднес к двери-сетке. — Она инвалид, Джулиан, завтра ей должны сделать сложную операцию, а сегодня померла птаха, в которой она души не чает. Если девочка узнает, это будет такое горе. У нее просто руки опустятся. Прошу, помощи. — Тут Рой совсем расклеился и заплакал в голос.

Винтовка Джулиана была нацелена прямо в грудь Рою — вот-вот выстрелит. Но палец на спусковом крючке не шевелился. Наверное, в Рое креолу привиделся мальчишка, которого он некогда так хорошо знал. В следующую секунду Джулиан отставил ружье в сторону, подошел к порогу, взглянул на снимок и произнес с сильным креольским акцентом:

— Я тебе сказал, убью, когда приходить будешь.

— Знаю, — всхлипнул Рой. — Убей меня потом, мне все равно жизнь не мила. Но сперва помощи. Заплачу, сколько скажешь.

Джулиан стоял неподвижно, не отрывая от Роя глаз. Давешний мальчишка предстал перед ним зрелым мужчиной. Минуло столько лет. Рой различил в сумраке, что черные курчавые волосы Джулиана сделались совсем серебряные.

Тут из глубины дома послышался женский голос:

— Впусти его.

Джулиан пошевелился.

— Ладно... ради девочки, не ради тебя, понял?

Рой кивнул.

— Входи, — резко велел креол.

Щурясь от света, Рой вошел в комнату.

— Здравствуй, — сказала женщина, такая же красивая, как и много лет тому назад.

Это была Мари.

Время ничего не смогло поделаться с его любовью к ней. Да и с ее чувствами тоже — достаточно было посмотреть ей в глаза.

На рассвете Джулиан вошел в кухню и передал тело Джека обратно Рою. Он трудился всю ночь и сделал свою работу мастерски. Каждое перышко было почищено и приглажено, глаза ярко блестели. Джек получился ну совсем как живой, даже голову чуть склонил набок с ироническим выражением.

Рой стиснул Джулиану руку.

— Отличная работа. Даже лучше, чем я думал. Не знаю, что тебе и сказать. Спасибо.

Он встал и потянулся к заднему карману брюк за бумажником:

— Сколько я тебе должен?

Джулиан яростно сверкнул глазами.

— Я тебе сказал, ради девочки, не ради тебя. А теперь убирайся.

Рой поклонился на прощанье Мари, сел в лодку и переплыл к своему берегу.

Он и понятия не имел, что креолы знали про девочку-инвалида и красную птичку с вражеского берега. Их приходский священник присутствовал на представлении, которое Джек и Пэтси давали в Лиллиане для католической церкви. Когда священник упомянул о них в своей воскресной проповеди, креольские дети, которым было строго-настрого запрещено переправляться через реку, загорелись желанием посмотреть на девочку и птичку. Немного погодя кюре прослышал про «Фонд Пэтси», организовал в церкви сбор средств и отправил по назначению в виде анонимного пожертвования. Джулиан, душа которого с годами еще больше очерствела и жила одной ненавистью, не дал ни гроша и обозлился на тех, кто дал.

— Какое нам до них дело? — повторял он. — Пальцем ради них не пошевелю.

Но улыбка Пэтси на мелькнувшей в потемках фотографии обезоружила старика. И теперь он был готов ради девочки расшибиться в лепешку.

Прощание

— А когда я увижу Джека? — первым делом спросила Пэтси, проснувшись следующим утром.

Френсис не знала, что отвечать. Рой так и не дал о себе знать.

В лавке он появился около восьми. Освальд уже поджидал его с краской и кистью. Около восьми тридцати, когда лицо Роя разукрасила живописная сыпь, они позвонили Френсис. Та уже места себе не находила и схватила трубку после первого же звонка.

— Алло?

— Это я, — сказал Рой.

Френсис, изображая, что ей звонит кавалер, с которым они встречались тридцать семь лет тому назад (и который шесть лет как умер), радостно вскричала:

— Ах, здравствуй, Герберт, очень рада тебя слышать после стольких лет! — Она не знала, слышит ли ее Пэтси, но не хотела рисковать. — Как там у тебя, все благополучно?

«Какой такой Герберт?» — удивился Рой. А вслух сказал:

— Да, мы готовы. Подъезжай к витрине и притормози буквально на несколько секунд. Мотор не выключай. Потом жми на газ — и в добрый путь.

— Господи. — Голос у Френсис срывался. — Задача не из легких.

— Я понимаю. Но необходимо все проделать очень быстро. Не надо искушать судьбу. Еще догадается.

— Мне все ясно. Я постараюсь. Герберт, я так рада, что тебе лучше. Пока, спасибо, что позвонил.

Стоило ей положить трубку, как телефон опять разразился звоном.

Френсис так и обмерла.

— Алло? (Это была Милдред.) Ты получила инструкции? Рой сказал, проезжай потихоньку мимо, надолго не останавливайся.

— Получила. Мне некогда, Милдред, разговор окончен. В путь пора.

Френсис до того нервничала по поводу предстоящей малышке операции и истории с умершей птичкой, что умудрилась выщипать себе в ванной обе брови почти без остатка, а когда попробовала нарисовать их заново, получились какие-то перевернутые полумесяцы.

— Ну и мультяшка, — высказалась она, поглядев на себя в зеркало. — Ну да ничего не поделаешь. Времени уже нет.

Она напудрила нос, взбила волосы и позвала Пэтси:

— Золотце, нам пора.

Усадив девочку на заднее сиденье машины, Френсис положила туда же подушку, чтобы Пэтси могла прилечь в пути.

Пэтси озабоченно спросила:

— А мы заедем повидаться с Джеком?

Френсис притворилась, что не расслышала, протянула руку и нажала на клаксон — посигналила Освальду.

Тот не заставил себя ждать, закинул свой чемодан в багажник и открыл дверь машины:

— Доброе утро, Пэтси.

Голос у него звучал беззаботно, но Френсис видела, что Освальд волнуется не меньше, чем она.

Усевшись на водительское место, Френсис сказала:

— Вроде ничего не забыла. Память стала такая дырявая. Если что-то не взяла, так тому и быть. Пора трогаться, а то опоздаем. — Посмотрела на указатель уровня топлива. — Как здорово. Полный бак.

Машину прошлым вечером заправил Батч, и правильно сделал, сама Френсис наверняка бы забыла.

— Ну, ладно. В добрый путь.

Когда они выехали со двора, Пэтси еще раз спросила:

— Можно мне сходить попрощаться с Джеком?

Френсис поглядела на нее в зеркало заднего вида:

— О господи, в этой суматохе чуть из головы не вылетело. Надо заехать повидаться с Джеком, ведь так?

— Да, мэм.

— Хорошо. Заедем. На одну секундочку.

Освальд застыл, боясь шевельнуться, даже вздохнуть. Но за Френсис опасаться было нечего. Она заложила лихой поворот, миновала бензоколонки и остановилась футах в пятнадцати от витрины. За стеклом стоял Рой, и Джек сидел у него на пальце, и вид у птицы был самый что ни на есть цветущий.

— Можно я войду? — спросила Пэтси.

— Нет, золотце. Рой еще не поправился. Ты только на него посмотри! К нему нельзя приближаться. Еще заразишься накануне операции. Помаши им ручкой, и все.

И Френсис надавила на газ.

Пэтси повернулась назад и замахала, а Джек так и вертелся у Роя на пальце, так и подскакивал.

И вот лавка скрылась из виду. Они выехали на шоссе и благополучно покатали в Атланту. Если бы Френсис не надела подмышники, пятна от пота просто бросались бы в глаза. Она ожидала, что Пэтси что-нибудь скажет, но девочка сидела тихо и, похоже, радовалась тому, что ей все-таки удалось повидать Джека, пусть и на секундочку.

Они ехали по шоссе уже довольно долго, когда Пэтси достала свое фото с птахой и шепнула:

— Я вернусь... веди себя хорошо.

Большой город

После того как они прибыли в Атланту и устроили Пэтси в больнице, Освальд позвонил Роя из телефона-автомата и сообщил, что обман удался и девочка всю дорогу до медицинского центра разговаривала с фотографией Джека.

— Слава богу, Рой, все сошло удачно. Даже я готов был поверить, хотя знаю, что Джек умер. Прямо как живой, того гляди взлетит...

Да, Джулиан расстарался. Джек получился краше, чем при жизни. Рой положил птичку себе на ладонь и сказал:

— Сегодня утром, дружище, ты исполнил свой лучший номер, хотя сам об этом не подозреваешь.

После разговора с Освальдом Рой завернул тельце в белый лоскуток и уложил в саркофаг, который пришелся бы по душе самому Джеку. Вроде как их последняя совместная шутка. Потом Рой зашел поглубже в лес, выкопал ямку и похоронил старого друга. Постоял, глядя на могилку, где проказник покоился с миром в коробке с надписью «Крекер Джек». В голове у Роя вертелась старая песня, которую частенько напевал его отец:

Нет тебя со мною, я ночей не сплю,

И днем мне нет покоя, тоскую и люблю,

Ах, милый, ты мой милый, как плохо без тебя.

Как может такой верзила, шесть футов два дюйма, плакать над крохой размером с еловую шишку, спросил Рой себя. Черт бы тебя побрал, Джек, если бы можно было повернуть время вспять, я бы надел кольцо на твою тощую шейку.

Рой был человек нерелигиозный, но в тот день его поддерживала надежда, что есть такая штука, как дух, и что некая маленькая частичка Джека улизнала от смерти, порхает теперь где-то рядом и посмеивается над земными тварями. Это было бы на него похоже, думал Рой.

А может, Джек возьмет да и покажется?

На следующий день Френсис и Освальд появились в больнице в шесть утра и посидели с Пэтси, пока медсестры сновали туда-сюда, занятые подготовкой к операции. Освальд рисовал девочке картинки, пытаясь хоть как-то ее развеселить, а Френсис вела серьезный разговор о ближайшем будущем. Пэтси в своей шапочке и в больничном халате сидела на кровати, немного напуганная суетой вокруг ее персоны. Тут пришла еще одна медсестра,

сделала ей успокоительный укол, и девочку потянуло в сон. Заглянул доктор Гликман.

— Доброе утро, юная леди. Как дела?

— Хорошо, — сонно пробормотала девочка.

— Медсестры говорят, за то время, что я тебя не видел, ты поправилась на целых четыре фунта. Это просто здорово. — Доктор улыбнулся Френсис и Освальду и опять повернулся к Пэтси: — Мы сейчас заберем тебя в просторную, светлую комнату, что в конце коридора, и полечим тебе ногу. Только ты ничего не почувствуешь. А как проснешься, все будут рядом с тобой.

Он взял с тумбочки фотографию Пэтси и Джека.

— Это и есть та птичка, о которой ты мне говорила?

— Да. — Глаза у Пэтси слипались.

— Просто красавец. — Хирург погладил юную пациентку по руке. — Мы тебя вылечим. Будешь как новенькая. Поправишься — и сразу домой. Договорились?

— Договорились.

Френсис вслед за доктором вышла в коридор, чтобы подвергнуть его дотошному допросу, а в палату заглянула женщина с документами на подпись.

— Вы отец ребенка?

— Нет.

— Дедушка?

— Нет. Просто друг. Дама, что вам нужна, на минуточку вышла.

Вернулась Френсис, перелистала бумаги и поставила свою подпись в графе «Официальный опекун», хотя из двух слов одно — «официальный» — не соответствовало действительности. Лжесвидетельство было налицо. Но Френсис сказала Освальду:

— В тюрьму так в тюрьму. Зато девочку вылечат.

Потянулись долгие часы ожидания. Освальд не уставал восхищаться Френсис. Сам он места себе не находил, мерял шагами коридор. Присядет на минутку и опять вскочит. Ему отчаянно хотелось выпить, прямо сил никаких не было. Но как оставить Френсис одну? Почему бы сестрам не вкатить успокоительное родным и близким, что дожидаются конца операции?

Пока Освальд мельтешил перед глазами, Френсис сидела тихо в уголке, молилась про себя и ждала.

В Затерянном Ручье тоже ждали.

Около половины второго позвонила Френсис и сообщила, что первая операция прошла благополучно и что с девочкой «все отлично», как выразился доктор.

Все с облегчением вздохнули.

Когда они, усталые, но счастливые, ехали вниз в больничном лифте, Френсис сказала Освальду:

— Благодарение небесам, что вы рядом. Иначе не знаю, как бы я пережила все это.

Освальду повезло — ему предоставили комнату в общежитии IMCA.[32] Френсис остановилась у родственников. У малышки впереди еще две операции, и кому-то надо было дежурить у постели больной.

Жители Затерянного Ручья постепенно начали понимать, какое место в их жизни занимал Джек. Никто не порхал больше по лавке, не щебетал, не звенел колокольчиками. Обитатели городка прежде и не догадывались, что можно так тосковать по какой-то птице. А пуще прочих горевала Милдред. Она окончательно уверилась, что любила Джека больше всех и сама того не сознавала, пока птаха не умерла. Милдред буквально обожала птичку, просто ее чувства выражались в виде вечных жалоб.

Через неделю после смерти пичуги Милдред, повесив голову, вошла в лавку.

— Рой. Должна извиниться перед тобой и попросить прощения. Мне так стыдно за себя — прямо не знаю, что делать.

— За что? — удивился Рой.

— Я так недостойно себя вела перед бедной покалеченной птичкой. Цыкала на нее, обещала запечь в пироге. — По щекам у Милдред полились слезы. — Сама не знаю, что на меня нашло. Я ведь так его любила.

— Ты его, а он — тебя. Он ведь прекрасно понимал, что ты не всерьез.

— Да ты что?

— Точно. Поэтому-то он тебя постоянно дразнил.

Милдред подняла глаза, в них светилась надежда.

— Правда?

— Чистейшая. Какие могут быть сомнения. Видишь ли, — Рой протянул Милдред свой носовой платок, — старина Джек прекрасно разбирался в людях, куда лучше меня. Как-то заходят две девушки — никогда их раньше не видел, — и я попросил его исполнить для них пару номеров. А он ни в какую. Порхает себе с недовольным видом. Разозлил меня тогда изрядно. И что вышло. Пока одна девица заговаривала мне зубы, другая — шаст в кабинет. И стащила все, что плохо лежало.

— Как так?

— А вот так. Оказались воровками. А Джек из кожи вон лез, хотел меня предупредить. Знал, что они не с добром пришли. Меня-то можно было провести, его — никогда. Знаешь, Милдред, без него в лавке так пусто. Я уж так к нему прикипел, даже не думал, что он умереть может. Вот она жизнь, стоит кого-то полюбить, как его у тебя забирают. Хорошо хоть Пэтси далеко, а то прямо не знаю, чем бы все обернулось.

У Милдред отлегло от сердца. После смерти птицы она изменилась, перестала скрывать от других свои подлинные чувства. А то уйдет человек из жизни и не узнает, как ты к нему на самом деле относишься. Теперь всякий телефонный разговор Милдред заканчивала неизменным «Люблю тебя».

И только потом вешала трубку.

В больнице

Потянулись тревожные дни. У всех отлегло от сердца, только когда Освальд и Френсис вернулись домой с известием, что все три операции прошли благополучно. Пэтси предстояли долгие томительные недели в гипсовом панцире. Чуть ли не каждые выходные Крупные Горошинки отправлялись в Атланту и всем скопом объявлялись у постели больной.

Освальд поехал с ними только раз — хотя ему очень хотелось видаться с Пэтси почаще. Но уж этот один раз... Набитая дамами машина, узенький кусок сиденья между Сибил Андервуд и Бетти Китчен с ее шестью футами роста, разговоры, не смолкающие ни на секунду всю дорогу до Атланты и обратно, — все это оказалось выше его сил. После этой злосчастной поездки он выбирался только с Френсис или старался договориться с Батчем. А порой подсаживался к Рою — выезжали в воскресенье рано утром и возвращались уже затемно.

Пэтси заваливали играми и книжками с картинками, чтобы ей было хоть чуточку веселее. Освальд всегда привозил ей маленькие рисунки — они смешили ее, особенно тот, где Освальд ехал на автомобиле с женщинами. В один прекрасный день Крупные Горошинки с удивлением узнали, что девочку только что посетила целая делегация Горошинок Мелких и вручила подарок — лоскутное одеяло с надписью «ПОПРАВЛЯЙСЯ СКОРЕЕ». Конечно, Крупным было приятно, что вот и Мелкие отметились... но тут Бетти Китчен осмотрела изделие и выдала заключение:

— Прискорбно, девочки. Вы только гляньте, какие мелкие стежки. По части рукоделия мы им в подметки не годимся.

Дотти надела очки, чтобы получше все разглядеть, — и была вынуждена согласиться.

Милдред сказала:

— Так-то оно, может, и так. Только признайте — никто не готовит макароны с сыром лучше Френсис. Не говоря уже о «плавучем острове».

— И еще кое-что, — добавила Сибил. — Спору нет, трезвонить о себе гадко, но не забывайте о помидорном заливном.

— Точно! — хором воскликнули все и повеселели.

Пэтси хихикнула. Френсис пощекотала ей большой палец на ноге.

— Что смешного, юная леди?

— Помидорное заливное, — выговорила Пэтси и снова хихикнула.

И вот наконец настал день, когда гипс сняли. Теперь, как сказал доктор, предстояло самое сложное — долгие месяцы терапии, кропотливой повседневной работы. Это ведь не шутка — научиться двигаться заново, встать на ноги и пойти. Для этого надо перестроить весь мышечный аппарат.

Специалист по физиатрии Амелия Мартинес, красивая темноглазая женщина, была поражена, как мужественно Пэтси переносила долгие мучительные процедуры и упражнения — ни разу не пожаловалась. Однажды, когда девочка принимала лечебные ванны, Амелия отозвала Френсис в сторону.

— Знаете, миссис Клевердон, в первый раз у меня такая пациентка. Маленькая, а как терпеливо все переносит! Ведь ей так больно... — Она немного помолчала. — Да у меня взрослые мужчины плакали навзрыд от куда меньших нагрузок! Доктор Гликман сказал, что процесс выздоровления идет небывалыми темпами. — Амелия ласково улыбнулась и помахала Пэтси. — Девочка очень хочет поскорее поправиться и вернуться домой.

Посетителей у Пэтси бывало много, а кто не мог прийти, присылал открытку или письмо, которые Амелия зачитывала вслух. Очень скоро она знала едва ли не каждого жителя Затерянного Ручья. Освальд и Френсис не уставали радоваться тому, как быстро крепнет Пэтси, вот только каждый день девочка перво-наперво спрашивала про Джека, и приходилось отвечать, что с птицей все хорошо, и бороться с угрызениями совести. А что еще оставалось делать? Лечение давало результаты, девочка уверенно шла на поправку, преодолевая боль и страдания, все прочее было не так важно. Она уже могла сделать пару шагов без посторонней помощи. Ведь каждый новый шаг приближал ее встречу с Джеком.

ВДОЛЬ РЕКИ

Информационный бюллетень Затерянного Ручья

Вот и настала осень — куда это время так торопится? Кажется, лето наступило совсем недавно, — но, как говорится, «tempus fugit», [33] и День благодарения [34] уже не за горами. А ведь нашу общину и вправду есть за что благодарить, из Атланты приходят добрые вести, терапия оказывает свое благотворное действие, и Пэтси поправляется. Умение ждать — одна из добродетелей, но мы уж ждем не дождемся, когда наша маленькая мисс Пэтси вернется домой. Не забудьте про совместный ужин, включите в меню тыквенный пирог и индейку!

Дотти Найвенс

Шли дни, и будущее Пэтси представлялось все лучезарнее. По словам Амелии, перемены к лучшему были налицо. Даже Милдред как-то приободрилась. И тут судьба выкинула новое коленце. Объявился Билли Дженкинс, ее старая неизбывная любовь. Билли написал Милдред письмо, в котором извещал, что овдовел и хотел бы с ней повидаться. Как ни странно, Милдред решила воспользоваться приглашением и отправиться на машине в Чатанугу, о чем и известила Френсис. Та буквально потеряла дар речи, хотя прекрасно знала, что от сестры можно ожидать чего угодно.

Уехала Милдред в пятницу, но наступил уже вторник, а решительно никаких известий от нее не поступало. Френсис места себе не находила. Наконец часов около четырех у дома затормозила машина Милдред.

— Френсис, я вернулась! — Непутевая, не откладывая в долгий ящик, поспешила к сестре.

С первого же взгляда Френсис поняла: случилось нечто важное. Похорошевшая и помолодевшая Милдред так и сияла в своем лавандовом брючном костюме. С радостно пылающим лицом она возвестила:

— У меня новости!

Сердце у Френсис куда-то провалилось.

— Может, мне лучше сесть? — осведомилась она дрожащим голосом.

И села.

Милдред выждала секундочку и выпалила:

— Мы с ним виделись!

— И...

— И я теперь самая счастливая женщина на свете!

Френсис прижала ладонь ко рту:

— О господи. Поверить не могу, ведь столько лет прошло.

— Мне самой не верится. Избежать такого удара. Какое счастье, что этот болван в свое время задал стрекача и я за него не вышла. Ведь дурак набитый. Что я в нем нашла, не понимаю.

— А?

— Знаешь, зачем я ему понадобилась? Ему нужна нянька и повариха, и у него еще хватило наглости спросить, большой ли у меня дом и сколько я получаю в месяц по соцстраху. [35] Потом он показал мне фотографию шестерых своих дочерей. Ну и уродины, скажу я тебе. Вылитый папенька, и вкуса никакого. А если бы мои дети были такие же? Потом он принялся выпрашивать, хватит ли у меня места, чтобы поселить с нами одну из дочек. Бедняжку только что выпустили из клиники для наркоманов, и ей с четырьмя малолетними детьми некуда податься.

У Френсис от удивления глаза на лоб полезли.

— Ну надо же. А ты что на это?

— Я сказала: Билли, ты разбил мне сердце и покалечил жизнь, а теперь через столько лет хочешь, чтобы я тебя, старого и немощного, приняла обратно и пустила в свой дом, да еще с родственничками. Готовить на шестерых, убирать, обстирывать — нет, это ты не по адресу обратился! Поищи себе другую дуру — я пас. И распрощалась.

— Надеюсь, Милдред, ты не очень расстроилась, — посочувствовала Френсис.

— Может, оно и к лучшему, что вы увиделись.

— И вовсе я не расстроилась. Я в превосходном расположении духа.

Какой все-таки удивительный поворот, размышляла Френсис, когда Милдред ушла. Выкинуть наконец Билли Дженкинса из головы — и когда? — в пятьдесят один год! Может быть, — чем черт не шутит? — она хоть сейчас поймет, какой хороший человек Освальд. И какой талантливый. Может, для них еще не все потеряно. За прошедшие недели Френсис прониклась к Освальду теплым чувством и сейчас с трудом представляла себе в роли зятя кого-то другого.

Было о чем поразмыслить, и серьезно. Впрочем, никто в чужую жизнь вмешиваться не намеревался. Чуть-чуть подтолкнуть события, вот и все.

Френсис собиралась, вернувшись из Атланты, устроить еще один ужин для Милдред и Освальда, но ей пришлось заняться проблемой поважнее. В больнице Амелия еще раз повторила, что дела у Пэтси идут очень хорошо, ей лучше с каждым днем. А потом добавила:

— По опыту знаю, когда ребенок чего-то очень ждет, это «что-то» заслоняет для него весь мир. У нее с языка не сходит, как она вернется домой и увидит своего друга Джека.

У Френсис упало сердце. Освальд совсем приуныл. Френсис не сказала Амелии, что птичка мертва, но рано или поздно Пэтси вернется домой, заглянет в лавку... Когда Джек так неожиданно погиб, они скрыли это от девочки — нельзя было расстраивать ее перед операцией. А теперь опять приходится выбирать из двух зол.

Френсис и Освальд вернулись в Затерянный Ручей, и тут же было созвано срочное заседание «Крупных Горошинок». Освальда тоже пригласили — теперь в состав входило двое мужчин. Френсис считала, что он заслужил такое право, — во всяком случае, если дело касалось Пэтси.

Первой взяла слово Дотти:

— Мы не можем допустить, чтобы она узнала о его смерти, только когда вернется домой. Надо ей как-то дать понять.

— А не лучше ли собраться с духом и сказать правду? — предложила Милдред.

— Какую правду? — осведомилась Френсис. — Что все перенесенные страдания изначально были зазря?

— Слушайте, она ведь еще не меньше шести недель проведет в больнице, — напомнила Бетти. — Может, если слегка намекнуть, удастся смягчить удар?

— Как ты его смягчишь? — недоуменно спросила Милдред. — Скажешь, что Джек заболел?

— Ничего не выйдет, — сокрушенно сказал Освальд. — Пэтси это только встревожит.

— Он прав, — согласилась Френсис.

После продолжительного обсуждения собравшиеся пришли к единому решению. Им следует написать Пэтси письмо, и чем быстрее, тем лучше. В роли сочинителя, как человек с некоторым литературным опытом, выступит Дотти. Амелия же, которую девочка полюбила, прочтет ей письмо вслух.

И вот Батч влез в свой пикап, помчался в Атланту, передал письмо Амелии Мартинес из рук в руки, после чего крутанулся на каблуках и кинулся наутек, словно грабитель. В тот же день после сеанса терапии Амелия села у кровати Пэтси и прочла творение Дотти.

Дорогая Пэтси!

Я и все твои друзья из Затерянного Ручья спешим поделиться с тобой радостью. Где-то через неделю после твоего отъезда в лавку заглянул новый покупатель и засмотрелся на Джека. Оказалось, это знаменитый ветеринар,

который лечит подраненных птиц. Осмотрев Джека, ветеринар сказал Рою, что крыло можно поправить, забрал Джека к себе в клинику и сделал ему такую же операцию, как твой доктор тебе. Представляешь, как мы обрадовались, когда Джек вернулся в добром здравии! Как лихо он кружил по лавке, какие виражи закладывал в воздухе! Мы хотели дождаться тебя и только потом выпустить Джека на свободу, но доктор сказал, лучше его отпустить прямо сейчас. Мы все собрались в лавке, Рой распахнул дверь, и Джек вылетел наружу и уселся на самой верхушке высокого кедра, что растет напротив. Как жалко, что ты этого не видела собственными глазами! Джек был такой счастливый, над ним синело чистое небо, его ждали простор и воля и верные друзья! И тебя тоже ждут верные и любящие друзья, возвращайся поскорее! Конечно, все мы будем скучать по Джеку, лавка без него опустела, но недавно миссис Андервуд видела его! Здоровенький и упитанный, он сидел на ветке рядом со своей подружкой – а значит, скоро у нас появится целая стайка маленьких Джеков. И ты вернешься к нам такая же здоровенькая и счастливая, каким стал Джек!

Наилучшие пожелания от Дотти и всего Затерянного Ручья

После смерти Джека ни один виргинский кардинал не попадался на глаза ни Сибил Андервуд, ни кому-нибудь еще. Впрочем, Дотти так высказалась на этот счет:

— Остается надеяться, что эту-то ложь Господь мне простит. А если не простит, то сильно себя уронит в моих глазах.

* * *

Прочитав Пэтси письмо, Амелия спросила:

— Правда, хорошая новость? Твой маленький друг поправился и отлично себя чувствует. И ты скоро тоже поправишься. Ты рада?

Но девочка была совсем не рада. Лицо у нее сделалось грустное. Да еще припомнились слова Роя, почему птичку нельзя выпускать из лавки, и она окончательно расстроилась.

— Ой, Амелия, а что, если ястреб или филин доберется до него?

И впервые за все свое пребывание в больнице девочка расплакалась.

Амелия перепугалась.

— Что такое, что случилось?

— Хочу домой. Хочу к Джеку.

Прошло еще несколько недель.

Френсис находилась в кухне, когда зазвонил телефон.

— Миссис Клевердон, это доктор Гликман.

— Да, доктор?

— У нас тут не все благополучно. Вам надо бы поскорее приехать в Атланту.

Френсис и Освальд отправились в путь в пять утра и в половине двенадцатого были уже в кабинете у доктора.

— Что случилось? — встревоженно спросила Френсис.

— Выздоровление застопорилось. Больной, пожалуй, даже хуже. Мы делаем все, что можем, но у нее будто пропала воля к победе.

===А без этого никакие лекарства и терапевтические процедуры не помогут.

— Как же так? И что нам теперь делать?

— Не тратьте зря деньги на больничную койку. Рекомендую забрать девочку домой на какое-то время. Пусть немного отдохнет.

— А разве лечение уже закончилось? — удивился Освальд.

— Нет, не закончилось. Нужно продолжать терапию, пока не наступит кардинальное улучшение. Не люблю выписывать пациентов до срока, недолеченными... только Пэтси, похоже, сейчас уже стало все равно, поправится она или нет. А ведь так все хорошо шло... Вы не в курсе, что могло послужить причиной?

Френсис посмотрела на Освальда, потом на доктора:

— Наверное, ее выбила из колеи история с этой птицей.

— С птицей, которая на фото? — уточнил врач.

— Да. С подраненным виргинским кардиналом, — подтвердил Освальд.

Доктор Гликман приободрился.

— Может, она повидается с ним и повеселеет. Во всяком случае, попробуйте. А сюда птицу доставить никак нельзя?

— Нельзя, — вздохнул Освальд. — В этом-то все и дело. Птица умерла.

— Ах, вот как. А вы ей сообщили?

— Нет, мы побоялись сказать правду, — призналась Френсис. — Мы наврали, что ветеринар вылечил пичугу и она улетела. Лучше бы нам не лгать.

— Мы не знали, что делать, — сказал Освальд.

Доктор Гликман внимательно поглядел на двух донельзя расстроенных людей, сидящих перед ним.

— Не судите себя слишком строго. Пусть она верит, что птаха жива. Это дает ей какую-то опору. Будем надеяться, что через некоторое время она успокоится, придет в себя и можно будет продолжить лечение.

— И какой срок на это отводится? — спросила Френсис.

Доктор Гликман только головой покачал:

— Боюсь, небольшой. Если прекратить терапию, мускулы постепенно ослабнут, нога возвратится в прежнее положение и все наши труды пойдут насмарку. Очень хотелось бы верить, что она приедет сразу после Рождества.

Пэтси, похудевшая и осунувшаяся, пришла в нетерпеливый восторг, узнав, что едет домой. Амелия, как ни жаль ей было расставаться с девочкой, помогла малышке собраться.

— Скоро увидимся, — ободряюще шепнула она, когда Пэтси подкатили в инвалидной коляске к машине. А сама подумала: «Увидимся ли мы еще когда-нибудь?»

Всю дорогу до Затерянного Ручья Пэтси тихонько беседовала с фотографией Джека, а Освальда и Френсис терзала совесть.

Дома выяснилось, что девочка еще очень слаба и ходить может лишь с огромным трудом. Она почти не выбиралась на свежий воздух, большую часть времени проводя в четырех стенах. Каждый на свой лад старался ее развлечь, но Пэтси хотела лишь одного — повидаться с Джеком.

— Солнышко, Джек, наверное, далеко улетел, у него теперь своя семья, столько забот, — увещевала ее Френсис.

Но Пэтси не сдавалась:

— Мистер Кэмпбелл сказал, если сильно захочешь, то сбудется. А я очень-очень хочу увидеть Джека.

Каждое утро Пэтси просыпалась с надеждой, что сегодня они наконец встретятся, а когда ее друг не показывался, старалась скрыть разочарование. В дождь она сидела в своей комнате и неотрывно глядела в окно, не мелькнет ли среди струй алое оперение. У Френсис не хватало смелости поведать ей правду, да и доктор Гликман сказал, что даже фальшивая надежда лучше, чем безнадежность. От наступающего Рождества Френсис ожидала многого: вдруг праздник развлечет девочку и она перестанет думать о встрече со своим пернатым другом? Френсис признавалась Милдред:

— Впервые Пэтси будет праздновать Рождество вместе с нами, и пусть про меня говорят что угодно, завалю девочку подарками.

День за днем Клод Андервуд доставлял к причалу Френсис пакеты с рождественской символикой — чуть ли не каждый магазин, высылающий товары по почте, внес свою лепту. Плюшевые зверюшки, книги, игры, обновки — все это предназначалось Пэтси, а Милдред, на которую иногда нападала охота к рукоделию, шила ей дюжину подушечек на кровать.

За три дня до Рождества, когда Окутанная Тайной Ель была уже наряжена, позвонила Дотти:

— Френсис, немедленно ко мне.

Та помчалась на почту.

Дотти с мрачным лицом достала из коробки с надписью «Письма Санта-Клаусу» конверт и передала Френсис.

Знакомые детские каракули.

Дарагой Санта Клаусе!

Пожалуйста разриши мне увидится с Джеком. Баюсь как бы с ним ни случилось чего плохого. Я вела себя хорошо. Я сичас живу у миссис Клевердон в голубом доме у почты.

Твоя Пэтси

Рождественский ужин в зале приемов получился какой-то безрадостный, не таким его себе представляла Френсис. Даже когда Санта позвал Пэтси, она ничуть не повеселела, ведь единственного желанного подарка ей не вручили. И никогда не вручат — вот что больше всего угнетало Освальда и Френсис.

Да тут еще елка не захотела зажигаться. Батч повернул выключатель, что-то вспыхнуло, хлопнуло, да тем дело и закончилось. Все уже расходились, а Батч все еще возился с проводами.

Несмотря на неудачу с елочными фонариками, Пэтси по дороге домой немного оживилась. В глубине души она поверила, что Джек непременно прилетит к ней завтра, только никому не говорила.

Скорей бы завтра наступило!

И Пэтси заснула с любимой фотографией в руке.

Другое Рождество

Рождественским утром Пэтси проснулась рано и в кухню вошла уже полностью одетая.

— Сегодня мы с Джеком увидимся, я точно знаю! — радостно объявила она.

Френсис нахмурилась.

— Золотце, ты только не настраивай себя заранее. Кто знает, может, он со своей семьей сейчас далеко. А подарки ты не хочешь посмотреть? Рождество наступило!

— Можно я попозже? Когда увидаюсь с Джеком?

— Солнышко, их полагается открывать рождественским утром. Если бы мне надарили столько всего, я бы ни минуты ждать не стала! Скоро Милдред к нам заглянет. И потом, ты еще не совсем окрепла, не стоит выходить одной.

Но Пэтси ее не слушала и, наскоро разделавшись с завтраком, выскользнула за дверь. К подаркам она даже не притронулась.

Когда пришла Милдред, Френсис сидела в гостиной, расстроенная и озабоченная.

— А Пэтси где?

— Отправилась на поиски Джека. Ее уж час как нет. Вбила себе в голову, что сегодня он непременно прилетит.

— Нет, так нельзя. Кто-то должен сказать ей правду.

— Валяй. Разобьешь ей сердце, притом на Рождество. У меня язык не повернется. Раньше надо было думать. Только мне кажется, все образуется. Рано или поздно она о нем забудет.

Милдред выглянула в окно:

— О-о-ой... вот она, во дворе у Бетти Китчен. Нет, такого паршивого Рождества у меня еще не было. Это нам наказание за ложь. В жизни больше не совру. — Она встревоженно оглянулась на Френсис: — Если девочка когда-нибудь узнает, что мы натворили, она всех нас возненавидит. И эта рана никогда не затянется. Вот из таких и вырастают преступники. Сбежит из дома, через несколько лет вернется и поубивает нас всех в постелях. И поделом нам.

— Господи, Милдред, прекратишь ты наконец читать эту дрянь? Без тебя тошно.

Ко всему прочему, день выдался грустный и хмурый, все небо обложили тучи. Привычное рождественское солнце, по-праздничному голубое небо куда-то канули.

В соседнем доме Освальд в своей комнате размышлял о том, какое все-таки несуразное понятие — время. Нет ничего более непостоянного. То его слишком много, то чересчур мало. Прежде, до того, как доктор сформулировал свой прогноз, время было мерно тикающим на запястье кружочком, взглянешь и узнаешь, который час. Оглядываясь сейчас на прожитые годы, Освальд видел, что только и ждал чего-то. Ждал, что его усыновят. Ждал, когда вырастет. Ждал, когда пройдет насморк, когда срастется сломанная кость. Ждал своей суженой, искал, где лучше, добивался своего маленького счастья, пока его время не вышло. Теперь всем ожиданиям конец, и ничего-то он в жизни не добился, вот разве научился рисовать, да и то слишком поздно. Коротенькая вышла у него жизнь, ничего не скажешь. Год всего остался — и в этот год судьба свела его с Пэтси. И она ждет — только и ее ожиданиям не суждено сбыться. Вон она — ковыляет по двору, смотрит в небо, шарит взглядом по деревьям, но любимая птичка к ней не прилетит, птичка мертва. У Освальда душа разрывалась на части. Хватит ли у ребенка сил? Он сам — другое дело, с него как с гуся вода, но вот девочка... за что ее так? Он посмотрел на картину, над которой работал целый год, — Пэтси и Джек на дне рождения. Освальд хотел подарить ее малышке на Рождество — да поздно. Ей не нужна картина, ей нужен живой Джек.

Освальд прекрасно знал, какие опасности таит в себе первая рюмка, но решил пустить все страхи побоку. Как тут вынесешь, когда Пэтси у тебя на глазах начинает понимать — а первый урок преподан, — что на свете нет ничего настоящего. Нет Бога. Нет Санта-Клауса. Нет счастливых развязок. Все рано или поздно распадается. Ничто не длится вечно. Он бы пошел на все, только бы уберечь ее от разочарования в жизни. В это утро он самого Бога, если тот все-таки существует, хорошенько двинул бы по длинному лживому носу.

Днем Освальд на попутке добрался до Лиллиана, ворвался в первый попавшийся бар и плюхнулся на высокий табурет рядом с мужчиной в бейсболке с надписью «Джон Дир», перед которым стоял бокал «Будвайзера». Потемки, кислый запах пива, табачный дым, орущий в углу музыкальный автомат пробудили в Освальде теплые воспоминания. Здесь ему самое место. Здесь его дом.

Он сделал знак бармену:

- Один «Будвайзер» мне и один от меня моему приятелю.
- Спасибо, дружище, — поблагодарил мужчина. — С Рождеством тебя.
- И тебя тоже, — ответил Освальд Т. Кэмпбелл.

Френсис прождала Пэтси весь день. Около половины пятого, когда на городок опустились сумерки, она решила, что хватит ждать, и отправилась на поиски. Оказалось, Пэтси ценой невероятных усилий добрела до леса за лавкой, закрытой по случаю Рождества. Надежда привела ее сюда. И то — зачем Джеку далеко улетать?

— Золотце, пойдем домой. Ты еще слабенькая для таких долгих прогулок. Становится холодно, а ты даже свитер не надела. Еще простудишься, чего доброго. А простужаться тебе нельзя.

Но Пэтси не сдавалась. Ведь еще не совсем стемнело.

— А можно мне побыть здесь еще немножко? Ну пожалуйста!

Употребить власть? Сама мысль показалась Френсис дикой.

— Хорошо. Только недолго. И повернись-ка. — Френсис надела на Пэтси розовую кофту и застегнула на все пуговицы. — Как стемнеет, сразу домой. Хорошо?

— Да, мэм.

— Ты еще ни одного подарка не открыла. Не забыла про них?

— Нет, мэм.

В своей кофте до колена она казалась такой маленькой и хрупкой, что Френсис по дороге домой чуть не разревелась.

Милдред была права. Исключительно гадкое Рождество. Просто в первый раз такое.

Где-то через час Френсис услышала неверные шаги Пэтси и встретила ее у порога. Свечки уже были зажжены, на столе дожидались горячий шоколад и печенье.

— Ну вот и ты. Санта-Клаус принес тебе целую кучу даров, ты хоть погляди, что там. Это ведь такая радость!

Френсис надеялась, что девочка хоть немного развеселится, и Пэтси старательно изображала радость, когда срывала обертку с очередного подарка. Но заметно было, что ни куклы, ни плюшевые звери, ни игрушки, ни обновки не могли заменить ей главного. Рождество уже почти прошло, а они с Джеком так и не увиделись.

Поздним вечером, когда Пэтси уже лежала в кровати, зазвонил телефон. На проводе была Бетти Китчен.

— Как там Пэтси?

— Просто ужас.

— Так я и думала. А мистер Кэмпбелл у вас?

— Нет, я его целый день не видела. А что?

— Не явился на рождественский ужин. Я уж думала, он у вас. Как-то это на него непохоже. Насчет покушать он всегда первый.

Часы пробили полночь, когда Освальд, наконец отключившись, свалился на пол с табурета. В 12.45 Бетти разбудил громкий стук в дверь. Она выкарабкалась из своего чулана, накинула халат и открыла.

Рука Освальда была закинута за шею доброго самаритянина в бейсболке «Джон Дир», прочие части обмякшего тела пребывали в полном бездействии.

Спутник Освальда коснулся козырька:

— Прошу прощения, мэм. Небольшое рождественское злоупотребление. Куда его?

При Бетти Освальд ни разу капли в рот не брал. Хорошо, у нее с давних времен был опыт общения с пьяными.

— Кладите его сюда, не волочить же его ночью вверх по лестнице. Сюда, на мою кровать. А уж утром я с ним разберусь.

«Джон Дир», сам нагрузившийся сверх меры, пробрался в чулан и ссыпал Освальда на кровать.

— С Рождеством и доброй ночи всем, — пробормотал он на прощанье и растворился в ночи.

Бетти сняла с Освальда ботинки, накрыла несчастного одеялом и закрыла дверь. Поднявшись по лестнице, она прошла в запасную спальню в конце коридора и легла. Пожалуй, такого дрянного Рождества она не припомнит. Пэтси разочаровалась в жизни, матушка обкусала все восковые фрукты, лежавшие в блюде на буфете, да тут еще и жилец напился в дым.

Что-то еще приключится?

Выспаться у Бетти не получилось. Где-то без пятнадцати шесть в доме поднялся страшный крик. Мисс Альма в ночной рубашке стояла посреди коридора и во всю глотку взывала к дочери:

— Бетти! Бетти! Вставай! Проснись! Караул! Мои камелии снялись с кустов и порхают в воздухе!

Бетти затаилась — в надежде, что матушка скоро утомится и отправится досыпать. Не тут-то было. То есть к себе в комнату матушка вернулась, но утомониться и не подумала. Вопли про камелии звучали крещендо. Пришлось бедной Бетти встать, пересечь коридор и заняться родительницей.

— Все хорошо, мама. Ляг поспи. Говорю тебе, все спокойно. Это просто дурной сон.

Но старушка не поддавалась. Затащив к себе Бетти, она дрожащим пальцем ткнула в окно и взвизгнула:

— Глянь только! Вон они! Иди поймай!

Бетти тяжело вздохнула.

— Успокойся же, мама. Мистера Кэмпбелла разбудишь. Иди в постель.

Перст матушки указывал на окно.

— Гляди, гляди, гляди! — подпрыгивала она на месте.

— Ну хорошо, хорошо, — буркнула Бетти, только чтобы ее успокоить.

И посмотрела в окно.

И остолбенела, не веря своим глазам.

Приблизительно в это же время в доме по соседству Пэтси внезапно села на кровати и крикнула:

— Миссис Клевердон! Миссис Клевердон!

В комнату вбежала перепуганная Френсис.

Пэтси с горящими от возбуждения глазами подскакивала у раскрытого окна.

— Я видела его! Я только что видела Джека! Он был здесь! Я знала, знала, что он прилетит ко мне!

— Где ты его видела?

— Здесь. Он сел ко мне на подоконник и подмигнул. Это был он, я знаю! Он вернулся!

Френсис посмотрела в окно и обмерла. У нее даже дыхание перехватило. В предрассветных сумерках было хорошо видно, что и двор, и деревья прямо завалены снегом!

Вокруг, куда ни кинь взгляд, было белым-бело. В заоконном молоке мелькнул один алый штрих, потом другой, потом третий. Френсис высунулась наружу. Земля внизу была усеяна большими красными камелиями, которые, наверное, сдуло с кустов ветром. И только когда один цветок поднялся в воздух, Френсис поняла, что это птицы.

Целая стая виргинских кардиналов!

В это же самое время Бетти Китчен, размахивая ручищами, мчалась вниз по лестнице:

— Боже! Боже! Боже! Мистер Кэмпбелл, проснитесь же!

Освальд разлепил веки, в полной темноте спустил с кровати ноги и сразу же приложился головой о какую-то полку. Было совершенно непонятно, где он и как сюда попал. Да тут еще вопли.

«Помер я, что ли? — перепугался Освальд. — Ну тогда я точно в аду».

Бетти рывком распахнула дверь в чулан и проорала:

— Снег идет!

Очень скоро ближние и дальние соседи в более или менее неодетом виде с криками высыпали на улицу, тараща глаза. Удивляться было чему: снег продолжал падать, кардиналы буквально наводнили окрестности. Их были сотни и сотни, стайками по двадцать-тридцать штук птицы сидели на ветках, перелетали с дерева на дерево, проносились над землей. С гудящей головой — он еще и приложился, словно мало одного похмелья, — Освальд лихорадочно натягивал ботинки. Когда он все же вырвался из темного чулана на крыльцо, его поджидало новое потрясение.

В снежном безмолвии порхали красные птички.

Вот это зрелище. На фоне невесомых крупных хлопьев пурпурные кляксы — мир словно обратился в промокашку. Хмель, что ли, еще не выветрился, недоумевал Освальд. Постепенно из предрассветного тумана проступали более четкие контуры — что-то вроде картинки к сказкам для детей, увитой облепленными снегом прядями мха. К Освальду подошла Пэтси и уцепилась за руку. Глаза у нее сияли, лицо горело.

— Мистер Кэмпбелл, я видела его. Он вернулся. Я очень-очень сильно захотела, и он прилетел. Все как вы сказали. Он сел на подоконник и подмигнул. А это, — Пэтси показала на спящих туда-сюда птиц, — это все его друзья. Я знала, что он вернется!

Кардиналы гурьбой уселись на ветке, на Освальда и Пэтси посыпался снег.

«Все-таки я умер и попал на небеса, — мелькнуло в голове у Освальда. — Но если я жив, перед Богом клянусь, в жизни больше капли в рот не возьму».

Что за утро!

Бетти метнулась в дом, схватила телефон и позвонила в Лиллиан Элизабет Шивере.

— Ты веришь своим глазам? Тебе доводилось видеть такое?

— А что случилось? — недоуменно спросила Элизабет.

— Ты посмотри в окно! Снег! И у нас тьма-тьмущая красных кардиналов! А у вас?

Элизабет сонно выглянула в окно.

— Ни снежинки. И какие еще кардиналы?

Услышав крики с другого берега, креолы высыпали к реке посмотреть, что происходит. И обнаружили, что противоположную сторону реки засыпает снегом. Дети, никогда такого не видевшие, готовы были вплавь форсировать водную преграду. Да и взрослые недолго боролись с искушением. Снег все валил, когда креольские лодки одна за другой пересекли реку — впервые за девятнадцать лет! — и их владельцы разделили восторг соседей. Куда ни глянь, повсюду веселье и танцы. По всей округе разорялись телефоны, и вскоре целые толпы съехались поглазеть на сугробы и алых птиц. Детям белые хлопья были в диковинку, даже их родители не могли припомнить, чтобы в Затерянном Ручье когда-нибудь шел снег. И уж точно никто ни разу в жизни не видел столько кардиналов.

Френсис, Сибил и Дотти поспешили в зал приемов, чтобы приготовить для всех желающих кофе и горячий шоколад, а когда включили свет, внезапно зажглась Окутанная Тайной Ель — ну словно Рождество вернулось! Хотя было воскресенье, Рой в честь редкостного события пустил в свою лавку людей и принялся раздавать детям конфеты, а взрослым пиво. Открывая банку для Милдред, он увидел, что на улице у входа стоит Джулиан Лапонд. В магазинчике внезапно стало тихо, все затаили дыхание. Заклятые враги несколько секунд смотрели друг на друга через стекло, затем Рой вышел из-за прилавка, распахнул дверь и произнес:

— Заходи, Джулиан, позволь угостить тебя пивом.

Он знал, что Джулиан очень гордый человек и вряд ли согласится. Однако, ко всеобщему удивлению, креол вошел в магазин.

Чуть позже Освальд спустился к реке поглядеть, как там пеликаны, утки и цапли. Птицы никак не могли взять в толк, что это за белая дрянь засыпала все вокруг. Три пеликана привычно попытались пристроиться на сваях, поскользнулись на снежной каше, один за другим шлепнулись в воду и пришли в неописуемую ярость. Освальд помирал со смеху, глядя на них.

Солнце поднялось повыше, и снег начал таять, — но прежде три машины, водители которых не справились с управлением на скользкой дороге, въехали друг в друга. Вообще много странных и необыкновенных событий произошло в этот день. Освальд совсем забыл про свою хворь и, вопреки предписанию доктора, все утро гулял по снегу. Однако не заболел пневмонией и не умер, даже простуду не схватил. Но замечательнее всего было то, что исполнилось желание Пэтси. Она повидалась со своим лучшим другом.

Конечно же, впоследствии явилось множество вопросов. Почему снег шел только на маленьком клочке? Откуда взялось столько кардиналов? С чего это птица подмигнула Пэтси? Разумеется, стопроцентной уверенности насчет реальной подоплеки событий не было ни у кого, однако у Милдред имелась своя теория.

Размеренным шагом вошла она в дом сестры, встала посреди гостиной, подбоченилась и торжественно объявила:

— Френсис, я ей верю. Она видела Джека. Это точно.

— Как же такое возможно, Милдред? Уж нам-то с тобой известно, что он два месяца как умер.

— Неважно, — сказала Милдред. — Полагаю, она его видела. Как так вышло, не знаю. Видела — и все. — Она посмотрела сестре в глаза суровым немигающим взглядом. — Наверное, произошло что-то вроде чуда.

Френсис призадумалась.

— Ну, не знаю. То ли она его в самом деле видела, то ли ей так показалось. Разводить сомнения я не намерена. Она снова ест с аппетитом — больше мне ничего не нужно. Остальное меня не волнует.

Разумеется, если бы нечто подобное произошло на само Рождество, а не на следующий день, многие поверили бы в чудо. А так у всякого нашлось свое объяснение. Пэтси была уверена, что это все Санта-Клаус, только он почему-то на день опоздал. Метеорологи истолковали события с сугубо научной точки зрения. Со стороны Канады накатило внезапное похолодание, и ледяной воздушный поток достиг Северной Флориды, вследствие чего температура упала до 38[36] градусов. Причиной снегопада могла послужить повышенная влажность воздуха над рекой, а где было посуше, там снег и не выпал. Орнитологи утверждали, что виргинские кардиналы, как известно, в случае наступления холодов сбиваются в большие стаи, каковые, видимо, и сформировались в окрестных лесах, благо кардинал – птица оседлая. Правда, Рой с Батчем были уверены, что птиц привлекли подсолнухи (под покровом ночи они рассыпали по всему поселку фунтов пятьдесят семечек). Рой рассудил, что если в радиусе ста миль есть хоть одна красная птичка, которая, подобно Джеку, обожает подсолнухи, то стоит попробовать. Ну а уж почему какой-то птахе вздумалось вдруг сесть к Пэтси на подоконник – на этот вопрос ни у кого ответа не было.

Время шло – и чередой потянулись события совсем уже поразительные. В тот вечер, когда Рой наведаясь на тот берег и постучался к Джулиану Лапонду, выяснилось, что со своим мужем Мари давно развелась. И после стольких лет разлуки Мари и Рой опять сошлись. Так закоренелый холостяк из Затерянного Ручья обрел жену и даже детей – у Мари от прежнего брака было двое.

Не один Рой нашел свое счастье. Не прошло и нескольких месяцев после нашествия красных птиц, как Френсис Клевердон приняла судьбоносное решение. Однажды утром она обратилась к Освальду с серьезным разговором: – Вот что. Думать не думала о новом замужестве, но я выйду за тебя, если ты возьмешь меня в жены. Пэтси нужен отец. Ты ей нравишься... и мне тоже.

В первую минуту Освальд был ошеломлен, и только. Но когда Френсис удалилась, Освальд задал самому себе парочку вопросов и понял, что ему нравится эта женщина и все, что с ней связано, – от коллекции соусников до розовой кухни. Каким же он был тупым, что раньше этого не замечал! Мысль о том, что он станет ее мужем и отцом Пэтси, умилила до слез. Но прежде, чем дать ответ, следовало съездить в Чикаго и повидаться с доктором. Френсис должна знать, кого берет в мужья и много ли этому человеку осталось.

Прибыв в Чикаго и набрав нужный номер, Освальд, к огорчению своему, узнал, что его доктор умер. Впрочем, сын старого врача, тоже врач, у которого осталась медицинская карта Освальда, согласился его принять на следующий день. Когда осмотр завершился и результаты исследований были готовы, новый доктор устремил на Освальда взгляд:

– Итак, мистер Кэмпбелл. У меня для вас две новости – хорошая и плохая. Какую вы хотите услышать первой?

Сердце у Освальда екнуло. В душе он все-таки надеялся, что никаких дурных новостей не услышит, одни добрые.

– Пожалуй, плохую, – пробормотал он.

– Пенсия по инвалидности вам больше не полагается.

– А?

– Ну а хорошая новость в том, что со времени последнего осмотра легкие у вас стали куда чище. Вы на верном пути, мистер Кэмпбелл. Так держать!

— Серьезно? И какой срок вы мне отмерите?

— А сколько бы вы хотели? — улыбнулся доктор.

— Жить вечно.

— Значит, так, мистер Кэмпбелл. Вечной жизни я вам обещать не могу. Но вы попробуйте.

— Спасибо, док. Уж я постараюсь.

До отъезда Освальд позвонил своей бывшей жене Хелен и поделился радостью.

Всю дорогу домой, к Пэтси и Френсис, Освальд чувствовал себя счастливейшим из смертных. И ведь всем этим он обязан старине Хорасу П. Данлепу и его выцветшей брошюре. Освальд теперь в Затерянном Ручье не «залетный» гость. Он перешел в категорию «соседей».

Но радостные перемены на этом не закончились.

Буквально на следующий день после возвращения Освальда из Чикаго случилось еще кое-что. Мисс Альма, матушка Бетти, спустилась поутру из своей комнаты в кухню и заявила, к глубокому потрясению присутствующих:

— Пожалуй, я сегодня что-нибудь испеку.

И испекла. Ее пирожные и птифуры привели всех в такой восторг, что Бетти Китчен принуждена была открыть собственный пансион, где постояльцам подавались матушкины изделия.

После свидания с Джеком Пэтси примирилась с их разлукой, вернулась в больницу и благополучно завершила курс лечения. Не прошло и года, как хромота совершенно пропала. Впрочем, даже когда Пэтси выписали, Батч Маннич не перестал каждые выходные ездить в Атланту, и через полгода меню совместных ужинов в зале приемов пополнилось тамале[37] и энчиладами, [38] которые готовила его невеста, Амелия Мартинес.

Поистине исключительные перемены произошли в жизни Милдред. В лавке у Роя все тем же судьбоносным утром она впервые повстречала Джулиана Лапонда — самого красивого мужчину, какого только ей доводилось видеть. Вдовец Джулиан тоже заметил Милдред и даже спросил у Роя:

— Кто это?

Их представили друг другу, и события понеслись во весь опор. Не успел никто опомниться, как Милдред — ныне платиновая блондинка — уехала вместе с Джулианом в Новый Орлеан, где они живут и сейчас, в радости и согласии.

— Вот оно, бульварное чтиво-то, — заметила Дотти Найвенс и засела за собственное сочинение, каковое и удостоилось первой премии за лучший американский роман. Так сбылась ее мечта. Теперь она была прежде всего писательницей, а уж потом письмоношей.

Через пять лет, в канун очередного Рождества, Освальд Т. Кэмпбелл вернулся с заседания администрации округа и с радостью сообщил своей жене Френсис:

— Просьба жителей удовлетворена.

На Рождество перед залом приемов развернули транспарант:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

В «КРАСНУЮ ПТИЦУ», АЛАБАМА

Птичий заповедник

В тот вечер, когда Батч включил электричество, зажглась и елка, и подсветка транспаранта. Освальд сжал Френсис руку, и они улыбнулись и помахали Пэтси, стоящей тут же вместе с другими детьми.

Освальд прошептал на ухо Френсис:

— Потрясающе, сколько судеб изменила одна маленькая птичка!

И он был прав.

Эпилог

Хотя Освальд потерял право на пенсию по инвалидности, богатые клиенты галереи в «Гранд-отеле» очень скоро открыли для себя его работы, и он приобрел некоторую известность. Его акварели пользуются успехом, и тем не менее все сходятся во мнении, что лучшее его произведение украшает зал приемов в заповеднике «Красная птица». Люди приезжают за много миль, только бы посмотреть на Пэтси и Джека на их общем дне рождения.

Пэтси выросла и стала ветеринаром, умело и с радостью лечит птиц. Она молода и красива, у нее дети. Пролетит мимо красная птичка, особенно под Рождество, и на губах у нее неизменно появляется улыбка.

Кулинарные рецепты

Желе из скапернанга, или путь к сердцу мужчины

рецепт Френсис Клевердон

5 чашек[39] виноградного сока, сорт «скапернанг» (из одного фунта[40] винограда получается одна чашка сока)

1 упаковка «Шур-Джелл» или иного фруктового пектина в порошке

1 чайная ложка растительного масла

7 чашек сахара

Размешать 1 упаковку «Шур-Джелл» (или иного фруктового пектина в порошке) в смеси виноградного сока и растительного масла. Довести до полного кипения. Кипятить две минуты. Быстро засыпать сахар и вновь довести до полного кипения. Кипятить две минуты, непрерывно помешивая. Сразу же разлить по простерилизованным полупинтовым[41] банкам, не доливая до краев одну восьмую дюйма, [42] и закатать.

Получается полторы пинты.

Жареная кефаль

рецепт Клода Андервуда

6 средних кефалей, вычищенных, выпотрошенных и приправленных

Половина чайной ложки соли

Четверть чайной ложки перца

Острый соус (кто любит)

1 чашка пшеничной муки для быстроподнимающегося теста[43]

1 чашка таковой же кукурузной муки

1/4 чашки шкварок

С обеих сторон посыпать кефалей солью и перцем, окунуть в острый соус (кто любит) и оставить на 10 минут при комнатной температуре. Смешать пшеничную муку с кукурузной и обваливать рыбу. Жарить на шкварках, разок перевернув, в общей сложности восемь-десять минут или до золотистого цвета.

На шестерых.

Восхитительное ассорти

рецепт Милдред

1 банка фруктового коктейля

1 банка резаных ананасов

1 1/2 чашки колотых орехов pekan

Маленькая упаковка сметаны

Измельченный кокос

Мараскиновые вишни

Слить жидкость из фруктового коктейля и ананасов. Смешать фруктовый коктейль, ананасы, пеканы и сметану. Украсить мякотью кокоса и вишенками. Охладить.

«Начо» с говядиной

рецепт Амелии Мартинес

1 фунт фарша из говядины (от лопатки, подбедерка)

1 большая луковица, мелко порезанная

1 упаковка смеси приправ «Тако», вода

1 упаковка чипсов «Начо»

1 упаковка измельченного сыра чеддер

1 упаковка измельченного сыра моцарелла

1 банка порезанного перца халапеньо[44]

1 банка соуса сальса (густого и плотного)

Фарш и мелко порезанный лук поджарить до готовности. Слить излишек жира. Добавить смесь приправ «Тако» с водой. Тушить на медленном огне 10–15 минут. Выложить чипсы «Начо» на противень, сбрызнутый кулинарным жиром «Пэм», положить на каждую чипсину ложечку фарша с луком, измельченный сыр двух видов и кусочек перца. Поместить в нагретую до 350 градусов[45] духовку и запекать около 5 минут или пока сыр не растает. Подогреть сальсу и подать отдельно как приправу к «Начо».

Овощная запеканка для торжественного ужина

1 банка кукурузы в цельных зернах, жидкость слить

1 банка резаной стручковой фасоли, жидкость слить

1/2 чашки резаной паприки

1/2 чашки резаного лука

1/2 чашки резаного сельдерея

1/2 чашки сметаны

1 банка концентрированного супа-пюре из сельдерея

1 упаковка миндальных стружек

Щепотка соли и перца

1 чашка «крекерной крошки»

Смешать все ингредиенты в смазанном сливочным маслом сотейнике. Посыпать панировочными сухарями «крекерная крошка». Запекать при 350 градусах (177 по Цельсию) 45–50 минут.

Пирог с лаймом

рецепт Милдред

4 яйца, отделить белки от желтков

Треть чашки свежавыжатого сока лайма

1 банка сгущенного молока «Игл Бренд»

1 девятидюймовый готовый корж

Смешать желтки и сок лайма. Добавить сгущенку. Взбить один белок и, помешивая, влить в смесь желтков и сока. Взбить оставшиеся три белка, понемногу добавив сахар и винный камень. Выложить на корж и запекать при 350 градусах (177 по Цельсию), пока белки не сделаются золотисто-коричневыми.

Помидорное заливное – секретное оружие «Крупных Горошинок»

3 пакетика желатина без ароматизаторов

1 банка томатного сока на 46 унций[46]

2 столовые ложки тертого лука

2 столовые ложки сахара

1 столовая ложка лимонного сока

1/2 чайной ложки соли

1 чашка тертого сельдерея

1 чашка тертого зеленого перца (кто любит)

Листья салата-латука и майонез

Раскрошить желатин в полторы чашки томатного сока. Оставить на одну минуту, затем нагреть на среднем огне, часто помешивая, пока желатин не разойдется. Добавить лук, сахар, лимонный сок, соль и оставшийся томатный сок, перемешать. Охладить до консистенции яичного белка. Помешивая, добавить сельдерея и, кто любит, зеленый перец, переложить в круглую форму на шесть чашек. Накрыть крышкой и охладить, пока не застынет. Подавать с листьями салата-латука, сдобренными майонезом.

Получается 10–12 порций.

Новогодняя спаржевая фасоль

2 чашки сухой спаржевой фасоли

6 чашек кипятка

Полторы унции солонины или 4–5 кусочков бекона

1 чайная ложка соли

Положить фасоль в большую миску и залить кипятком на два часа. Промыть солонину, сделать на куске крестообразный надрез до самой шкурки, но насквозь не прорезать. Положить солонину в чугунную кастрюлю, посолить, залить свежей водой, добавить откинутую на дуршлаг фасоль. Довести до кипения, закрыть крышкой, убавить огонь и тушить 1–2 часа или до мягкости, при необходимости долить воды, чтобы фасоль была едва прикрыта.

Получается 4–6 порций.

Запеканка из сладкого картофеля

3–4 отварные сладкие картофелины

1 чашка сахара

1/2 чайной ложки соли

1/2 чайной ложки корицы

1/2 чайной ложки ямайского перца

Щепотка мускатного ореха

2 яйца

3/4 чашки стуженного молока без сахара

1/4 чашки воды

1/2 пакета маршмэллоу[47]

Смесь для заливки сверху:

3/4 брусочка масла, [48] растопить

1 чашка измельченных кукурузных хлопьев

1 чашка коричневого сахара

1/2 чашки орехов pekan

Растереть миксером картофель, сахар, соль, приправы, яйца, молоко и воду в однородную массу. Переложить в сотейник и запекать при 375 градусах (190,5 по Цельсию) 30–35 минут. Прикрыть сверху маршмэллоу и подрумянить.

Заливка:

Перемешать хлопья и масло. Добавить коричневый сахар, затем пеканы. Перемешать до образования крупных комков. Нанести на картофельную смесь и запекать еще 10 минут. Блюдо можно сделать за два дня до употребления. Перед разогреванием держать в холодильнике.

Почти так же готовится пирог из сладкого картофеля. Выложить в 9-дюймовую форму и выпекать при 375 градусах (190,5 по Цельсию) около 25 минут или пока не подрумянится.

Кукурузная запеканка

1 большая банка протертой кукурузы

1 банка кукурузы в зернах

2 взбитых яйца

1 брусочек масла

8 1/2 — унцевая коробка смеси для кукурузных кексов «Джиффи»

8 унций сметаны

Тщательно перемешать все ингредиенты. Переложить в смазанную маслом форму 9x13 дюймов и запекать при 350 градусах (177 по Цельсию) около 45 минут или пока не пропечется середка.

Макароны с сыром

рецепт Френсис

2 чашки молока

3 столовые ложки растопленного маргарина

3 столовые ложки хлебопекарной муки

1/2 чайной ложки соли

1/2 чайной ложки перца

3 яйца, взбить

5 чашек отварных макарон типа рожки

2 1/2 чашки (10 унций) тертого сыра чеддер

3/4 чашки свежих хлебных крошек (или панировочных сухарей)

Предварительно нагреть духовку до 350 (177 по Цельсию) градусов. Смешать в миске первые шесть ингредиентов и взбить венчиком до образования однородной массы. Выложить половину отваренных макарон на дно смазанной жиром 9-дюймовой квадратной формы для выпечки, присыпать половиной приготовленного тертого сыра и прикрыть второй половиной макарон. Залить

молочной смесью, посыпать хлебными крошками. Запекать под крышкой в течение 50 минут, посыпать оставшимся сыром и поставить в духовку еще на пять минут.

Получается 6-8 порций.

Имбирный хлеб

любимое лакомство Пэтси

2 3/4 чашки хлебопекарной муки

1 1/2 чайных ложки пищевой соды

1/2 чайной ложки соли

1 чайная ложка молотой корицы

1 1/2 чайных ложки молотого имбиря

1/4 чайной ложки молотой гвоздики

2/3 чашки воды

1/3 чашки растопленного кулинарного жира

1 чашка патоки

1 яйцо, взбить

Предварительно нагреть духовку до 350 градусов (177 по Цельсию). Тщательно смешать в большой миске сухие ингредиенты. Старательно смешать воду, кулинарный жир, патоку и яйцо, залить мучную смесь. Растопить масло в 9-дюймовой квадратной форме для выпечки, выпекать хлеб 35-40 минут или пока деревянная зубочистка, выдернутая из хлеба, не останется чистой. Подавать горячим с лимонным соусом (на следующей странице).

Получается шесть порций.

Лимонный соус

1/2 чашки сахара

1 1/2 столовые ложки хлебопекарной муки

1 чашка воды

3 столовые ложки свежавыжатого лимонного сока

Щепотка соли

2 столовые ложки масла, порезать на мелкие кусочки и размягчить

В маленькой кастрюльке тщательно перемешать сахар и муку. Добавить в смесь и перемешать до образования однородной массы воду, лимонный сок и соль. Кипятить на среднем огне, постоянно помешивая, пока сахар не разойдется. Убавить огонь и кипятить еще одну минуту. Снять с огня, по ложке за раз внести масло и взбить. Подавать горячим или при комнатной температуре.

Получается одна чашка.

Пирог с кукурузным виски «Кентукки бурбок»

рецепт Дотти Найвен

1 чашка сахара

1 чашка негустого кукурузного сиропа

1/2 чашки масла или маргарина

4 яйца, слегка взбить

1/4 чашки кукурузного виски

1 чайная ложка ванильного экстракта

1/4 чайной ложки соли

1 чашка среднесладкой шоколадной крошки[49]

1 чашка дробленых орехов пекан

1 форма для выпечки, вставить в глубокий 9-дюймовый противень

Предварительно нагреть духовку до 325 градусов (162 °C). Смешать в кастрюльке первые три ингредиента и нагревать на медленном огне, пока не разойдется масло и не растает сахар. Слегка охладить. В большой миске взбить яйца, виски, ваниль и соль, постепенно внести сахарную смесь, тщательно взбить венчиком. Добавить шоколадную крошку и пеканы, вылить смесь в форму. Выпекать 50–55 минут или до готовности. Подавать горячим или холодным.

Плавучий остров

2 яйца, отделить белки от желтков

2 чашки пастеризованного молока

Щепотка соли

2 столовые ложки гранулированного сахара

1 чайная ложка ванили

4 столовые ложки сахарной пудры

Взбить желтки, добавить в горячее молоко и тщательно перемешать. Поместить в верхнюю емкость пароварки и варить, пока жидкость не начнет облегать ложку. Добавить соль и гранулированный сахар и отставить в сторону.

Взбить белки в однородную массу. Добавить к белкам 4 столовые ложки сахарной пудры, по ложке за раз, всякий раз взбивая.

Выложить сладкий крем на блюдечки для десерта, сверху положить белки.

Пирог с пеканами на южный манер

1 чашка сахара

2 яйца, как следует взбить

6 столовых ложек масла

1/4 чашки молока

1 чашка орехов пекан

1/2 чашки изюма (кто любит)

Тщательно взбить сахар, яйца, масло и молоко. Добавить пеканы и изюм. Вылить в глубокую форму для выпекания. Нагреть духовку до 350 градусов (177 по Цельсию) и выпекать 40–45 минут. Перед подачей охладить.

Банановый пудинг

рецепт Бетти Китчен

1/2 чашки хлебопекарной муки

1/4 чашки кукурузного крахмала

3 чашки сахара

6 яиц, отделить белки от желтков плюс еще 2 белка

7 чашек молока

1/4 чашки маргарина

2 чайные ложки ванильного экстракта

16-унциевая коробка ванильных вафель (или 1 1/2 12-унциевой коробки)

10–12 средней величины бананов, почистить и порезать на кусочки

В большой кастрюле с толстыми стенками тщательно перемешать муку, кукурузный крахмал и 2 1/2 чашки сахара. Слегка взбить 8 желтков, смешать с молоком и, взбивая, влить в смесь муки и сахара. Добавить маргарин и нагреть на среднем огне, непрерывно помешивая, пока смесь не загустеет. Снять с огня, добавить 1 чайную ложку ванили. Охладить. Разогреть духовку до 425 градусов (218 °C).

Выложить дно формы ванильными вафлями, 1/3 от общего количества, затем выложить слой из 1/3 бананов и 1/3 приготовленного сладкого крема. Затем еще дважды вафли-бананы-крем. Взбить в пену белки, по ложечке добавить оставшиеся 1/2 чашки сахара, взбить в однородную смесь. Добавить оставшуюся чайную ложку ванили, взбить. Нанести получившуюся смесь на верхний слой крема. Выпекать 10 минут или пока не подрумянится. Перед подачей ночь выдержать в холодильнике.

Получается 12 порций.

Тыквенная запеканка

3 фунта летней желтой[50] тыквы

1/2 чашки панировочных сухарей или приправы «Пепперидж Фарм»

2 яйца

1 брусок масла (или даже меньше)

1 столовая ложка сахара

1 чайная ложка соли

1 чайная ложка перца

1/2 чашки мелко нарезанного лука

Вымыть, порезать на кусочки и потушить тыкву 10–15 минут, пока не станет мягкой. Добавить к тыкве все ингредиенты, кроме половины масла и сухарей. Растопить оставшееся масло. Вылить смесь в смазанную жиром форму. Сверху полить маслом и посыпать панировочными сухарями. Запекать при 375 градусах (190 °C) около часа или пока верх не сделается коричневым.

Примечания

1

Так американцы прозвали Чикаго. — Здесь и далее примеч. перев.

2

В бейсболе игрок-раннер касается второй базы во вторую очередь.

3

Ежегодный марафон, старейший в США, проводится с 1897 года в третий понедельник апреля – в День патриотов – по маршруту Хопкинтон – центр г. Бостона, шт. Массачусетс. Победитель получает денежный приз, а также традиционное рагу из говядины.

4

Небоскреб в Чикаго, один из наиболее известных и красивых в Америке. Расположен на углу Мичиган-авеню и северного берега р. Чикаго, состоит из двух зданий, соединенных между собой переходами на уровне улицы, третьего и четырнадцатого этажей.

5

Известнейшая компания по производству суповых концентратов в консервных банках.

6

22 градуса по Цельсию.

7

По американскому обычаю на совместный ужин вроде этого каждый гость приносит какое-то свое угощение.

8

Пиво из корнеплодов – газированный напиток с добавлением сахара, мускатного масла, аниса, экстракта американского лавра и др. Рецепт составлен в конце XIX в. филадельфийским аптекарем Ч. Хайрсом.

9

То есть примерно 193 сантиметра и 58 килограмм.

10

АА – «Анонимные алкоголики» – международная общественная организация, объединяющая желающих излечиться от алкоголизма.

11

Бухта Мексиканского залива на юго-западе штата Алабама. Ширина 8-29 км. Каналом соединена с устьем р. Мобил, на берегах которой расположен г. Мобил.

12

Крупные сладкие гибридные мандарины без косточек.

13

Мускатный виноград, родина — бассейн реки Скапернанг, штат Северная Каролина.

14

Он же «дьявольский пирог», он же «стодолларовый пирог» — бисквитный торт с какао, ванилью и красной ягодной прослойкой.

15

Очень популярная в США карточная игра.

16

Марди-Гра (вторник на Масленой неделе) — праздник в Новом Орлеане и других городах Луизианы и ряда других южных штатов, с красочным карнавалом, балами и парадами с участием ряженных и джаз-оркестров, которые проходят по центральным улицам города, привлекая тысячи туристов. Традицию отмечать этот праздник ввели французские поселенцы.

17

Двадцать с половиной по Цельсию.

18

Яично-алкогольный напиток: вино, коньяк или ром со взбитыми желтками, сахаром и сливками. Подается холодным или горячим. Традиционный рождественский напиток американцев немецкого происхождения.

19

Знаменитые стихи (по легенде, сочиненные Клементом Кларком Муром в 1822 году), где образ Санта-Клауса впервые приобрел характерные черты, хорошо известные нашему современнику.

20

Популярнейшая песня Джонни Маркса (1909–1985), автора многих рождественских гимнов.

21

O Christmas Tree (O Tannenbaum) – рождественская песня немецкого происхождения. Наиболее известная версия песни была создана в 1824 году лейпцигским органистом и учителем Эрнестом Аншульцем. Мелодия основана на старом народном мотиве, а слова восходят к 1550 году.

22

Эдна Фербер (1887–1968) – американская писательница и киносценаристка, лауреат Пулитцеровской премии. Перл Бак (1892–1973) – американская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе (1938).

23

Кровопролитная борьба, которая происходила в Аппалачах между семействами Хэтфилдов из штата Западная Виргиния и Маккоев из штата Кентукки. Началась в 60-е годы. XIX в. как следствие Гражданской войны, поскольку Маккои принадлежали к юнионистам, а Хэтфилды – к конфедератам, и достигла пика к концу 80-х годов. По разным оценкам, в ходе вендетты было убито от 65 до 200 человек, но считается, что Маккоев погибло больше.

24

Полное название: «Благотворительный и покровительствующий орден лосей США» – мужская патриотическая и благотворительная организация, основана в 1868 году, штаб-квартира в Чикаго.

25

Консервативная католическая общественная организация, поддерживающая католическое образование, благотворительные программы, выступает против аборт. Основана в 1882 году, штаб-квартира в г. Нью-Хейвене, штат Коннектикут.

26

Десять градусов по Цельсию.

27

Роберт Браунинг (1812–1889), «В Англии весной», перевод С. Маршака.

28

По народным поверьям, приносит крашеные пасхальные яйца. Перед Пасхой без кроликов не обходится ни одна витрина.

29

Общественная организация, выступающая за охрану окружающей среды, в первую очередь животного мира. Названа по имени натуралиста Джона Джеймса Одюбона. Общество содержит более 80 природных заповедников, финансирует образовательные программы.

30

Блюдо южных штатов – похлебка из стручков бамии с мясом, курицей, крабами, томатами, креветками и устрицами, сдобренная специями и травами (базиликом, кайенским перцем и т. п.).

31

Острое креольское блюдо, род испанской паэльи из риса с ветчиной, креветками и помидорами.

32

Ассоциация молодых христиан – неполитическая международная организация.

33

Время летит, время проходит незаметно. Цитата из поэмы Вергилия «Георгики».

34

Национальный праздник, ежегодно отмечаемый в США в четвертый четверг ноября. Посвящен первому урожаю, собранному пилигримами из Плимутской колонии в 1621 после голодной зимы в Новом Свете.

35

Система социального страхования в США была введена Законом о социальном страховании в 1935 году.

36

+3,3 градуса по Цельсию.

37

Острое блюдо мексиканской кухни; лепешка из кукурузной муки с начинкой из мясного фарша с перцем чили, обернутая кукурузными листьями; готовится на пару.

38

Мексиканский пирожок-тортилья с начинкой из сыра, говядины или курицы в остром томатном соусе с перцем.

39

Кулинарная бытовая мера объема, равная 227 куб. см жидкости, то есть чуть меньше тонкого стакана.

40

16 унций, или 453,6 грамма.

41

1 пинта = 0,473 литра.

42

1 дюйм = 2,54 см; составляет 1/12 часть фута.

43

Мука с добавлением разрыхлителя, в которую не нужно добавлять дрожжи.

44

Халапеньо – разновидность перца чили, небольшого размера, который ценят за особую остроту и жгучесть, остающуюся во рту после еды. Назван перец в

честь города Халапы, штат Веракруз (Мексика), главного производителя халапеньо. По шкале жгучести показатели халапеньо колеблются между 2500 и 10 000 единиц Scoville. Свежий перец при разделке может сильно обжечь руки, поэтому многие повара пользуются латексными перчатками.

45

Примерно 177 градусов Цельсия.

46

В 1 унции 28,35 г, 46 унций — 1304 г.

47

Первоначально суфле из алтея; ныне изготавливается из кукурузного сиропа, сахара, пищевого крахмала, декстрозы, желатина и других компонентов. Поджаривается на палочке на открытом огне; используется также как кулинарный компонент в салатах, десертах, густых кремах и т. д.

48

1 брусочек масла весит 4 унции, т. е. примерно 112 граммов.

49

Мелкие кусочки шоколада в форме капелек, используются для кулинарных целей, а также как конфеты; выпускаются фирмами «Хёрши» и «Нестле».

50

В Америке тыквенные делятся на летние, осенние и зимние.